

**БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ИММАНУИЛА КАНТА**

На правах рукописи

**Мегем Максим Евгеньевич
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЛИТВЫ (ДО 1385 г.)
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Кретинин Г.В.

Калининград — 2018

Оглавление:

Введение.....	3
Глава 1. Исследование литовского прошлого в дореволюционной историографии XVIII в – 1850-х гг.....	48
§1.1. «Чужая» история Литвы в отечественной исторической науке XVIII - первой половины XIX в.....	48
§1.2 «Русская Литва» Н.Г. Устрялова.....	61
Глава 2. Польское восстание 1863-1864 гг. и вопросы средневековой истории Литвы в российской медиевистике 1860-х гг. XIX – начала XX вв.....	77
§2.1. Литовская история и концепции этнической интеграции в политическом и общественных дискурсах после восстания 1863-1864 гг. в Царстве Польском.....	77
§2.2. Литовское прошлое в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.: институциональное оформление научных центров....	90
§2.3. Основные сюжеты литовской средневековой истории (до Кревской унии) в историографии второй половины XIX в. – начала XX вв.....	105
Глава 3. Ключевые эпизоды литовского средневековья в советской исторической науке.....	150
§3.1. Советская историография средневекового литовского прошлого.....	150
§3.2. Концепция средневековой литовской истории и политика реконструкции прошлого в советской историографии.....	169
Заключение.....	200
Список используемых источников и литературы.....	212
Приложение.....	238

Введение

Актуальность. Российская дореволюционная отечественная историография имеет богатый опыт исследования истории Литвы. Это объясняется тем, что прошлое Литвы во многом связано с русской историей: так, в XI и XII вв. русские князья брали дань с литовских племен, в конце XII и XIII вв. уже литовцы совершали походы на близлежащие русские земли, а в XIV в. литовские властители начали присоединять территории русских княжеств, в результате чего образовалось Великое княжество Литовское (далее ВКЛ). Широкий интерес к литовскому прошлому проявился после двух польских восстаний (1830-1831 гг. и 1863-1864 гг.), по итогам которых российская интеллигенция и политическая элита задумались над вопросом, что такое литовская территория для России, является она «чужой» или «своей».

В советское время история Литвы, как и история других народов СССР, также являлась важным объектом изучения. Эпизоды литовской старины обязательно встречались в учебной литературе по истории СССР и общих изданиях, посвященных прошлому русских земель. Литовская ССР имела свою школу ученых и ряд «классических» обобщающих работ, в которых излагалась «официальная» трактовка истории народа. Как для дореволюционной, так и для советской историографии именно литовское средневековье являлось ключевым периодом литовского прошлого, по которому судили об истории Литвы.

Для постсоветской историографии прошлое ВКЛ остается актуальной темой научных изысканий. Доказательством тому служат многочисленные работы, опубликованные за последние три десятилетия¹. Помимо

¹Думин, С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–начала XX в. / Сост. С.В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. С. 76-126.; Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655-1656 гг.). М.: Наука, 1994; Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII-XVI веках, М.: «Аванта+», 1994; Александров Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII-XIV

исследований по истории Литвы, на свет появляются произведения, в которых содержится подробный обзор предшествующих трудов². По историографии средневековой Литвы защищаются кандидатские и докторские диссертации³.

Для нового этапа осмысления литовского средневековья, который начался после распада Советского Союза, характерны такие тенденции, как применение постмодернистских методологических приемов (например, А.И. Филюшкин в своих исследованиях применяет метод дискурс-анализа, М.М.

вв. и образование Литовского государства. М.: Интеллектуально-деловой центр "Гармония", 1994; Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнит.-ист. изучения полит. строя. М.: Изд. центр ИРИ, 1996.; она же. Русско-литовская знать XV - XVII веков. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М.: Квадрига, 2012.; Янин В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII-XV в. М. Изд-во Моск. ун-та 1998; Иванов Н.М. История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей): Историко-генеалогическое исследование-обобщение. Книга I. СПб.: Книга, 2002; Книга II. - СПб.: Книга, 2002; Широкопад А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004; Широкопад А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М: АСТ, 2007; Кром М.М. Стародубская война 1534- 1537: из истории русско-литовских отношений. М: Рубежи XXI, 2008; Кутаков И.В. Великое княжество Литовское в системе международных отношений Восточной Европы конца XIV - начала XV веков. - Нижний Новгород: [б. и.], 2009; он же. История Польши, Великого княжества Литовского и Руси по материалам *monumenta germaniae historica* (середина XIV - начало XV вв.). - Нижний Новгород: [б. и.], 2011; Кудий Г.Н. Русская Атлантида. Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское в истории и русской государственности. Факты, мифы и размышления. М: Журналист, 2012; Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. — М.: «Индрик», 2015. — 712 с.; Левицкий Г. Великое княжество Литовское. М.: Ломоносовъ, 2016.

² Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993; он же. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского // Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства. - СПб.: Издательство «Наука», 2004. С. 14—30; Филюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С.561-601; он же. «Другая Русь» в русской историографии // *Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008. Р. 94-113; Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010.

³ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.); Трубкин В.В. Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII - XV вв. канд. истор. наук. Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Омск, 2007; Столяров А.М. История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX-начала XX века. Татарский Государственный Гуманитарно-Педагогический университет, Казань, 2008.

Кром — метод исторической антропологии), образование новых предметных полей, попытка отказа от советского схематизма, ностальгическое отношение к дореволюционным традициям и возвращение интереса к ученым, наследие которых было предано забвению в советское время (в обобщающих историографических трудах появляются такие «забытые» в советское время имена как Н.Г. Устрялов, М.О. Коялович, И.Д. Беляев, А.Ф. Гильфердинг, М.К. Любавский, Ф.И. Леонтович, В.Б. Антонович, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.С. Грушевский). Несмотря на наличие новых веяний в современной исторической науке, восприятие прошлого ВКЛ во многом базируется на тех идеях, которые были высказаны в дореволюционный и советский периоды. Изучение этих краеугольных установок является важной исследовательской проблемой.

Еще одной особенностью современной российской историографии является тот факт, что пристальное внимание уделяется изучению дореволюционной науки, в то время как советская медиевистика часто остается вне границ исследований. Актуальной задачей видится представление целостной картины эволюции дореволюционной и советской исторической мысли, посвященной истории Литвы, так как основные выводы дореволюционных и советских литуанистов органично вписаны в современную науку. Представляет интерес изучение литовской историографии в тесной связи с анализом дореволюционной и советской общественно-политической ситуации, которая во многом определяла конфигурацию исторической науки, а также оказывала воздействие на формирование центральных сюжетов средневековой истории Литвы.

В диссертации не ставится задача раскрыть весь диапазон вопросов средневековой истории Литвы, которые рассматривались в произведениях дореволюционных и советских авторов. Фокус внимания направлен на изучение ключевых сюжетов литовской истории, на базе которых реконструировалось прошлое Литвы. В основу сюжетов литовской

средневековой истории дореволюционными и советскими учеными заложены определенные параметры, культурные коды, которые напрямую связаны с общественно-политической обстановкой в стране, внешнеполитической конъюнктурой и с уровнем развития отечественной исторической науки.

Объект исследования. В качестве объекта диссертационной работы выступает дореволюционная и советская историография средневековой истории Литвы XI - конца XIV в.

Под отечественной дореволюционной историографией в диссертации подразумевается комплекс трудов, написанных на русском языке в контексте русской исторической традиции⁴. Сочинения дореволюционных литовских и польских ученых не включаются в поле исследования, так как они представляют другую историографическую культуру, в которой рисуется совершенно иная картина литовского прошлого.

Кроме того, в данной работе мы оставляем за скобками советскую литовскую и советскую белорусскую историографии, в которых порой появлялись альтернативные официальным трактовки литовского прошлого. Цель исследования — изучить ключевые сюжеты средневековой истории Литвы, которые являлись составной частью официальной советской картины прошлого. Здесь стоит учитывать, что все эти официальные нарративы, касающиеся литовского Средневековья, конструировались исключительно советскими учеными. Альтернативные национальные прочтения истории Литвы на всесоюзном уровне в советское время никогда не вступали в конкуренцию с «парадными» интерпретациями литовского Средневековья. Например, пробелорусский «романтический» взгляд на литовскую историю Н. И. Ермоловича «вышел из подполья» только во времена распада СССР.

⁴ В рамках исследования к досоветской историографии также причисляются тексты, написанные в эмиграции в 1920–1930-е гг. такими историками, как И. И. Лаппо и Е. Ф. Шмурло. Это связано с тем, что работы И. И. Лаппо и Е. Ф. Шмурло в своей концептуальной основе выполнены в духе дореволюционной традиции.

Альтернативная модель периодизации литовского прошлого Ю. Юргиниса, связанная с трудами довоенных литовских историков, была критически воспринята и отвергнута своими же коллегами — литовскими советскими учеными. Вместе с тем в диссертационной работе анализируются обобщающие издания по истории Литовской и Белорусской ССР, которые построены согласно канонической концепции прошлого СССР⁵.

Предметом исследования являются сюжеты литовской средневековой истории, которые сформировались в отечественной дореволюционной и советской историографии.

В данном диссертационном исследовании ключевым является понятие сюжет, под которым мы понимаем систематизированное изложение исторических фактов, событий или целого периода в определенном порядке и под определённым углом зрения, согласующимся во многом с историографической, социокультурной и политической обстановкой, в которой функционирует учёный. То есть сюжет – это канва исследования, на базе которой реконструируется события прошлого.

Цель и задачи

Цель исследования — выявить и систематизировать основные сюжеты литовской средневековой истории (до 1385 г.), привлекающие наибольшее внимание дореволюционной российской и советской историографии.

Реализация поставленной цели потребовала решения следующих исследовательских **задач**:

⁵ Дзярновіч О. І. «Літва» і «Русь» XIII—XVI вв. як концепты беларускай гісторыяграфіі // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургскія славянскія і балканскія даследаванні. – 2009. – № 1—2. – С. 238; Švedas A. *Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985)*. - Vilnius: aidai, 2009. P. 324-325.

- рассмотреть основные этапы изучения литовского средневековья в досоветский и советский период;
- охарактеризовать историографическую ситуацию, в которой творили дореволюционные и советские ученые, апеллировавшие в своих работах к литовскому прошлому;
- выявить эволюцию взглядов дореволюционных и советских историков относительно прошлого Литвы;
- реконструировать процесс институционализации дореволюционной российской и советской литуанистики;
- показать связь между общественной, внутри- и внешнеполитической ситуацией, национальной политикой Российской империи, Советского Союза и подходами учёных к осмыслению и описанию истории Литвы;
- сравнить дореволюционную и советскую традицию исследования литовского средневековья и выявить различия в сюжетах и концепциях.

Хронологические рамки

Нижний предел хронологических рамок работы обусловлен временем написания исторических трудов, в которых присутствуют обращения к литовской истории. Первые произведения, в которых описываются отдельные эпизоды литовского Средневековья, появляются в первой половине XVIII в., в тот период, когда происходило зарождение отечественной исторической мысли. Верхний предел хронологии исследования совпадает с распадом СССР, когда начался принципиально новый этап в историографии ВКЛ.

Степень научной разработки проблемы

Первое систематическое изложение историографии Литвы принадлежит В.И. Пичете, который в 1920-е гг. написал две работы по этой тематике. В книге «Введение в русскую историю: (источники и историография)», в главе «Историография Белоруссии», он в конспективной форме поделился своими размышлениями об историографии истории ВКЛ⁶. В 1926-1927 гг. в журнале «Полюмя» он публикует уже более обстоятельный обзор предшествующих трудов, в котором сосредоточивается на анализе истории литовско-белорусского права⁷.

В.И. Пичета, представитель дореволюционной науки, при адаптации к советской системе воззрений на исторический процесс использовал в своих исследованиях определенный набор марксистских категорий, объясняющих досоветское прошлое. Так, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, как полагает историк, оперируют прежде всего понятием «великодержавие», при этом история Литвы и Белоруссии по сравнению с прошлым Московского государства в их произведениях занимает второстепенное место. Аналогичных упреков удостоивается Н.Г. Устрялов, научные интересы которого продиктованы намерением оправдать «официальную политику Николаевского правительства». Еще менее лестные отзывы адресованы М.О. Кояловичу, историческая концепция которого, по утверждению В.И. Пичеты, не является объектом серьезного научного внимания, так как автор, собрав богатый и разносторонний материал, «примитивно» его обработал⁸.

Несмотря на использование марксистской терминологии и понятий, В.И. Пичета рассматривал досоветскую историографию, скорее, с

⁶ Пичета В.И. Введение в русскую историю: (источники и историография). М.: Госиздат, 1922.

⁷ Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М.: Академия наук СССР, 1961. С. 413-455.

⁸ Там же. С. 427-428; Пичета В.И. Введение в русскую историю. С. 178, 184.

дореволюционных позиций⁹. Киевская школа историков, по словам В.И. Пичеты, сделала много для понимания сущности судеб литовско-белорусского государства, но ВКЛ “интересовало киевских историков не само по себе”, а “как государственная формация, в составе которой находились украинские области, испытавшие на себе польское влияние со времени присоединения их к Польше по Люблинскому акту”. Такой подход не позволял киевским историкам объективно относиться к изучаемым явлениям и формам. Кроме того, В.И. Пичета замечает, что для киевской историко-юридической школы свойственна определенная односторонность в постановке исследовательских вопросов. Однако, несмотря на эти все эти недостатки, заслуги школы все же велики, так как ее представители ввели в оборот новый материал, поставили ряд новых вопросов, наметили ряд важнейших тем¹⁰.

В 1890-е гг., по мнению В.И. Пичеты, появляются классические работы, написанные на основании Литовской метрики. Основоположником этого движения ученый считает М.К. Любавского, историческая концепция которого “остаётся неопровержимой по своей отчетливости и убедительности”. В.И. Пичета, ученик М.К. Любавского, высоко оценивает его научные штудии: “Вся последующая историография прямо или косвенно идет по пути, проложенному Любавским”. Особо отмечается тот факт, что М.К. Любавский отказался от централизма, который был присущ «Московской школе историков», и стал изучать отдельные составные части русского государства¹¹.

Завершая анализ дореволюционной историографии Литвы, В.И. Пичета пишет о том, что по сравнению с разработанностью истории северо-

⁹ Белорусская советская историческая школа до репрессий конца 1920 - начала 1930-х гг., связанных с академическим делом, обладала определенной автономией. Парадокс истории: В.И. Пичета критиковал «Московскую школу историков» за «великодержавие», собственно за это он будет репрессирован в 1930-е гг.

¹⁰ Там же. С. 180, 182-183.

¹¹ Пичета В.И. Разработка истории литовско-белорусского права XV-XVI вв. С. 430-431; он же. Пичета В.И. Введение в русскую историю. С. 187.

восточной Руси результаты научного изучения литовско-белорусских судеб оказались незначительными. В особенности это касалось вопросов, “связанных с историей и организацией народного хозяйства”¹².

Спустя 30 лет дело В.И. Пичеты продолжил корифей советской литуанистики В.Т. Пашуто, который в своей монографии «Образование Литовского государства» подробно и детально разобрал русскую, польскую, литовскую, немецкую и советскую историографии¹³.

В контексте анализа дореволюционной науки автор поставил перед собой задачу представить более полную русскую дворянско-буржуазную концепцию образования Литовского государства. В.Т. Пашуто скептически относится к обобщениям дореволюционных ученых, что в целом свойственно советской историографии. Отсутствие должного интереса к истории древней Литвы в трудах дворянско-буржуазных исследователей (Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и т.д.) В.Т. Пашуто объясняет господством великодержавных взглядов на трактовку литовского прошлого¹⁴.

Первые работы, посвященные собственно истории Литвы, он именуется «официозом». Например, труды Н.Г. Устрялова для В.Т. Пашуто являются свидетельством того, что «Литовский вопрос» нашел свое место в официальной историографии. В.Т. Пашуто подробно рассматривает концепцию Н.Г. Устрялова, объясняя свое пристальное внимание к ней тем, что все последующие авторы лишь подправляли ее, а в модифицированном виде она сохранилась вплоть до Октябрьской революции. Н.И. Костомарова, М.О. Кояловича, И.Д. Беляева, П.Н. Батюшкова он также причисляет к выразителям официальной историографии, которые не вели самостоятельной разработки истории древней Литвы¹⁵.

¹² Там же. С. 191.

¹³ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959.С. 162-248.

¹⁴ Там же. С. 162-163.

¹⁵ Там же. С. 163, 165, 170.

Родоначальником научной разработки литовской истории В.Т. Пашуто считает В.Б. Антоновича, но более глубокий подход он находит у его оппонента Н.П. Дашкевича. Не обходит стороной В.Т. Пашуто и труды украинских историков права Ф.И. Леонтовича и М.Ф. Владимирского-Буданова. Эти произведения ценны для него тем, что они показывают эволюцию взглядов на вопрос генезиса литовского права и учреждений¹⁶.

Лаконично комментируя основные положения А.Е. Преснякова, В.Т. Пашуто подвергает основательному анализу серию фундаментальных трудов по истории Литвы, принадлежащих перу наиболее крупного представителя “отечественной досоветской литванистики” М.К. Любавского. В.Т. Пашуто уверен, что высказанные им суждения по истории отдельных сословий, а также общая концепция литовского прошлого, должны привлекать наше внимание. Так, М.К. Любавский, по оценке В.Т. Пашуто, правильно увидел, что изучение истории русских земель, подвластных Литве, позволяет понять древнейший период русской истории. Содержательны его суждения о давнем развитии в Литве имущественного и социального неравенства, о литовском нобилитете, о сущности Кревской унии и т.д. Вместе с тем В.Т. Пашуто не мог обойти стороной недостатки трудов М.К. Любавского, типичные, по его мнению, для досоветской историографии: политическая история преподносится им в отрыве от истории хозяйства, отсутствует органическая связь между историей образования государства и историей общества, не показывается история борьбы литовского народа с немецкой агрессией¹⁷.

Систематизируя выводы дореволюционной историографии, В.Т. Пашуто указывает, что украинские ученые истории и права Ф.И. Леонтович, В.Б. Антонович, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Дашкевич, М.С. Грушевский, а вслед за ними М.К. Любавский и А.Е. Пресняков, не проводили специального изучения истории дофеодальной Литвы и раннефеодального Литовского государства, ограничившись освещением

¹⁶ Там же. С. 170-174, 176, 178.

¹⁷ Там же. С. 186, 187, 189-190.

некоторых вопросов его политической эволюции. Он подчеркивает, что досоветская историография не выходила за рамки буржуазной социологии, объясняя образование Литовского государства результатом деятельности князей и внешнеполитическими причинами. Но, несмотря на все недочеты, дореволюционные авторы собрали значительный материал по истории литовско-русских отношений¹⁸.

В.Т. Пашуто был первым историком, обратившимся к анализу советской историографии. Автор констатирует, что особых исследований по теме образования Литовского государства и генезиса феодализма “как имманентного обществу процесса” пока нет, а имеются лишь общие краткие соображения. В этом ряду он выделяет В.И. Пичету, отмечая, что тот оставил немало ценных мыслей по истории ранней Литвы. Ввиду отсутствия специализированных научных изысканий, главная заслуга советских авторов, по его мнению, состояла в том, что они основательно продумали теоретическую сторону вопроса. Кроме того, он сообщает, что советские ученые высказали некие интересные соображения, которые подлежат проверке¹⁹. Правда, какие это соображения и в чем их сущность, В.Т. Пашуто не уточняет.

Несмотря на идеологизированность исследования В. Т. Пашуто, надо отдать ему должное: ученый подверг разбору огромный пласт трудов по истории средневековой Литвы, тем самым заложив советскую традицию изучения историографии литовского прошлого. Даже современные историки, анализируя историографию Литвы, нередко идут дорогой, которую проложил Виталий Терентьевич. Кроме того, он был одним из немногих в СССР ученых, рассматривавших дореволюционную и советскую историографию в связке с достижениями польской и немецкой исторической науки, что является большой редкостью и сегодня.

¹⁸ Там же. С. 4, 162, 190.

¹⁹ Там же. С. 241, 244, 245.

В советский период регулярно издавались общие работы по историографии, в которых описывался жизненный путь и научное творчество выдающихся дореволюционных отечественных ученых²⁰. В этих трудах обязательно встречаются биографии исследователей, среди прочих тем занимавшихся историей Литвы. Здесь также можно найти информацию об организации научных исследований, методологических направлениях, историографических веяниях, господствовавших в различные временные промежутки в дореволюционной России. Содержание историографических очерков свидетельствует о существовании в советской историографии определенного пула дореволюционных исследователей, научное наследие которых освещалось в обязательном порядке. Так, в этих изданиях фигурируют одни и те же историки: М.П. Погодин, Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин, Д.И. Иловайский, А.Е. Пресняков. При этом их работы в области прошлого Литвы просто перечисляются без каких-либо оценок.

Исключение составляет коллективная многотомная монография «Очерки истории исторической науки в СССР», где в разделах «Историография Белоруссии» и «Историография Литвы», написанных советскими литовскими (И.З. Ионинас, Ю.И. Жюгжда) и советскими белорусскими (В.Н. Перцев, К.И. Шабуня) авторами анализируются сочинения по литовской истории²¹.

История Литвы не случайно анализируется в главе «Историография Белоруссии». Белоруссия в советском дискурсе воспринималась как правопреемница большинства русских территорий, входивших в состав ВКЛ. По мнению советских белорусских историков, необходимо отделять историю Белоруссии от истории Литвы.

Ученые из Минска и Вильнюса рассматривают дореволюционную литуанистику в рамках устоявшихся советских историографических канонов.

²⁰ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978; Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в.М.: Наука, 1990.

²¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1-3. М.: Изд-во АН СССР, Наука, 1963.

К примеру, дореволюционные исследователи классифицируются в зависимости от их идеологических и методологических воззрений: консервативно-монархические, клерикально-монархические, либерально-буржуазные, буржуазно-дворянские и буржуазно-националистические. Соответственно, неверные методологические и идеологические подходы, как полагали советские историографы, зачастую мешали дореволюционным медиевистам правильно интерпретировать эпизоды литовского прошлого.

Дореволюционным исследователям ставится в упрек то, что они идеализировали литовское прошлое. Например, В.Н. Перцев критикует клерикально-монархических историков (М.О. Кояловича, П.Н. Батюшкова) за так называемую теорию «золотого века», которая, по его словам, заключается в идеализации периода вхождения белорусских земель в состав ВКЛ. По мнению Перцева, клерикально-монархические ученые односторонне оценивали образование ВКЛ, не заметив насильственных захватов литовцами русских земель. Буржуазно-либеральные авторы, такие как В.Б. Антонович, М.К. Любавский также не избежали порицания за идеалистическое восприятие литовского средневековья. Кроме всего прочего, буржуазно-либеральные историки избегали широких исторических обобщений, сосредотачиваясь только на «эмпирическом описании учреждений, юридических норм». За рамками исследований, как писали советские авторы, оставались такие важные для историографии проблемы, как классовая борьба, народные движения, положение трудового народа, производственные отношения в ВКЛ, наличие общих интересов между литовскими, русскими, белорусскими и украинскими народами в их борьбе против общих врагов²².

Основополагающий тезис авторов этого труда заключался в том, что историко-юридические концепции дореволюционных ученых не позволяли в должной мере отразить суть происходивших в Литве событий. Так, М.В. Довнар-Запольский изучение экономики подчинил государственно-

²² Там же. Т. 2. С. 722-723, 724, 730-731; Т. 3. С. 667, 670-673.

юридическому аспекту, М.Ф. Владимирский-Буданов не связал эволюцию права с социально-экономическими отношениями, В.Б. Антонович подменил классовую борьбу борьбой национально-религиозной, отстаивал мысль о бесклассовости исторического развития²³.

Единственными, кто удостоился от советских историографов положительных отзывов за свои научные изыскания, были М.К. Любавский и А.Е. Пресняков. И.З. Ионинас считал, что работы М.К. Любавского, несмотря на все недостатки, не потеряли своей актуальности. А.Е. Преснякову ставилось в заслугу то, что он «правильно смотрел на историю русских земель в составе Литовского княжества как на продолжение истории Древнерусского государства»²⁴.

В советский период изучением литовской историографии, кроме В.Т. Пашуто, занимались советские белорусские и советские литовские ученые. Позиция этих авторов свидетельствует об идеологических, методологических и историографических установках, главенствовавших в советской исторической науке на момент написания работы.

Концепции литовского прошлого дореволюционных авторов советские историки считали неверными. Все изъяны, которые находили советские ученые, коррелируют с исследовательскими установками советской историографии. Например, в советских историографических произведениях обязательно упоминается о «великодержавных представлениях» дореволюционных авторов, а также подчеркивается отсутствие в их трудах информации об общей борьбе русского и прибалтийских народов с «Натиском на Восток» и должного анализа социальных и экономических процессов, протекавших в ВКЛ.

В отношении советской историографии, которая не была богата на специальные научные исследования по истории Литвы, историографы

²³ Там же. Т. 2. С. 724.

²⁴ Там же. С. 731; Т. 3. С. 668.

применяли стратегию, в рамках которой выводы советских ученых просто перечислялись, зачастую без какого либо детального разбора²⁵. Как правило, отмечалось, что советские историки сформулировали верную исследовательскую повестку дня.

Перестройка и распад Советского Союза открыли новый этап в изучении историографии средневековой Литвы. Активизация исторических и сопутствующих им историографических штудий была обусловлена пересмотром взглядов на прошлое Литвы. На смену единообразию идеологических клише и методологических схем приходит калейдоскоп исследовательских интерпретаций и методологических приемов.

В постсоветской России местом сосредоточения историографических изысканий в области истории средневековой Литвы стал Санкт-Петербург. В 1990—2000-е гг. А.Ю. Дворниченко, М.М. Кром и А.И. Филюшкин опубликовали ряд работ, посвященных различным аспектам литовского прошлого. Изучение предшествующей историографии — неотъемлемая составляющая этих исследований.

Одним из первых петербургских историков к литовскому средневековью обратился А.Ю. Дворниченко. В 1993 г. он выпустил монографию «Русские земли ...», а в 2004 г. написал историографическое предисловие к новому изданию «Очерков истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского²⁶. В первую очередь внимание А.Ю. Дворниченко привлекла проблема положения русских земель в составе ВКЛ. Именно в этом ракурсе он излагает свои взгляды на историографию ВКЛ.

²⁵ Шаджюс Г.А. Литовская Советская Социалистическая Республика // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: Государственное научное издательство Советская энциклопедия, 1965. С. 733-734; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Шапов Я.Н., Чичуров И.С. Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны // ИСССР. 1974. №2. С. 71-93.

²⁶ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского...; он же. Историография Великого княжества Литовского... С. 14-30.

А.Ю. Дворниченко пишет, что политические события, в частности восстание в Польше, пробудили интерес к истории Западной Руси. Первые труды по истории Литовско-Русского государства Н.Г. Устрялова, Н.И. Костомарова, М.О. Кояловича и И.Д. Беляева характеризуются обычным перечислением фактов. Для А.Ю. Дворниченко эти работы привлекательны тем, что в них был сформулирован вопрос об общинном, земском характере политического строя западнорусских земель²⁷.

В поле зрения А.Ю. Дворниченко попадает научная деятельность ученых Киевского университета Св. Владимира, который он описывает как крупный центр по изучению прошлого ВКЛ. Становление исследований по истории Западной Руси в нем автор связывает с необходимостью противодействовать польскому влиянию. А.Ю. Дворниченко подвергает детальному разбору труды таких киевских историков, как В.Б. Антонович, Н.П. Дашкевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Ф.И. Леонтович. Сочинения В.Б. Антоновича и Н.П. Дашкевича, по его мысли, четко обозначили «те спорные проблемы русской историографии ВКЛ, которые будут неоднократно обсуждаться: о взаимоотношениях народностей в этом государстве, о характере самого государства, о положении русских земель, о литовском «феодализме» и т. д.»²⁸.

Изучение ВКЛ, как утверждает А.Ю. Дворниченко, достигает апогея, наивысшей степени интенсивности в конце XIX — начале XX в., когда историки переходят к серьезным обобщениям, а в ведущих университетах Киева, Москвы и Петербурга предпринимаются попытки создания «синтезирующих» трудов. К группе видных ученых этого периода, специализировавшихся на истории Литовско-Русского государства, А.Ю.

²⁷ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 6, 15.

²⁸ Там же. С. 7-12, 16; он же. Историография Великого княжества Литовского... С. 17.

Дворниченко относит М.К. Любавского, М.В. Довнар-Запольского, М.С. Грушевского и А.Е. Преснякова²⁹.

Положительно оценивая дореволюционную историографию, А.Ю. Дворниченко критически относится к работам советского периода. По его словам, в СССР все больше отходили от изучения ВКЛ, занимаясь только некоторыми частными проблемами истории княжества. Монографию В.Т. Пашуто «Образование Литовского государства» А.Ю. Дворниченко оценивает как «государственный заказ», написанный по заранее заданной схеме и устаревший больше, чем многие дореволюционные труды. Ученый сожалеет, что в последующем выводы В.Т. Пашуто лишь уточнялись и развивались, а литовско-русская история была отдана на откуп «общим изданиям», «которые изобиловали надуманными схемами и пышной риторикой». К тому же изучение ВКЛ «растасили» по союзным республикам. «Древо изучения Западной Руси засохло, и нам необходимо его оживить», — так метафорично подводит итог А.Ю. Дворниченко³⁰.

Другой представитель петербургской науки А.И. Филюшкин сравнивает историю ВКЛ с осколками разбитого зеркала, которые образовались из-за различия в трактовках прошлого литовской, польской, белорусской, украинской и российской историографий. Отечественной историографии, по его мнению, также присуще многозначное толкование литовского прошлого. Такой вывод А.И. Филюшкин сделал в результате сопоставления дореволюционного, советского и современного российского восприятия прошлого ВКЛ. Он полагает, что наследие ВКЛ занимает важное место в русской исторической памяти: Россия видит в литовском «зеркале исторической памяти прежде всего саму себя». При этом интерес к истории ВКЛ, считает ученый, вызван не только политической конъюнктурой и

²⁹ Там же. С. 17-19; он же. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 14-24.

³⁰ Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского... С. 14, 26; он же. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 24-26, 28.

попыткой обосновать экспансионистские устремления, но и интеллектуальными и духовными исканиями отечественных мыслителей³¹.

Следуя веяниям западной методологии, А.И. Филюшкин строит свое исследование на анализе исторических дискурсов:

- русские земли как жертва литовской оккупации, или дискурс агрессивности ВКЛ;
- поглощение земель Великого Лимитрофа как западный проект Российской империи, или дискурс исторической обреченности ВКЛ;
- наши земли, или дискурс необходимости завоевания ВКЛ;
- деспотическая Россия могла бы стать демократической по образцу ВКЛ, или дискурс «правильной Руси»³².

В заключение обеих своих работ А.И. Филюшкин кратко характеризует дореволюционную и советскую историографии. Обращаясь к дореволюционной историографии, он отмечает, что незнание истории ВКЛ в России в связи с Польским восстанием 1863 г. признавалось проблемой. Попытка ее решения привела к появлению множества исторических публикаций, так или иначе связанных с литовской историей. «Однако рефлексия Польского восстания 1863 г., — по мнению А.И. Филюшкина, — породила больше публицистических и пропагандистских, чем исторических трудов»³³.

Изучение прошлого Литвы, пишет Филюшкин, среди советских историков не было популярно. Освещение истории отдельных районов ВКЛ оказалось востребовано исключительно в рамках определенного набора сюжетов, поэтому в советской науке произошла фрагментация исторической памяти об этом государстве. А.И. Филюшкин придает особое значение научной деятельности В.Т. Пашуто, взгляды которого сыграли важную роль

³¹ Филюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала. С. 561-601.

³² Там же. С. 562-599; он же. «Другая Русь» в русской историографии. Р. 95.

³³ Филюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала. С. 598-599.

в становлении литовских исследований. Но когда идеи В.Т. Пашуто были реализованы, то не нашлось последователей, которые смогли бы обеспечить функционирование научной школы и издание источников по истории ВКЛ³⁴.

В связи с тем, что исследование А. И. Филюшкина по своей структуре отчасти сходно с данной диссертационной работой, мы остановимся подробнее на тех «слабых местах», которые, с нашей точки зрения, присущи его изысканиям.

Во-первых, в историографическом обзоре А. И. Филюшкина прослеживается явный крен в сторону дореволюционной исторической науки, в то время как обращения к советской историографии редки. И, как правило, эти фрагменты представляют собой обобщения, а не приведение конкретных примеров из советской медиевистики.

Во-вторых, автор достаточно точно, по нашему мнению, подмечает суть, содержание дискурсов, но не совсем удачно соотносит дискурс с тем историческим периодом, для которого он был больше всего характерен. Так, в частности, рассуждая о дискурсе, в рамках которого подчеркивается агрессивная природа средневековой Литвы, А. И. Филюшкин ссылается на Н. Г. Устрялова. В то же время последний как раз и пытался порвать с этой традицией XVIII — первой половины XIX в., представляя ВКЛ русским государственным образованием. Далее А. И. Филюшкин приводит примеры из историографии второй половины XIX — начала XX в., а именно из работ М. В. Довнар-Запольского, М. К. Любавского: “Авторы, возможно не всегда отдавая себе в этом отчет, активно используют архетипичные компоненты «дискурса врага» в русской мысли”. При этом подобного формата зарисовки в отношении Литвы были прежде всего свойственны историкам XVIII — первой половины XIX в., к трудам которых А. И. Филюшкин практически не обращается³⁵ (подробнее об этом пойдет речь в первой главе).

³⁴ Там же. С. 599; он же. «Другая Русь» в русской историографии. Р. 108.

³⁵ Филюшкин А. И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала. С. 563-568.

Вслед за тем А. И. Филюшкин приводит цитату из книги «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (1982 г.), в которой В. Т. Пашуто называет ВКЛ “оккупантом”. Выводы, сделанные на основании одной цитаты, российский ученый экстраполирует на всю советскую историографию. Однако образ Литвы / ВКЛ в советской литуанистике не был одноцветным и претерпевал трансформацию. Более того, дискурс Литвы-врага был менее всего присущ позднесоветской науке (выдержку из которой как раз и приводит А. И. Филюшкин) и более ярко выражен в советском нарративе 1930–1950-х гг. Именно в исторической науке этого периода Литва как государственное образование и литовцы как народ, населявший эту страну, изображались врагами нашего Отечества. Во второй половине XX в. в стан недругов прежде всего помещают класс литовских феодалов-эксплуататоров. В свою очередь, литовцы как этнос получают статус «братского народа» (подробнее об этом пойдет речь в третьей главе)³⁶.

Не согласны мы также с утверждением, что в дореволюционной и советской науке Литва выступает в роли похитителя “жизненного потенциала” у русских земель. Подобный ход мысли не был типичен для отечественной историографии: до революции Литва — это пришедшая для наведения порядка в русских землях сила, позднее растворившаяся в местной среде, в советский период — враг в лице государства / литовских феодалов, который временно воспользовался раздробленностью и татаро-монгольским нашествием, или «младший брат», получающий поддержку от русского народа³⁷.

В-третьих, по нашему мнению, ВКЛ не трактовалась в дореволюционной и советской историографии как “историческое недоразумение”. Да, действительно, Литва в нашей исторической науке редко презентовалась как самостоятельный субъект, представляясь чаще

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 567.

ареной борьбы между Польшей / Немецким орденом и Россией. Но, тем не менее, период литовской государственности (и, соответственно, овладения Литвой русскими территориями) для дореволюционных и советских авторов — это либо один из этапов на пути вхождения Литвы в состав России, либо не удавшаяся в силу определенных факторов попытка ее самореализации (прежде всего для историков конца XIX — начала XX в.)³⁸.

Тем не менее, несмотря на все эти недостатки, нужно отметить, что работы А.И. Филюшкина имеют важное значение для изучения историографии средневековой Литвы.

Еще один петербургский ученый, М.М. Кром, в рамках обзора историографии русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. затронул ряд общих вопросов историографии средневековой литовской истории. М.М. Кром, как и его коллеги, чьи работы цитировались выше, считает, что Польское восстание 1863-1864 гг. пробудило в российском обществе интерес к истории Литвы. Политическая составляющая польских событий привела к оформлению «официального заказа», в результате которого на свет появился ряд проправительственных сочинений антипольской ориентации. Главным идеологом этого направления М.М. Кром называет М.О. Кояловича, работы которого, «не содержавшие новых фактов, не были исследованиями в собственном смысле слова, но они повлияли и на научные труды». Для примера М.М. Кром ссылается на произведения И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, в которых он обнаруживает убежденность в превосходстве «православия перед другими религиями»³⁹.

М.М. Кром полагает, что действительность Российской империи не служила моделью равноправного существования различных народов. В связи с этим он задается вопросом: «Не потому ли российские историки второй половины XIX в. с таким подозрением относились к Великому княжеству

³⁸ Там же. С. 569-574.

³⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 13-14.

Литовскому”. В итоге ученый делает заключение о том, что в дореволюционной историографии второй половины XIX в. о ВКЛ сложилось представление как о “противоестественном соединении разнородных элементов, нежизнеспособном образовании, раздираемом социальными национально-конфессиональными противоречиями”⁴⁰.

С 1890-х гг., отмечает М.М. Кром, историографическая ситуация меняется: историки переходят “от поиска абстрактных «начал» к изучению реальных процессов”. Труды М.К. Любавского, М.В. Довнар-Запольского, И.И. Лаппо, М.М. Кром причисляет к классике литуанистики, а лекции А.Е. Преснякова называет обобщением отечественной и зарубежной литуанистики⁴¹.

Акценты послевоенной советской историографии, по словам М.М. Крома, делались на изучении русско-литовских отношений XV—XVI вв., а также судеб славянских земель в составе ВКЛ. Такой подход привел к забвению истории ВКЛ, так как литовская, украинская, белорусская «республиканские» историографии занимались исследованием прошлого своих частей этого государственного образования, что позволило ввести в научный оборот большой фактический материал. Главный вывод М.М. Крома сводится к тому, что история литовско-русских отношений в советский период находилась в прямой зависимости от ряда идеологических схем: идеи о противостоянии православной Руси католическому Западу, положения о решающей роли в истории народных масс и т. д.⁴².

Помимо сочинений петербургских авторов, анализ историографии Литвы встречается на страницах трудов московского историка Д.Н. Александрова, который в ходе исследований, посвященных политической истории Галицко-Волынского, Киевского, Черниговского, Смоленского и Полоцкого княжеств в XIII—XIV вв., рассматривал работы дореволюционных

⁴⁰ Там же С. 14-15.

⁴¹ Там же. С. 15, 16, 18.

⁴² Там же. С. 21-22, 24.

авторов на предмет наличия в них самостоятельного юго-западного/литовского пути развития западнорусских земель. Его историографический обзор примечателен прежде всего тем, что только в нем в контексте литовской тематики упоминаются труды историков XVIII в. Все остальные советские и российские историки начинали свой разбор дореволюционной науки исключительно с Н.М. Карамзина⁴³.

Д.Н. Александров пишет, что “Юго-западный или какой-то другой путь развития, кроме северо-восточного, В.Н. Татищев не признавал...”. Аналогичный подход он обнаруживает у М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина и С.М. Соловьева. В отличие от них украинский историк М.С. Грушевский выделял только юго-западный путь, а В.Б. Антонович, Д.И. Иловайский, М.К. Любавский и А.Е. Пресняков, в свою очередь, отмечали многовариантность путей развития Древней Руси (галицко-волынский, литовской-русский, полоцко-литовский и северо-восточный)⁴⁴.

Еще одной особенностью историографического очерка Д.Н. Александрова является то, что он не выделяет специфические черты дореволюционной и советской исторической науки, просто рассматривая труды историков в хронологическом порядке. Кроме того, к сожалению, в рамках советской историографии его внимание обращено исключительно на описание советскими авторами истории русских княжеств, в то время как информация о трактовках литовского прошлого из его характеристик исчезает⁴⁵.

Брянский историк С.И. Михальченко также изучал труды отечественных ученых, писавших о Литве. Правда, историография Литвы

⁴³ Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII-XVI веках, М.: «Аванта+», 1994; Александров Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII-XIV вв. и образование Литовского государства. М.: Интеллектуально-деловой центр "Гармония", 1994.

⁴⁴ Александров Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII-XIV вв. и образование Литовского государства. С. 29-38.

⁴⁵ Там же. С. 38-43.

интересует его не как основной предмет исследования, а как одно из направлений научной деятельности историков Киевской школы⁴⁶. В своих работах С.И. Михальченко касается основных вех биографий, научного творчества, методологических позиций, общественно-политических воззрений представителей первого поколения Киевской школы — В.Б. Антоновича, М.В. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича, а также их учеников (М.В. Довнар-Запольского, П.В. Голубовского, Н.В. Молчановского, А.М. Андрияшева, В.Г. и т.д.).

Вместе с тем он освещает ряд эпизодов, связанных со взглядами киевских ученых на перипетии литовской истории. Например, он разбирает докторскую диссертацию В.Б. Антоновича по истории ВКЛ. С.И. Михальченко предполагает, что восприятие литовского прошлого как взаимоотношения народов, а не как деятельности государства, было заимствовано им у Н.И. Костомарова. С.И. Михальченко также останавливается на дискуссии между Н.П. Дашкевичем и В.Б. Антоновичем по поводу борьбы этнографических начал в древнейший период истории ВКЛ и споре между Ф.И. Леонтовичем и М.К. Любавским о государственном устройстве ВКЛ⁴⁷.

В постсоветских коллективных и авторских изданиях по историографии истории России биографии дореволюционных ученых, занимавшихся прошлым Литвы, по сравнению с исследователями советского периода представлены более широко⁴⁸. В этих работах помимо классиков (Н.И.

⁴⁶ Михальченко С.И. Киевская школа: очерки об историках. Брянск: Изд-во Брянск.гос.пед.ин-та, 1994; он же. Киевская школа в российской историографии. М.: Брянск: Прометей Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996; он же. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.: Прометей; Брянск: Издательство БГПУ, 1997.; он же. Ф.В. Тарановский. К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. М.: Российский институт культурологии, 1999. С.115–118 и др.

⁴⁷ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). С. 25-26.

⁴⁸ Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000; Историки России. Биографии / [Редкол.: А. А. Чернобаев, д. ист. н. (отв. ред.) и др.]. М.:

Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Е. Пресняков), подробно рассмотренных еще в советской науке, появляются такие дореволюционные представители науки, как Н.Г. Устрялов, М.О. Коялович, И.Д. Беляев, А.Ф. Гильфердинг, М.К. Любавский, Ф.И. Леонтович, В.Б. Антонович, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.С. Грушевский. Кроме того, в поле зрения составителей также оказывается научная деятельность советских историков В.И. Пичеты и В.Т. Пашуто. Если в советских обобщающих работах по историографии реконструкция творческого пути ученых проводится в контексте политико-идеологических течений, то в современных трудах о каждом из исследователей написан отдельный раздел. Иной в сопоставлении с советской историографией формат изложения позволяет более обстоятельно осветить достижения историков в области литовских штудий.

В постсоветской исторической науке историография Литвы вызывает пристальный и устойчивый интерес. Для современной российской историографии в значительной степени свойственна «ностальгическая» оценка дореволюционных трудов и критическое восприятие советских работ. Конец XIX — начало XX в. историкам представляются наиболее важным и плодотворным периодом отечественной литуанистики. Советской же историографии, по их мнению, присущ излишний схематизм, регионализм и тенденциозность. Авторы не ограничиваются только характеристикой предшествующей историографии, но также рассматривают факторы, оказавшие влияние на изменение отношения к литовскому прошлому. Большое значение исследователи придают изучению связи между политической ситуацией и эволюцией взглядов отечественных ученых на основные события литовской истории. В этом контексте особо отмечается роль Польского восстания 1863—1864 гг.

Росспэн, 2001; Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М.: Академия. 2008.

Среди современных белорусских историков стоит выделить исследование О.И. Дзярновича, который, рассматривая этнополитическую структуру ВКЛ в новейшей белорусской исторической науке (с конца 1980-х гг.), коротко затронул дореволюционную российскую историографию. Прежде всего белорусского автора интересовали работы А.Е. Преснякова, М.В. Довнар-Запольского, М.К. Любавского и их взгляд на соотношение концептов «Литва» и «Русь». По мнению О.И. Дзярновича, выводы М. К. Любавского “были значительным шагом вперед в определении смысла названий различных областей и регионов ВКЛ”. Примечательно, что автор обошел стороной изучение этой проблемы в Советском Союзе, оставив за бортом бесспорно заслуживавшие внимания работы В.Т. Пашуто⁴⁹.

Представители современной литовской науки тоже не могли обойти стороной тему, связанную с дооктябрьской и советской литуанистикой. Одним из первых литовских историков, обратившихся к анализу дореволюционной российской и советской историографии, был эмигрировавший в США в ходе Второй мировой войны Ю. Якштас. В 1960-х гг. он отозвался рецензией на выход книги В.Т. Пашуто «Образование Литовского государства», в которой среди прочего затронул досоветскую российскую историографию. Литовский автор пишет о том, что до революции русские ученые в своих трудах подчеркивали особую роль России в истории Литвы, часто сливая воедино российское и литовское прошлое. В этом отношении он особо выделяет исследования Н.Г. Устрялова и М.О. Кояловича. В трудах первого литовский историк усмотрел влияние “реакционной эпохи Николая I с его шовинистическим империализмом”, в работах второго — черты эпохи М.Н. Муравьева, когда была предпринята попытка “стереть литовскую индивидуальность”. Менее всего российский уклон в трактовках литовского прошлого был свойственен В.И. Пичете, но даже он, как полагает Ю. Якштас, не мог “полностью избавиться от русской

⁴⁹ Дзярнович О. И. «Литва» и «Русь» XIII—XVI вв. как концепты белорусской историографии. С. 234-249.

привычки видеть в прошлом Литвы превосходство славянского (белорусского) фактора»⁵⁰.

Труд В.Т. Пашуто литовский историк-эмигрант называет первой серьезной работой по истории Литвы, написанной согласно марксистской теории. Тем не менее со стороны литовского ученого в адрес В.Т. Пашуто выдвигается множество упреков. Например, в работе советского исследователя просматривается позитивистский подход к образованию Литовского государства, раздел о классовой борьбе полностью носит пропагандистский характер, отсутствует попытка понять мотивы, внутренний мир западноевропейских крестоносцев, упоминание о «братских» народах — это “политическое заявление, вытекающее из современных обстоятельств, и игнорирование исторической правды” и т. д. Несмотря на несогласие с концепцией В.Т. Пашуто, Ю. Якштас считает, что исследование заслуживает внимания литовского читателя: в нём представлены богатый фактографический материал, хороший обзор источников и обширная библиография⁵¹.

В свете российской имперской политики дореволюционную версию истории ВКЛ середины XIX в. проанализировал научный сотрудник Института истории Литвы Д. Сталюнас⁵². В своей статье он показал, как эхо Польского восстания 1830-1831 гг. и взгляды министра народного просвещения 1830-1840-х гг. С.С. Уварова повлияли на формирование официальной концепции литовской истории, подчеркивающей русскую природу ВКЛ. Д. Сталюнас в подробностях, нарисовал картину создания нарратива литовского прошлого, в чем большая заслуга принадлежала Н.Г. Устрялову, который интерпретировал прошлое ВКЛ на основании идей и риторики С.С. Уварова. В заключение Д. Сталюнас приходит к выводу, что

⁵⁰ Jakštas J. Russian historiography on the origin of the Lithuanian state. Some Critical Remarks on V. T. Pashuto's Study // *Lituanus*. Lithuanian quarterly journal of arts and sciences. - 1965. - Vol. 11, No.4. - P. 25-46.

⁵¹ Там же.

⁵² Staliūnas D. Imperial Nationality Policy and the Russian Version of the History of the Grand Duchy of Lithuania in the Mid-Nineteenth Century // *Central Europe*. 2010. №. 2. P. 146–157.

«концепция Устрялова-Уварова» после Польского восстания 1863-1864 гг. устаревает. В связи с изменением российской национальной политики в 1860-е гг. возникла необходимость в новой интерпретации истории ВКЛ, которая бы способствовала борьбе с пропольскими настроениями, «доказывала «русскость» всей Западной провинции, а не только малороссийских и белорусских губерний, и оправдывала радикальные меры со стороны властей, с помощью которых они стремились восстановить так называемую историческую справедливость»⁵³.

Первая серьезная попытка ревизии советской литовской историографии отражена в коллективном труде «Литовская советская историография. Теоретические и идеологические контексты» под редакцией А. Бумблаускаса и Н. Шепетюса. В работе представлен ряд статей, в рамках которых литовские авторы пишут о том, как советские идеологические клише проявлялись под пером советских литовских ученых⁵⁴. Особо стоит отметить рассуждение одного из авторитетнейших литовских медиевистов — Э. Гудавичюса, который прослеживает влияние взглядов польского ученого Г. Ловмянского на подход к истории образования Литовского государства В.Т. Пашуто. Э. Гудавичюс указывает, что исследование В.Т. Пашуто — важная веха изучения проблемы становления литовской государственности, «максимум, который в тот момент могла дать наука», но тем не менее это именно модификация, усовершенствование в некоторых моментах концепции Г. Ловмянского. Э. Гудавичюс сожалеет, что советские литовские историки не смогли развить наработки В.Т. Пашуто⁵⁵.

⁵³ Ibid. P. 152; ibid. P. 157.

⁵⁴ Jegelevičius S. SSRS-Vokietijos karas: sovietines istoriografijos klišės. P. 77-89; Bumblauskas A. Konfliktai Lietuvos sovietinėje istoriografijoje: psichologija ar metodologija? P. 102-120; Jokubaitis A. Marksizmas ir lietuviškoji istoriografija. P. 321-328 // Lietuvos sovietinė istoriografija: teoriniai ir ideologiniai kontekstai. Vilnius: Aidai, 1999. - 435 p.

⁵⁵ Gudavičius E. Ar pasistumeta sovietinėje istoriografijoje po Henriko Łowmiańskiego "Studijų apie Lietuvos valstybes ir visuomenės genezę" // Lietuvos sovietinė istoriografija: teoriniai ir ideologiniai kontekstai. Vilnius: Aidai. P. 121-139.

Историк Вильнюсского университета Р. Петраускас в своей статье «Тевтонский орден в литовской историографии: стабильные образы и меняющаяся перспектива»⁵⁶ затронул проблему отображения литовско-орденских взаимоотношений литовскими авторами в советское время. Р. Петраускас пишет, что советизация Литвы сильно повлияла на литовскую историографию и исторический нарратив в целом. В текстах литовских ученых, как отмечает Р. Петраускас, «литовская патриотическая риторика была удачно согласована с советской пропагандой: немцы назывались «вечными врагами литовского народа», а война с Орденом явилась точкой отсчета этой затянувшейся на столетия борьбы». При этом собственно литовские исследования по истории Ордена особенно не поощрялись⁵⁷.

Еще один историк, представляющий Вильнюсский университет, — Ауримас Шведас посвятил свое исследование советской литовской историографии. Защитив докторскую диссертацию по этой теме, он написал монографию «В плену у матрицы. Литовская историография советских лет (1944–1985 гг.)», в которой реконструировал профессиональную «кухню» советской литовской исторической науки. Автор наглядно показал, каким образом в послевоенной Литве утверждалась советская концепция прошлого. По его словам, исторические исследования в советском общественно-политическом пространстве являлись инструментом, который «позволял «приукрасить» настоящую реальность». Для выполнения этой задачи историкам приходилось прибегать к фальсификации «временных и пространственных моделей» литовской истории. А. Шведас делает вывод, что в официальном советском литовском нарративе основной упор делался на освещение таких тем, как классовая борьба во все периоды литовской истории, вековая дружба русского и литовского народов, реакционная

⁵⁶ Петраускас Р. Тевтонский орден в литовской историографии: стабильные образы и меняющаяся перспектива / *Studia Teutonica*. Исследования по истории Немецкого ордена: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 104-123.

⁵⁷ Там же. С. 111, 113.

политика литовских феодалов, совместная борьба русского и литовского народов против иноземных агрессоров и т. д.⁵⁸.

Решающая роль в адаптации литовского прошлого к стандартам советской исторической науки, по мнению исследователя, принадлежит директору Института истории АН Литовской ССР Ю. Жюгжде⁵⁹. А. Шведас пишет о том, что многие литовские ученые воспринимали марксистскую теорию в исторической науке как “неизбежное зло”. Это способствовало распространению такого явления, как “внутренняя миграция”, в ходе которой историки “прятались” в исследованиях по древнейшей истории, применяли самоцензуру или спасались за счет специализации в конкретных узких темах, дабы избежать широких теоретических обобщений. Автор в рамках своей работы опровергает ранее устоявшиеся выводы о том, что советская литовская историография представляла собой монолитную систему, в которой не было места альтернативным официальному дискурсу нарративам. В его книге советская литовская историческая наука — это в том числе и пространство конфликтов⁶⁰.

В заключение остановимся на пробелах, которые свойственны советской и современной отечественной историографии. Во-первых, что вполне логично, большинство ученых подходили к историографии средневековой Литвы в контексте того предмета, который лежал в основе их исследования. Например, у В. И. Пичета это литовско-белорусское право XV–XVI вв., у В. Т. Пашуто — образование Литовского государства, у А. Ю. Дворниченко — положение русских земель в ВКЛ, у М. И. Михальченко — Киевская школа историков, у М. М. Крома — русско-литовские отношения конца XV — первой трети XVI в., и т. д. Даже диссертации, которые защищались в постсоветской России, затрагивали только определенные стороны историографии литовского Средневековья. Так, А. М. Столяров свою работу посвятил изучению вклада дореволюционных историков в освещение таких

⁵⁸ Švedas A. *Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985)*. P. 320-325.

⁵⁹ Возглавлял Институт истории АН Литовской ССР с 1948-го по 1979 г.

⁶⁰ Švedas A. *Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985)*. P. 320-325.

тем, как образование Литовского государства, Кревская уния и социально-политическое развитие ВКЛ до 1569 г., а В. В. Трубкин писал об историографии русско-ордынских и русско-литовских отношений.

Во-вторых, историография в большинстве случаев рассматривается сама по себе, отдельно от тех факторов, которые на нее повлияли. В лучшем случае историки упоминают о том, что два польских восстания XIX в. и идеологизированность советской науки определенным образом сказались на состоянии отечественной литуанистики. Иными словами, в работах большинства ученых отсутствует более глубокое погружение, позволяющее вскрыть все те институциональные внутри- и внешнеполитические факторы, которые определяли направление историографических изысканий. С другой стороны, все эти моменты изложены в работах, касающихся анализа национальной имперской и / или советской политики. Но в них, в свою очередь, обращение к историографическому материалу — редкость. Таким образом, актуальным видится появление исследования, на базе которого прослеживалась бы взаимосвязь между трактовками литовского Средневековья и теми факторами, которые оказывали на них воздействие.

В-третьих, историографические исследования, как правило, построены согласно хронологическому, а не проблемному принципу. Историографы сначала обращают свой взор на труды ученых первой половины XIX в., а потом шаг за шагом рассматривают последующие этапы. Такой формат зачастую приводит к тому, что дореволюционные и советские нарративы между собой не сопоставляются, а анализируются только в контексте своего времени. В данном случае дореволюционная и советская историографии представляются как закрытые системы, между которыми не происходило трансфера идей. Т. е. получается, что дореволюционные интерпретации не актуализировались, не проявлялись в советское время⁶¹.

В-четвертых, историки, как правило, начинали свой историографический экскурс с Н. М. Карамзина, оставляя за кадром

⁶¹ Исключением являются статьи А. И. Филюшкина, о которых мы писали выше.

историографию XVIII в⁶². Для советских и современных российских ученых Н. М. Карамзин — это отправная точка формирования отечественной литуанистики. Данную традицию заложил еще В. И. Пичета, а последующие авторы пошли уже по проторенной дороге. С одной стороны, историческая наука XVIII в. скупа на известия о литовском прошлом, с другой стороны, первым из плеяды крупных отечественных авторов, кто включил литовское Средневековье в орбиту российской исторической мысли, был не Н. М. Карамзин, а В. Н. Татищев⁶³. В этом ключе его позиция, как первопроходца по отношению к прошлому Литвы, конечно же, представляет определенный интерес.

В современной литовской науке также нет целостного обзора дореволюционной и советской историографии средневековой Литвы, которая рассматривается, как правило, только в рамках анализа имперской национальной политики XIX в. или советской литовской исторической науки. Ревизия наработок советских литовских ученых — это одна из ключевых задач современных балтийских исследователей. Можем предположить, что именно в этом направлении в ближайшее время и будут двигаться литовские авторы.

Таким образом, несмотря на наличие большого числа работ, затрагивающих историографию средневековой Литвы, данная тема нуждается в новом, более систематическом исследовании.

Источниковая база исследования

Решение поставленных задач требует привлечения широкого круга опубликованных в дореволюционный и советский период исторических источников. Источниковая база весьма обширна, поэтому возможно и

⁶² Исключением является одна работа Д.Н. Александрова «Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII-XIV вв. и образование Литовского государства», в которой два абзаца посвящены В.Н. Татищеву и М.М. Щербатову.

⁶³ Помимо В.Н. Татищева, в XVIII в. в своих трудах о Литве писали историки М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов и географ Л.М. Максимович.

необходимо провести классификацию источников. Нами выделено 7 групп источников.

К первой группе источников, наиболее многочисленной, относятся труды дореволюционных и советских авторов. В рамках этой группы в зависимости от роли Литвы в предмете исследования (главная или фоновая) можно выделить ряд подгрупп.

Первая подгруппа — это работы, посвященные научным изысканиям в области истории Литвы или Литовско-Русского государства. В них содержится авторское видение, авторская концепция литовского прошлого. Наличие общих подходов в интерпретации литовской старины свидетельствует о формировании в историческом дискурсе ключевых сюжетов литовской истории. До революции большинство специализированных изданий по литовской истории было написано учеными Киевского, Московского и Санкт-Петербургского университетов. В советский период фундаментальные исследования по литовской тематике проводил В.Т. Пашуто⁶⁴.

Вторая подгруппа — это монографии, в которых рассматриваются отдельные аспекты литовской истории или конкретные периоды правления литовских князей. Взгляд дореволюционных и советских ученых на эти вопросы позволяет детализировать позицию исследователей по отношению к литовской истории, а также реконструировать восприятие исторических

⁶⁴ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839; Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып. 1. Киев: университетская типография, 1878; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев: тип. Имп. Унта св. Владимира, 1885; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1889; Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права: Образование территории Литовского государства. СПб.: Типография В. С. Балашев и Ко, 1894; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Московская художественная печатня, 1915; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М.: Соцэкгиз, 1939. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959 и др.

событий во всей полноте. Кроме того, перед раскрытием основной темы своего исследования авторы, как правило, дают краткий очерк основных вех литовского прошлого⁶⁵.

В дореволюционной историографии интерес к истории Литвы проявляли, в первую очередь, представители «государственно-юридической» школы. Такие исследовательские приоритеты свидетельствуют об акцентах досоветской историографии. Среди литовских правителей внимания дореволюционных ученых удостаивались, прежде всего, такие князья, как Ягайло и Витовт. Появление литовской истории в объективе советских авторов связано с анализом таких вопросов, как «Натиск на Восток», образование русского централизованного государства, взаимоотношения Прибалтики и Руси, история папства, международные связи Руси и т.д.⁶⁶. К этой же подгруппе источников можно отнести исследования по истории княжеств, земель, территорий, которые в тот или иной временной отрезок

⁶⁵ Коялович М.О. Литовская церковная уния. Т. I. СПб.: Типография Николая Тихменева, 1859; он же. О расселении племен западного края России. М.: Типография Бахметева, 1863; Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302с.; Смирнов. М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. II. Одесса: типография П. Францева, 1868. С.1-259; Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410). СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1885; он же. Витовт последние двадцать лет княжения 1410-1430. СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1891; Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В. И. Завадского, 1889; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб: тип. В.С. Балашева, 1890; Ярушевич А.В. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. Смоленск: типо-лит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896; Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1901 и др.

⁶⁶ Лурье А.Я. Александр Невский. М.: Воениздат, 1939; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М.: Госполитиздат, 1956; он же. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1974; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. М.; Л.: АН СССР, 1959; Заборов М.А. Папство и крестовые походы. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960; Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. М.: Издательство восточной литературы, 1963; он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). М.: Наука, 1975; Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киев. Русь и ист. судьбы вост. славян / В.Т. Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич. М.: Наука, 1982 и др.

оказывались частью ВКЛ. При освещении региональной истории ученые, как правило, конспективно обращаются к прошлому ВКЛ для того, чтобы рассказать читателям про историю государственного образования, в состав которого эти земли вошли. Большой вклад в появления областных штудий внесла киевская школа историков⁶⁷. Помимо этого, к истории Литвы в дореволюционной России обращались в свете трудов по истории Малороссии, Белоруссии и Западной России⁶⁸. В советское время литовское прошлое обязательно попадало на страницы авторских и коллективных изданий как по истории отдельных княжеств, так и по украинской и белорусской тематике⁶⁹.

Третья подгруппа — это обобщающие фундаментальные, в том числе многотомные, труды по истории России, СССР и союзных республик или всемирной истории. Прошлое средневековой Литвы в этих произведениях излагается в сжатом, схематизированном виде в контексте

⁶⁷ Багалея Д.И. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография И.И. Завадского, 1882; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли. Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира, 1887; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В. И. Завадского, 1896; Грушевский А.С. Пинское полесье: Исторические очерки. Ч. 1-[2]. Очерк истории Турово Пинского княжества. XI-XIII вв. Киев: типография Императорского университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901; Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. СПб.: Типография товарищества "Общественная польза", 1906 и др.

⁶⁸ Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Одесса: Городская типография, 1841; Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Ч. I. М.: Типография Николая Степанова, 1842; Маркевич Н. История Малороссии. Т. I. М.: Типография Августа Семена, 1842; История Русов или малой России. Сочинение Георгия Кониского архиепископа белорусского. М.: Университетская Типография, 1846; Турчинович И.В. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857; Коялович М. О. Чтения по истории западной России. Минск: Беларус. Энцыкл., 2006; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. Вильна: тип. А. Сыркина, 1867; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб.: Тип. Тов. "Общественная польза", 1890 и др.

⁶⁹ Лочмель И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М.: Воениздат, 1940; Гуслистый К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). Київ: Видавництво Академії наук УРСР, 1939; Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). СПб.: Наука, 2002.; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987 и др.

русской/российской, советской или всемирной истории. Основное внимание обращается на узловые для советской и досоветской исторической науки события. В этих сочинениях отчетливо просматривались базовые сценарии литовского прошлого. Появление истории Литвы в советских обобщающих работах свидетельствует об «официальной» интеграции литовского прошлого в советскую историческую науку⁷⁰.

Вторую большую группу источников составляют статьи в дореволюционных и советских периодических изданиях, в научных сборниках, а также опубликованные в них рецензии. Как в статьях, так и в рецензиях обычно характеризуются конкретные эпизоды литовского прошлого. Помимо этого, материал, содержащийся в статьях, позволяет сделать вывод об исследовательских приоритетах и тематическом ландшафте научных изысканий. В рецензиях акцентируется внимание на ключевых моментах в трактовках литовского средневековья⁷¹.

⁷⁰ Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-и томах. М.: Ладомир, 1994; Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 1-7. СПб.: Императорская академия наук, 1770-1791; Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2003; Полевой Н.А. История русского народа. Т. 4. М.: В типографии Августа Семена, 1833; Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времён. Т. 3-4. М.: Мысль, 1988; Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1. СПб.: Типография Аполлона Фридрихсона, 1855; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб: Типография А. Траншеля, 1872; Иловайский Д. И. История России. Т. 1-5. М.: Типография Т. Лебедева, 1880-1905; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. СПб.: Алетейя, 1999; История Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1977; История Латвийской ССР: С древнейших времен до 1860 года. Т. 1. Рига: Ин-т. истории и материал. культуры, 1952; История Литовской ССР: С древнейших времен до 1861 года. Ч. 1. Вильнюс: Государственное издательство политической и научной литературы, 1953; История Украинской ССР. Т.1. Киев: АН УССР, 1953; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв.: в 2 ч. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Всемирная история Т. III. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957; История Эстонской ССР: (с древнейших времен до наших дней). Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958; История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992 и др.

⁷¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. / Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. I. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1886. С. 1-85; Барбашев А.И. Таненбергская битва 1410 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. №12. С. 151-193; он же. Торнский мир // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. №11. С. 80-106; Бестужев-Рюмин К.Н. Рец. на кн. Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильно // Журнал министерства народного просвещения. 1989. № 5. С. 492-505; Пионтковский С. Рец. на кн. Шмурло Е. Курс русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Москва и

Третью группу источников составляют школьные и университетские учебники по истории России и СССР. В учебной литературе, как правило, происходит закрепление схем литовского прошлого, сформированных в официальном историческом нарративе. Учебные пособия служат своего рода индикатором, свидетельствующим о присвоении литовской истории дореволюционной и советской наукой. Анализируя школьные и университетские учебники, можно сделать выводы о значении литовской проблематики в контексте исторической политики государства⁷².

Литва (1462-1613). Прага: б.и., 1933 // Историк-Марксист. 1935. № 12. С. 142-144; Пичета В.И. Рец. на кн. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV-XVI вв. Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1936. - XII, 152, [3] с.// Историк-марксист. 1937. №3. С. 184-187; Жюгжда Ю. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII – XV веках // Исторический журнал. 1943. №8-9. С. 27-33; Пашуто В.Т. О политике папской курии на Руси (XIII в.) // Вопросы истории. 1949. № 5. С. 52–76; он же. Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 42–62; он же. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII— XV веках // Вопросы истории. 1969. № 7. С. 109–128 и др.

⁷² Погодин М.П. Начертание русской истории для училищ. М.: Университетская типография, 1835; он же. Начертание русской истории. Для гимназий. М.: Университетская типография, 1837; Устрялов Н.Г. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. СПб.: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1842; Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории, приспособленные к курсу средних учебных заведений. Изд. 2-е. М.: тип. Грачева и К, 1861; он же. Сокращенное руководство к русской истории: Для мл. возраста. М.: тип. В. Грачева и К, 1865; он же. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Изд. 9-е. М.: тип. Грачева и К, 1868; он же. Сокращенное руководство к всеобщей и русской истории: Курс младшего возраста. М.: тип. В. Грачева и К°, 1869; Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб.: Наука, 1993; Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937; История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. / Под. ред. Панкратовой А.М. Издание 12-е. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953; История СССР. Краткий курс: Учеб. для 4-го кл. / под ред. проф. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1955; Алексеев С.П., Карцов В.Г. История СССР. Учебная книга для 4-го класса. - М.: Учпедгиз, 1961; История СССР. С древнейших времен до наших дней: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII-XVII вв. Образование единого Русского государства / Редкол.: М.Н. Тихомиров (отв. ред.) и др. Т. 2. М.: Наука, 1966; Lietuvos TSR istorijos chrestomatija. Kaunas: Sbiesa, 1972; История СССР: С древнейших времен до 1861 года / под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. – 3-е изд., испр. Ч. 1. М.: Просвещение, 1974; Голубева Т.С. Рассказы по истории СССР для 4 класса: учебная книга. - 8-е изд. - Москва: Просвещение, 1978; Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: книга для учителя / Сост. П.П. Епифанов, Сост. О.П. Епифанова. - М.: Просвещение, 1989 и др.

Четвёртую группу источников составляют сборники документов по истории средневековой Литвы или истории территорий, являвшихся частью ВКЛ. Комментарии, предисловия к сборникам раскрывают взгляды их авторов на литовское прошлое. Подбор соответствующих документов в них свидетельствует о формировании контуров и границ официальной исторической политики в отношении литовской истории. Кроме того, для понимания проблемы важны документы из сборников, в которых встречается информация о национальной и исторической политике Центра, по отношению к окраинам и их прошлому⁷³.

Ещё одну, пятую, группу историографических источников образуют труды по этнографии и географии, в которых содержатся сведения о литовской народности. В работах подобного рода обязательно присутствует короткая справка по истории Литвы. Анализ этой информации показывает, как происходит трансфер исторических образов в смежные науки⁷⁴.

Ценным историческим источником являются высказывания и заметки представителей власти, а также интеллигенции по поводу Литвы и ее истории, опубликованные на страницах журналов и сборников. Это шестая группа источников. Спектр затрагиваемых в них вопросов широк:

⁷³ Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1865; Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов/ Под ред. А.И. Азаров и др. Т. 1. Минск: Издательство АН БССР, 1959; Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Т. III. Ч. I. СПб.: Канцелярия Комитета Министров, 1902; Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева./ Сост. А.В.Белецкий. Т. 1. Вильна: Русский Почин, 1906; Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908 и др.

⁷⁴ Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1788-1789; Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов Ч. I. Спб., 1839; Военно-статистическое обозрение Российской Империи издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. IX. Ч. 1. Ковенская губерния. СПб.: Департамент Генерального Штаба, 1848; Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографии западных губерний России. СПб.: В типографии Дома Призрения Малолетних Бедных, 1864; Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. СПб., типография М.М.Стасюлевича, 1892; Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Литва / С.С. Тарвидас. М.: Мысль, 1967; Литва: Краткая энциклопедия. Вильнюс: Гл. ред. энцикл., 1989 и др.

общественно-политическая ситуация в Северо-Западном крае Российской империи и Литовской ССР, национальная политика в отношении литовцев и поляков, восприятие литовского средневековья и его связь с русским прошлым. Эти работы помогают изучить масштаб влияния имперского дискурса на историческую науку⁷⁵.

Методологическая основа работы

Методологической основой диссертационного исследования являются принципы историзма, междисциплинарности, системности и комплексного анализа поставленной проблемы.

Исходя из принципа историзма, историографию истории Литвы мы рассматриваем как явление в развитии. Такой подход позволяет осмыслить ключевые факторы, определившие интерес к литовской истории, а также проследить качественные изменения, происходившие в изучении прошлого Литвы с течением времени. В этом случае характеристика предмета исследования проводится с учетом конкретно-исторических условий, в которых протекали научные изыскания по литовской истории. На эволюцию взглядов о литовском средневековье влияло развитие исторической науки, философских систем, внешнеполитическая конъюнктура, а также трансформация общественно-политической, социокультурной, институциональной среды, в которой работали ученые. Исследователь

⁷⁵ Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. М.: типография газеты Русский, 1867; Гильфердинг А. Литва и Жмудь // Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Печатня В.Головина, 1868; Назимов В.Н. Очерк из новейшей летописи северо-западной России // Русская Старина. 1885. Т. XLV. С. 555-580; Липранди А.П. Отторженная возвратих: Падение Польши и воссоединение Западно-Русского Края. СПб.: типография А.Л. Трунова, 1893; Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. СПб.: Типография М.Меркушева, 1905; Костомаров Н.И. Автобиография/Под редакцией В. Котельникова. М., 1922. URL: <http://bookre.org/reader?file=535525&pg=31> (дата обращения: 30.05.2013); Пичета В.И. Воспоминание о Московском университете (1897-1901 гг.) / Славяне в эпоху феодализма: к столетию академика В. И. Пичеты. М.:Наука, 1978. С. 52-66; Волин Б.М. Великий русский народ. М.: Молодая гвардия, 1938; Палецкис Ю. Думы о старшем брате. М.: Госполитиздат, 1959 и др.

ангажирован своей эпохой и находится в плену социальных представлений и политических идеологий, господствующих в его время. Для того чтобы понять позицию автора по отношению к объекту исследования, очень важно познакомиться с тем периодом, в контексте которого проводилось исследование.

Принцип системности предполагает, что историография истории Литвы воспринимается как некая система, состоящая из ряда компонентов, изучение взаимодействия которых позволяет создать целостную картину исследуемой проблемы. Историография истории Литвы выступает также как органичная часть дореволюционной и советской науки, которая, в свою очередь, является сегментом комплекса общественно-политических и культурных представлений о социальном мироустройстве.

Для принципа междисциплинарности свойственна установка на взаимодействие истории и социальных наук на платформе интегрального подхода к изучению прошлого.

В качестве конкретно-исторических методов в историографическом исследовании использовались следующие методы:

сравнительно-исторический метод, позволивший сравнить процесс восприятия истории Литвы как отдельными учеными, так и научными центрами на разных этапах развития литуанистики. С помощью данного метода сопоставлены факторы, которые определяли ход эволюции научных изысканий в области литовского прошлого в дореволюционный и советский период;

историко-типологический метод, позволивший классифицировать сюжеты и концепции средневековой литовской истории на основе присущих им признаков;

метод периодизации, с помощью которого выделены этапы в изучении литовского средневековья дореволюционными и советскими историками.

Критериями периодизации являются комбинации сюжетов литовского прошлого, которые преобладали в тот или иной временной интервал, а также степень «присвоения» литовской проблематики дореволюционной и советской исторической наукой;

специфика темы историографической работы потребовала использования метода дискурсивного анализа источников, посредством которого исследовались дореволюционный и советский научные нарративы, составлявшие основу коллективных представлений об истории средневековой Литвы⁷⁶.

С учетом специфики изучаемого предмета исследования в рамках комплексного анализа применялись подходы социокультурной истории. Словами классика методологии Л.П. Репиной, "Культурная история социального, опираясь на анализ понятий, представлений, восприятий, акцентирует внимание на дискурсивном аспекте социального опыта в самом широком его понимании"⁷⁷. В диссертационном исследовании представители исторической науки рассматриваются как определенная группа, которая в ответ на запрос общественно-политических элит породила систему взаимоотношений, в рамках которой были сформированы концепции и сюжеты дореволюционной и советской версий истории средневековой Литвы.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в том, что на базе современных методологических приемов, привлекая большой круг источников (историографических, а также этнографических и публицистических

⁷⁶ Подробнее об этих методах: Jørgensen M., Phillips L. *Discourse Analysis As Theory and Method*. London: Sage Publications, 2002.

⁷⁷ Репина Л.П. *История исторического знания: пособие для вузов* / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. - 3-е изд. - М.: Дрофа, 2008. С. 251.

текстов), дано целостное представление о процессе изучения средневековой истории Литвы в дореволюционной и советской исторической науке. При этом обращается внимание на историографию XVIII в., которая, как правило, оставалась за рамками трудов отечественных и зарубежных исследователей. Широкие хронологические рамки работы позволили предложить авторскую периодизацию изучения литовского прошлого в Российской империи и Советском Союзе.

Помимо собственно историографических изысканий в исследовании была прослежена связь между внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановкой в Российской империи/СССР и ходом реконструкции истории Литвы в дореволюционном и советском историческом нарративе. Новизна работы заключается также в постановке такого предмета исследования, как сюжеты средневековой литовской истории, в рамках которых происходило «присвоение» и «интеграция» литовского средневекового прошлого в дореволюционную российскую и советскую историческую науку.

Практическая значимость исследования

Практическая значимость исследования заключается в возможном использовании его результатов при написании специальных работ по историографии Литвы, а также по национальной политике Российской империи и СССР, касающейся прибалтийского региона. Материалы работы могут быть применены при разработке общих вузовских курсов по историографии и истории дореволюционной России, Советского Союза и спецкурсов, посвященных историографии и прошлому ВКЛ.

Положения, выносимые на защиту

1. Актуальность средневековой истории Литвы в дореволюционной и советской историографии определялась внутри- и внешнеполитической

конъюнктурой. Интерес к литовскому прошлому до революции был завязан на двух польских восстаниях (1830–1831 и 1863–1864 гг.), а в советское время — на процессе включения Литвы в состав СССР в 1940 г. Именно эти события оказались отправной точкой «присвоения» литовского средневековья дореволюционными и советскими учеными.

2. Главный историограф николаевской эпохи Н.Г. Устрялов и один из ведущих советских медиевистов В.Т. Пашуто являлись теми учеными, которые, учитывая ключевые идеологемы имперской политики и национально-государственного исторического нарратива, заложили краеугольный камень в основание дореволюционной и советской концепций средневекового прошлого Литвы.

3. «Присвоение» литовского средневековья национально-государственным историческим нарративом — как до революции, так и в советское время — происходило сквозь призму сюжетов, которые, как правило, шли в строгой хронологической последовательности, образуя в итоге целостные, довольно логичные, предельно структурированные концепции средневековой истории Литвы: образование Литовского государства, присоединение/включение/захват восточнославянских территорий Литвой/литовскими феодалами, «Наша Литва»: «Другая Русь» vs. «Дружба народов», «Натиск на Восток»: Польша и Германия предпринимают попытки забрать «наши» земли.

4. Дореволюционная и советская концепции литовского средневековья в своей сути имеют расхождения. Первый подход преподносит нам Литву в качестве одного из возможных объединителей русских земель, который, согласно логике исторического развития, справедливо уступил в противостоянии с Москвой, второй — за исключением одного эпизода — вообще не рассматривает Литву как самостоятельного игрока на карте прошлого, представляя ее либо как объект влияния русской культуры, либо как «нашу» территорию, за которую происходит борьба с иноземным

«агрессором». При этом сами сюжеты в дореволюционной и советской версиях истории Литвы могли как совпадать, так и отличаться. Но главное в том, что их пронизывала стержневая идея: территория Литвы «наша», как и ее прошлое.

5. основополагающим лейтмотивом толкования литовского прошлого служил подход, свидетельствующий, что история Литвы «наша». В данной интерпретации важное место отводилось «неприятелю», «врагу», пытающемуся похитить «нашу» Литву. До революции эту роль играла Польша, после — «Германия» в различных ее ипостасях (немецкие крестоносцы, феодалы, «псы-рыцари» и т.д.), возглавляющая западноевропейскую коалицию. Таким образом, в дореволюционной и советской версии картина рисовалась за счет дихотомии, противопоставления «своих» и «чужих» в борьбе за «нашу» землю.

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования были отражены в одиннадцати научных статьях, шесть из которых были опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях на международных научных конференциях: доклад «Образ Литвы в отечественной историографии XIX в.», международная научная конференция «Археологические исследования в Калининградской области», г. Калининград, 12.10.2012; доклад «Сюжеты средневековой литовской истории в советской историографии», международная конференция «Прибалтийские исследования в России», г. Калининград, 22.04.2016.

Структура работы

Структура работы определена логикой исследования, целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав,

заклучения, списка использованных источников и литературы. Во введении объясняется выбор темы исследования и актуальность изучаемой проблематики, определяются хронологические рамки, объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, а также содержится информация об историографии, используемых источниках и методологическом арсенале исследования. В первой главе реконструируются взгляды отечественных ученых XVIII - первой половины XIX в. на средневековую историю Литвы, исследуется роль Н.Г. Устрялова в «присвоении» литовского прошлого. Во второй главе выделяются основные причины, которые обусловили интерес к литовскому прошлому в исторической науке второй половины XIX — начала XX вв., а также систематизируются ключевые сюжеты литовского средневековья. В третьей главе характеризуется советская литуанистика⁷⁸, рассматривается концепция литовской истории, свойственная для советской историографической традиции.

⁷⁸ Под термином «литуанистика» в работе понимается не филологическая наука, исследующая литовский язык, а историческая дисциплина, изучающая прошлое Литвы.

Глава 1. Исследование литовского прошлого в дореволюционной историографии XVIII в. – 1850-х гг.

1.1. «Чужая» история Литвы в отечественной исторической науке XVIII - первой половины XIX в.

В результате трех разделов Речи Посполитой к Российской империи отошла территория, превышающая 450 тыс. кв. км с населением свыше 5 млн человек. Екатерина II объясняла мотивы разделов тем, что «взяла только свое», т.е. земли Древней Руси⁷⁹. Ровно через сто лет после «Второго раздела Польши» публицист А.П. Липранди напишет: «Какой славный был этот момент в жизни русского народа, какая светлая страница в русской истории, какое великое дело царствования императрицы Екатерины II» — Западная Русь, после трехвекового польского рабства, «возвратилась к России и возвратилась почти совершенно чистой от языка польских ее притеснителей»⁸⁰. Несмотря на восторг А.П. Липранди, инкорпорировать бывшие польские владения территориально оказалось намного легче, чем завоевать умы и преданность населения.

Большая часть земель бывшей Речи Посполитой продолжала находиться под воздействием польской культуры и развивалась в русле польской идеологии. По словам австрийского профессора А. Каппелера, широкие области Польши и Литвы оставались «чужеродным телом в России», а «польский вопрос» являлся постоянным дестабилизирующим фактором внешней и внутренней политики Санкт-Петербурга вплоть до XX в.⁸¹.

Литовские территории были составной частью так называемых «восточных крес» (*po-польски Kresy Wschodnie, т.е. восточные окраины Речи*

⁷⁹ Каппелер А. Россия многонациональная империя. М.: Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. С. 60-64; Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 77.

⁸⁰ Липранди А.П. Отторженная возвратих.": Падение Польши и воссоединение Западно-Русского Края. С. 3.

⁸¹ Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 60-64.

Посполитой), которые на языке бюрократии российских чиновников именовались «возвращенными от Польши», а иногда даже «польскими». М. Долбилов и А. Миллер утверждают, что до первого Польского восстания (1830—1831) процесс «полонизации» в этом крае не только не прекратился, а, наоборот, активизировался, и литовские земли в данном случае не стали исключением. Такое положение дел можно объяснить политикой российского правительства, которое намеренно сохраняло здесь «статус-кво», не нарушая основы функционирования сложившегося порядка⁸².

Польское или полонизированное дворянство преобладало в регионе, определяя направление культурной и политической жизни. Литовская элита была ассимилирована⁸³. В западных губерниях значительное развитие получила польская система образования. Среди поляков доля лиц с высшим и средним образованием и уровень грамотности были значительно выше, чем среди литовцев. Виленский университет был одним из крупнейших польских учебных заведений. Примечательно, что в 1825-м году в университете отвергли проект открытия кафедры литовской литературы⁸⁴. Дальнейшей «полонизации» литовского населения способствовала католическая церковь, которая не испытывала никакого давления со стороны российской администрации⁸⁵.

Связь Санкт-Петербурга с периферией в первую очередь осуществлялась посредством взаимодействия с польской или полонизированной шляхтой. К крестьянству, основу которого составляли литовцы и белорусы, российская бюрократия не проявляла должного интереса. В обмен на политическую

⁸² Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 94, 96; Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 67.

⁸³ Там же. С. 89-90, 96.

⁸⁴ За начало преподавания литовского языка в Виленском университете в 1825 г. на факультете литературы и изящных искусств Виленского университета проголосовало всего 2 человека: профессор русской словесности И.Н. Лобойко и университетский библиотекарь К. Контрымом (*Сидеравичюс Р. Письма русских литераторов профессору И. Н. Лобойко // Literatūra: Rusistica Vilnensis. - 2008. - № 50. - С. 90*).

⁸⁵ Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 77-78, С. 95-96, 110; Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 77-78.

благонадежность шляхты имперская элита брала на себя функцию гаранта земельной собственности польских или полонизированных дворян и их власти над крестьянством⁸⁶.

Дефицит внимания к литовской этнической общности в административной и политической практиках приводил к отсутствию серьезного интереса к прошлому Литвы и ВКЛ в исторической науке. Для отечественных историков XVIII - первой половины XIX в. история Литвы была «чужой» и «периферийной». Средневековая Литва располагалась вне фокуса исследовательского объектива ученых, которые были более сосредоточены на научных изысканиях в области истории Северо-Восточной Руси. Сама эпоха способствовала тому, чтобы учёные занимались другими проблемами.

В отечественной историографии XVIII - XIX в. была заложена традиция, в соответствии с которой история Московского княжества рассматривалась как прямое продолжение истории Киевской Руси. Концепция российской истории имела линейную форму. Трактовка прошлого России базировалась на тезисе, утверждавшем единство Малой и Великой Руси. Этот постулат был характерен для большинства ученых, от М.М. Щербатова до С.М. Соловьева и В.О. Ключевского⁸⁷. В рамках такого подхода история западных окраин Российской империи, некогда входивших в состав Древнерусского государства, оставалась за пределами произведений российский авторов, а большинство трудов, посвященных собственно истории ВКЛ, было написано польскими или полонизированными

⁸⁶ Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 82, 160-161, 165; он же. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700-1918 гг.)// *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 25; Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 76.

⁸⁷ Из плеяды великих историков XVIII–XIX вв. лишь у В. Н. Татищева изложение истории южных и западных земель с момента распада Древней Руси идет не в контексте освещения великого княжения владимирского и московского, а параллельно с ним. (*Рубинштейн Н.Л. Русская историография*. - М.: Госполитиздат, 1941. С. 131).

историками на польском языке⁸⁸. В это время Вильно стал центром, в котором происходило институциональное оформление изучения литовской истории. Например, с деятельностью Виленского университета, связана научная карьера историка И. Лелевеля, знатоков литовского права И. Даниловича и И. Ярошевича и т.д.⁸⁹.

В этом ключе деятельность известного политика и мецената александровской эпохи Н.П. Румянцева, направленная на изучение памятников словесности и литовской истории, являлась скорее исключением, чем закономерностью. Но реализация его планов была возможна только с помощью ученых Виленского университета. Н.П. Румянцев спонсировал и поддерживал профессора русской словесности Виленского университета И.Н. Лобойко, который активно занимался поиском литовских древностей. Так, в 1823 г. при содействии Н.П. Румянцева была организована экспедиция, в которой приняли участие И.Н. Лобойко и И. Лелевель, по сбору материала для написания работы о литовском народе и его языке. В своем дворце на Английской набережной меценат принимал у себя ученого И. Даниловича, с которым вел научные беседы по истории ВКЛ. Благодаря Н.П. Румянцеву была начата работа по подготовке к публикации Статутов Великого княжества Литовского, являвшихся источниками для изучения права ВКЛ. Профессор статистики Виленского университета И.Ж. Онацевич, служивший у брата Н.П. Румянцева, под впечатлением работы «кружка Н.П. Румянцева»,

⁸⁸ Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века //Россия/Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII - начало XX века. М.: О.Г.И., 1999. С. 233-234; Миллер. А. Формирование наций у восточных славян в XIX в. – проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста. URL: www.timeandspace.lviv.ua/files/library/miller45507ceddf9bc.doc (дата обращения: 14.01.2012); Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 4-5.

⁸⁹ Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: Наука, 1985. С. 15.

в конце 1820-х гг. принялся за написание «Истории Литвы», которую закончить однако не успел⁹⁰.

Историографический климат в «большой» России в XVIII - первой половине XIX в. не благоприятствовал появлению работ, посвященных прошлому Литвы. В это время к истории ВКЛ исследователи обращаются только для характеристики отношений между русскими княжествами и Литвой. При этом в трудах практически отсутствует информация о событиях, происходивших на территории литовских земель. Вследствие такого подхода Литва и литовцы воспринимаются авторами именно сквозь призму русско-литовских взаимоотношений.

Основоположник научного изучения российской истории В.Н. Татищев был первым отечественным исследователем, прикоснувшимся к прошлому Литвы. Произошло это еще в первой половине XVIII в., когда Литва входила в состав Речи Посполитой и никто не предполагал, что через полвека эта территория будет присоединена к Российской империи.

В своей фундаментальной работе «История Российская» В. Н. Татищев отмечает, что русские князья, начиная с Ярослава, “ходили” на Литву, разоряли ее просторы, возлагали на нее дань и “со многим полоном” возвращались обратно. Литва в его работе предстает как земля, где есть чем поживиться: великие князья со своими войсками опустошали поля и жилища литовцев, уводили скот, а также брали пленных⁹¹. Но когда “брат пошел на брата”, то “неприятель” Литва начала “нападать”, “чинить разорения” и “пакости”, “делать вред”, “грабить” и “губить пределы русские”⁹².

⁹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 615; Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. С. 96; Сидеравичюс Р. Письма русских литераторов профессору И. Н. Лобойко. С. 90; Лабынцев Ю.А. Письменное наследие Великого княжества Литовского в глазах первенцев польской и русской гуманитарной науки: Виленская школа и профессор И.Н. Данилович // Россия-Польша. Образы и стереотипа в литературе и культуре. М.: "Индрик", 2002. С. 325.

⁹¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8-ми томах. История Российская. Т. 2. С. 78, 142-143, Т. 3. С. 98, Т. 4. С. 188.

⁹² Там же. Т.3. 130, 166, 184, 188, 200-202, 220, 225, 229.

Последующие ученые XVIII в. либо вообще не упоминали о Литве в своих работах, либо писали о ней только в контексте нападений литовцев или захвата ими русских земель в связи с татарским нашествием. Таким образом, В. Н. Татищев — единственный отечественный историк XVIII в., кто хотя бы кратко, но затрагивал ранний, домонгольский период литовского прошлого⁹³.

Иную картину по сравнению с XVIII в. мы обнаруживаем в работах первой половины XIX столетия, в которых больше внимания уделяется первоначальным сведениям о литовцах. Например, Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» пишет, что в период “совершенного единовластительства” от Рюрика до Мстислава литовский народ был подвластен князьям Руси, “дикий, бедный, платил им дань шкурами, даже лыками и вениками”. В результате походов русские полки из Литвы приводили “невольников”⁹⁴. Начиная с XIII в. уже литовцы нападают на русские земли, поэтому для Н.М. Карамзина они становятся “мужественным разбойниками” и “хищниками”. Во времена правления “ужасного” и “славного Миндовга” подконтрольные ему литовские князья занимались “разбоем, гибельным” для Ливонского ордена, Мазовии, Черниговских, Смоленских и Новгородских областей. Однако все эти литовские походы на соседние христианские земли, согласно выводам учёного, ограничивались только лишь грабежом, при этом литовцы и не думали о завоеваниях⁹⁵.

Талантливый публицист и ученый Н.А. Полевой, автор шеститомного труда «История русского народа», заявляет, что долгое время Литва представляла собой «нестройные толпы дикарей», совершающих «хищные и бесстрашные набеги» на своих соседей с целью грабежа. Автор убеждает

⁹³ Помимо В. Н. Татищева, из историков XVIII в. ранней истории Литвы касались М.В. Ломоносов и М.М. Щербатов (по одному упоминанию).

⁹⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 140, 205.

⁹⁵ Там же. С. 239, 252, 290-291.

читателей, что до начала правления литовского князя Гедимина исключительно “грабежи и набеги” символизировали собой Литву”⁹⁶.

Одесский историк А.А. Скальковский заключает, что “с Северо-Запада дикие и бедные литовцы-язычники (до 1386), на маленьких лошадках, дурно вооруженные, дурно одетые, сильные храбростью и нуждою” совершали вторжения в русские земли, “грабили и жгли города, убивали и полонили жителей и довольные добычею, не заботясь об удержании захваченных городов, уходили в свои прибалтийские леса и болота”⁹⁷.

По мнению Н.П. Дашкевича, более основательно, чем предшествующие историки, к исследованию прошлого Литвы, обратился С.М. Соловьев⁹⁸. Тем не менее раздел, посвящённый литовцам, в анализе и подборе источников сильно уступает другим темам, которые раскрыты в его *Истории*⁹⁹. Изучая русские летописи, С.М. Соловьев приходит к заключению, что после смерти Ярослава I, из-за усобиц между русскими князьями, прекращается движение русских границ на Запад, в том числе и в сторону Литвы. По мнению автора, лесные пуши и топи способствовали сохранению дикости “первоначального быта” и важности прочной религиозной системы, подчиняющей быт литовских племён. Кроме того, такая природная среда позволяла балтам безнаказанно нападать на своих соседей, так как леса и болота лучше гор защищали литовцев от ответных походов¹⁰⁰.

С.М. Соловьев характеризует первые десятилетия XII в. как начало литовских опустошительных “нашествий” на западные русские княжества. С

⁹⁶ Полевой Н.А. История русского народа. Т 4.

⁹⁷ Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. С. 2-3.

⁹⁸ С.М. Соловьева мы относим к ученым первой половины XIX в., поскольку его трактовки литовского средневековья созвучны тем взглядам, которые характерны для Н.М. Карамзина, Н.П. Полевого и др. Кроме того, первые тома его основного труда «История России с древнейших времен» (в них как раз и рассматривалось литовское средневековье) были опубликованы до второго Польского восстания, которое сыграло важную роль в изменении подхода к литовскому прошлому со стороны имперских идеологов.

⁹⁹ Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 3

¹⁰⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времён. Т. 3-4. С. 39.

тех пор, пишет учёный, литовцы для Западной Руси оказываются одними из главных “врагов”, такими, например, как половцы для юго-восточных русских княжеств. В период борьбы родовых и государственных отношений набеги литовцев на русские земли становятся обычной практикой. Историк подчеркивает, что данные походы ограничивались лишь грабежами, так как на большее языческие племена балтов не были способны. Вследствие этого Литва для С.М. Соловьева — это «враг», который приносит вред как северо-западным, так и юго-западным русским княжествам¹⁰¹.

Так, ранней истории литовских племен исследователи XVIII— первой половины XIX в. уделяют мало внимания: у них отсутствует интерес к данной проблематике и источниковая база не позволяет большего. Если у В. Н. Татищева Литва оказывается территорией, привлекательной для русских князей с точки зрения обогащения, то у историков первой половины XIX в. мы встречаем образ «слабых, бедных, диких» балтов, живущих в глухих пущах и платящих дань «одними шкурами и вениками», а также «корой дубовых ветвей». Эти клишированные фразы были введены в оборот польским хронистом Яном Длугошем, затем перекочевывали из работы в работу без их критического анализа и зачастую даже без ссылки на источник¹⁰². В частности, подобного рода репрезентации мы обнаруживаем у Матея Стрыйковского в его «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси», которая служила одним из основных источников по литовской истории для ученых XVIII — первой половины XIX в.¹⁰³ В свою очередь, В. Н. Татищев в том, что касается упоминаний Литвы, всецело следует за сведениями русских летописцев, не привлекая дополнительной литературы. Но в своей сути это единственное разночтение в отношении литовского прошлого между историографией XVIII в. и первой половины XIX в.

¹⁰¹ Там же. С. 38;123, 147-148, 151.

¹⁰² Длугош Я. Грюнвальдская битва. М.-Л.: Наука, 1962. С. 13-14.

¹⁰³ Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa: Nakł. G.L. Glucksberga, 1846. S. 65-85.

Но постепенно, по мнению учёных, Литва начинает “тревожить” своими набегами близлежащие русские земли. По этой причине образ “слабых” литовцев, являвшихся объектом нападения Руси, трансформируется в образ литовцев “врагов-разбойников”, совершающих набеги на русские земли¹⁰⁴.

Если В. Н. Татищев видит литовцев XII в. как «неприятелей», которые только разоряют русские княжества, то применительно к XIII в. он начинает писать о них как о силе, которая овладевает “многими городами русскими”, утверждая свое насилие и умаляя “славу русскую и честь государей”¹⁰⁵. Против литовцев, “коих храбрость часто чувствовали россияне”, замечает историограф Екатерины II М. М. Щербатов, необходимо посылать значительные войска, чтобы выгнать их из России¹⁰⁶.

Н. М. Карамзин пишет о Литве как об “опасном сопернике”, захватывающем русские земли. По мысли ученого, Литва в это время представляет собой достаточно “грозную силу” для ближайших соседей, так как уже при Ольгерде существовала возможность того, что литовские князья захватят Москву. Тем самым “удержать стремление Литвы на ее владения” — это одна из трех важнейших задач для московских правителей наряду с борьбой против монголов и присоединением независимых уделов¹⁰⁷.

Историк и политический деятель первой половины XIX в., один из первых отечественных библиографов и археографов Д.Н. Бантыш-Каменский в книге «История Малой России» отмечал, что народ литовский “взял внезапно перевес” над “Россиянами”. Он называет Литву “завоевателем”, который занял значительную часть “владений потомков Владимира”. Ученый

¹⁰⁴ См., напр.: Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. IX. С. 30.

¹⁰⁵ Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8-и томах. История Российская. Т. 3. С. 80-81.

¹⁰⁶ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. С. 349. Т. 4. С. 27.

¹⁰⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского С. 353, 388.

особо отмечает правление “кровожадного” литовского князя Ольгерда, стремившегося “более и более стеснять Россию”¹⁰⁸.

В свою очередь Н.А. Полевой большое значение придаёт периоду княжения Гедимины, так как в годы его правления произошло очень важное событие для “западной Руси”, а именно “прочное установление политической самобытности Литовской земли”. Основание Литовского государства привело к прекращению “разбоев” со стороны Литвы. Гедимин смог образовать “из сих дикарей грозные дружины” и превратить “полудикую страну” в одно из сильных “обществ на севере”. Историк резюмирует, что только стечение внешних обстоятельств могло способствовать освобождению “Русских земель от силы потомков Гедиминова”, а “открытая борьба” с опасным соседом Литвой была невозможна для Москвы¹⁰⁹.

М.П. Погодин, будучи, по словам исследовательницы Т.А. Володиной, едва ли ни самой заметной фигурой в академической иерархии историков, в ряде своих сочинений изображает литовских князей как “завоевателей”, которые воспользовались временной слабостью России и овладели частью её западных и южных областей. Гедимины, Ольгерды и Витовты ученый называет грозными “врагами” России, которые постепенно приближаются к границам Московского княжества. С деятельностью Витовта, который “протягивал руки” к Пскову и Новгороду он связывает восход и закат славы “народа Литовского”. После смерти Витовта Литва уже “не страшна” России¹¹⁰.

С.М. Соловьев подчеркивает, что наступательное движение литовцев на восток началось после того, как в их среде произошли важные перемены — основой государственного быта становится “единовластие”. В это время Русь фактически “разделилась на две части: северо-восточную, которая

¹⁰⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. С. 22-26.

¹⁰⁹ Полевой Н.А. История русского народа. Т 4. С. 337-338, 347, Т 5. С. 193.

¹¹⁰ Погодин. М.П. Начертание русской истории. Для гимназий. С. 122-128; он же. Очерк русской истории. С. 27; Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории//Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117.

собиралась около Москвы, и юго-западную, которая подчинилась чужим, литовским князьям”. Единовластие, как считает исследователь, явилось фундаментом для создания сильной государственности как в Литве, так и в Северо-Восточной Руси, в результате чего “два сильных тела” сталкиваются друг с другом. К тому же литовские князья не хотели довольствоваться одною Юго-Западной Русью. Таким образом, учёный воспринимает Литву XIV в. именно как соперника “настоящей” Руси, которая начинает образовываться вокруг Москвы¹¹¹.

Один из первых создателей систематизированной истории Белоруссии И.В. Турчинович¹¹², также как и большинство его современников, придерживался “завоевательной” теории, согласно которой Литва поработила часть русских территорий. В тексте И.В. Турчиновича Литва часто ассоциируется с «могуществом», которое отображает постоянно возрастающую силу ВКЛ¹¹³.

Исследователи XVIII - первой половины XIX в., описывая литовскую историю, обязательно выделяли факторы, которые влияли на активизацию литовских набегов и захватов русских владений. Практически все историки сходятся во мнении, что именно междоусобицы на Руси позволили литовским племенам нападать на земли своего восточного соседа.

Так, В.Н. Татищев указывает, что с началом “междоусобия” Литва отнимала, овладевала или опустошала русские “пределы древние”¹¹⁴. Аналогичной точки зрения придерживается Л.М. Максимович, бывший при

¹¹¹ Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времён. Т. 3-4. С. 174, 244; он же. Общедоступные чтения о русской истории. М.: Республика, 1992. С. 224.

¹¹² «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен» И.В. Турчиновича является работой компилятивного характера. Книга написана на основании трудов таких известных авторов, как Т. Нарбут, Н.М. Карамзин, М. Стрыйковского и др. В сочинении И.В. Турчиновича приводится множество баснословных сведений, без их критического отбора и анализа. По большей части исследователь просто констатирует те или иные факты без каких-либо оценочных суждений.

¹¹³ Турчинович И. В. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. С. 47-48, 73-75, 89-90, 93, 97.

¹¹⁴ Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-и томах. История Российская. Т. 3. С. 220.

Екатерине II составителем нового географического словаря Российской империи¹¹⁵. Н.М. Карамзин подчеркивает, что когда “единовластительство” сменяет “аристократия или паче расчлененное тело”, то литовцы не только освобождаются от зависимости, но и тревожат “набегами области российские”. Согласно концептуальному подходу историка, именно децентрализм Руси, который привел к “слабости каждого удела в особенности”, способствовал регулярным нападениям литовских племен на русские земли с 80-х гг. XII в.¹¹⁶. С такой позицией соглашается М.П. Погодин, который пишет, что усиление Литвы произошло из-за удельных распрей на Руси. Н.А. Полевой называет “разделение Русских княжеств” средством, позволившем литовцам образовать самостоятельное государство, что, в свою очередь, благоприятствовало наступлениям на русские территории¹¹⁷.

Еще одним обстоятельством, повысившим наступательный потенциал Литвы, было, по мнению В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, М.П. Погодина и С.М. Соловьева, «татаро-монгольское нашествие», которое ослабило центры русских княжеств. Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев также отмечают, что Литве, благодаря разумной политике ее правителей, долгое время удавалось удерживать захваченные русские области. Литовские завоеватели не покушались на местные устои: не изгоняли князей, уважали законы, покровительствовали православной вере, т.е. оставляли “все по-старому”¹¹⁸.

¹¹⁵ Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. С. 123-124.

¹¹⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 205; Цит по: Историография истории России до 1917 г./Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 1. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003. С.203.

¹¹⁷ Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-и томах. История Российская. Т. 4. С. 80-81; Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 3. С. 12-13, 82; Полевой Н.А. История русского народа. Т. 2. М.: В типографии Августа Семена, 1830. С. 60; Погодин. М. П. Начертание русской истории. Для гимназий. С. 88.

¹¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 328, 335, 344; Погодин. М.П. Начертание русской истории. Для гимназий. С. 88; Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. С.216; 227.

Для историков XVIII в. - первой половины XIX в. тема борьбы русских княжеств с Литвой была ключевой; внимание акцентируется на захвате русских земель. Исходя из этого формируется образ Литвы: на первый план выдвигаются такие ее характеристики, как «неприятель», «опасный соперник» и «завоеватель». Эта позиция была довольно устойчива в научном дискурсе. Даже в первой части известного этнографического очерка П.П. Свиньина «Картины России и быт разноплеменных ее народов» литовцы описываются как племя, насилем отторгнувшее Малороссию «от скипетра Русских Монархов»¹¹⁹.

Подход, в пределах которого Литва представляется врагом, захватывающим пространства русских княжеств, был свойственен для отечественной историографической традиции XVIII - первой половины XIX столетия. Во второй половине XIX - начале XX в. подобного рода отображения литовской истории встречаются довольно редко. Одним из немногих исключений стала работа «Курс русской истории» В.О. Ключевского, который рассматривает Литву как неприятеля, захватывающего, наряду с татарами, исконные русские территории. По мнению автора, на русские земли, вошедшие в состав ВКЛ, легли «чуждые политические отношения и культурные влияния... чужой житейский строй готовился водвориться в старинных опустелых или полуразоренных гнездах русской жизни, а русские силы, которым предстояло восстановить и продолжать разбитое национальное дело Киевской Руси, искали убежища среди финских лесов Оки и верхней Волги»¹²⁰.

В отечественной исторической науке XVIII - первой половины XIX в. история Литвы сама по себе не была актуальным предметом исследований — к ней обращались только при анализе русско-литовских отношений. Образ этой страны формировался путем противопоставления категорий «свой» —

¹¹⁹ Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов. С. 311.

¹²⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. М: Соцэкгиз, 1937. С. 347-348.

«чужой». Однако существовала и другая, менее характерная для этого этапа позиция относительно литовского прошлого.

1.2 «Русская Литва» Н.Г. Устрялова

Лояльная политика Петербурга по отношению к Царству Польскому и к бывшим польским восточным «кресам», а также усиление польского национально-освободительного движения привели к созданию сети нелегальных организаций, которые вынашивали планы по свержению власти российского императора. В ноябре 1830 г. в Варшаве началось восстание, которое длилось немногим менее года и затронуло также литовские земли и территорию Правобережной Украины. Долгое время литовское население оставалось верным российской императорской короне, но в марте 1831 г. волнение началось и в Литве, где образовались партизанские отряды. Чтобы заручиться поддержкой крестьян, «мятежники» распространяли листовки на литовском языке, в которых обещали им личную свободу и землю. Но не дождавшись помощи от польской армии, в мае 1831 г. вооружённое выступление на территории Литвы пошло на спад¹²¹.

Польское национальное движение, которое, согласно А. Каппелеру, играло в Российской империи роль «застрельщика», не просто повлияло на кристаллизацию национального движения литовцев, белорусов и украинцев - в российском обществе оно произвело эффект «разорвавшейся бомбы». «Ноябрьское выступление» было одновременно вызовом и российскому правительству, и широким группам российской интеллигенции. В обществе с целью нейтрализации польского влияния получает распространение антипольская риторика¹²².

¹²¹ Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 92, 100; Филатова Е.Н. Латышские уезды Витебской губернии в восстании 1830-1831 гг. // Россия и Балтия. - М.: «Наука», 2008. - Вып. 5. - С. 40-47.

¹²² Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 158-161.

Эхо восстания долго отзывалось по всей стране. Русская интеллигенция и политические круги в большинстве своем осудили это выступление. После его подавления стратегия российского правительства касательно бывших земель Речи Посполитой претерпела изменения.

Имперская элита начинает предпринимать шаги, целью которых была постепенная интеграция западных окраин России. Николай I берет курс на ограничение автономии Царства Польского, конституция которого прекращала свое действие. Польских чиновников в администрации пытались заменить русскими. Виленский университет из-за причастности некоторых студентов к восстанию был закрыт, а книги из его библиотеки разосланы по другим местам. В отношении западных губерний Николай I в 1840 г. издал указ, запрещающий использование названий «литовские» и «белорусские губернии». Впрочем, местные чиновники не соблюдали данный запрет и продолжали использовать старые названия губерний в сфере служебной деятельности. Регламентированные названия губерний вскоре стали официально именоваться «Северо-Западным краем», а Киевская, Подольская и Волынская губернии — «Юго-Западным». Репрессии в этих землях в определенные моменты были даже жестче, чем в Царстве Польском¹²³.

В результате восстания произошла административная и правовая унификация губерний, а также ликвидация униатской церкви и усиление надзора за деятельностью католических священников. В начальных учебных заведениях история России, преподаваемая на русском языке, становится обязательным предметом. Северо-западные области в имперском дискурсе начинают восприниматься, наряду с идеологемой «возвращенные от Польши» как «Западный край» России, что было отправным пунктом создания концепции «западнорусизма». Российские чиновники обращают все

¹²³ Там же. С. 85, 183-184; Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия// Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Под научной ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 136-137.

более пристальное внимание на проблему «польскости» местного населения. Однако польское влияние продолжало доминировать в регионе, но утратило поддержку со стороны монархии, которая теперь, наоборот, ему всячески противодействовала. Политика Петербурга в отношении Польши после событий 1830—1831 гг. приняла следующую форму: новый курс должен был подорвать основы польской культуры в западных окраинах империи. Тем не менее при Николае I данная система мер так и не стала функционировать, особенно относительно литовцев¹²⁴.

Польское восстание 1830-1831 гг. дало старт изменению отношения к «возвращенному от Польши» краю, и, в том числе, к Литве и ее прошлому в политическом и историческом дискурсах¹²⁵. Ответом на всплеск польского национально-освободительного движения 1830-х гг. стала модификация политики Петербурга касательно западных окраин Российской империи и формирование новой парадигмы восприятия данного региона. Осмысление причин «польского бунта» и участия в нем литовцев побудило по-новому трактовать историю Литвы, представив ее прошлое как «наше».

Первым и единственным в XVIII - первой половине XIX в. в России ученым, включившим прошлое Литвы в русскую историю, по нашему мнению, стал петербургский историк Н.Г. Устрялов, за авторством которого вышла работа «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» (1839).

С таким умозаключением не согласен один из авторитетнейших современных специалистов в области истории Литвы А.Ю. Дворниченко, который замечает, что “уже в самых ранних работах по истории западнорусских земель” содержится “мысль о мирном присоединении этих земель к Литве, по принципу “равного с равным”. Здесь идет речь об «Истории Русов или малой России» архиепископа белорусского Георгия

¹²⁴ Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 184; Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 102-108, 132.

¹²⁵ Володина. Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории. С. 122.

Конисского и «Истории Малороссии» этнографа Н. А. Маркевича. Вдобавок к данной идее в указанных работах литовцы представляются освободителями от монголо-татар, что было нетипично для историографии XVIII - первой половины XIX в.¹²⁶.

Возникает логичный вопрос: как в данное время могла появиться подобного рода интерпретация, столь нехарактерная для XVIII - первой половины XIX в.? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся более подробно к произведению «История Русов или Малой России».

Современные ученые сходятся во мнении, что авторство произведения доподлинно неизвестно. Многие историки с долей критики относятся к предположению, что данное сочинение во второй половине XVIII в. написал архиепископ Могилёвский, Мстиславский и Оршанский Георгий Конисский. Большинство историков полагают, что это произведение — политический памфлет, появившийся в среде малоросской интеллигенции в конце XVIII - начале XIX вв. Исследователь Н.И. Ульянов считает, что «История Русов» была составлена около 1810 г. “в связи с тогдашними конституционными мечтаниями Александра I и Сперанского”, а ее распространение началось до 1825 г. Единственное издание было осуществлено в 1846 г. и сразу же завоевало популярность в широких кругах общественности. В книге представлена история Малой России до 1769 г. В основе сочинения — концепция, согласно которой Киевская Русь является исключительно наследием малороссов, изначально обособленных от великороссов¹²⁷.

Автор нестандартно для своего времени смотрит на период взаимодействия Литвы с юго-западными русскими территориями в XIII-XV вв. Он отмечает, что княжества Малой России были основательно разорены нашествием Батыя. Часть бежавших от погромов князей укрылись в соседнем

¹²⁶ Маркевич Н. История Малороссии. Т. I. С. 4,11; История Русов или малой России. С.6; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 7.

¹²⁷ Ульянов Н.И. Происхождение украинского национализма. М.: Индрик, 1996. С. 104-105, 109; Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів”// Історія Русів. Український переклад Івана Драча. Київ: Веселка, 2003. С. 19.

Княжестве Литовском, где они смогли уговорить литовского правителя Гедимина помочь им освободить их земли от владычества татар. Литовский князь, поддавшись на эти уговоры, выгнал татар из Малороссии и восстановил правление “Руское”¹²⁸ под начальством выбранных от народа особ”. Гедимин не только подтвердил права и обычаи “Русские”, но ввел их, вместе с письменностью “Рускою”, в своей земле. Следовательно, по мнению составителя политического памфлета, «Руский народ» не был завоеван литовцами, а мирно соединился с Литвой. В знак признательности Литве за помощь в борьбе с Татарами Малороссия впоследствии “ратоборствовала” с их врагами. Кревскую унию автор оценивает как равноправное соединение Руси (т.е. Малороссии — *прим. автора*), Литвы и Королевства Польского. В «Истории Русов» польско-литовский период описывается в идеалистических тонах как эпоха национальной свободы¹²⁹.

Таким образом, в «Истории Русов» Г. Конисский признает мирное присоединение не всех западнорусских земель. Автор политического памфлета применял свою концепцию лишь относительно малороссов, и делал это для того, чтобы продемонстрировать независимый и обособленный от «Великой России» ход течения малоросской истории. В свою очередь, присутствие схожих посылов в сочинении Н.А. Маркевича «История Малороссии» связано с тем, что этнограф написал свой труд на основании тогда ещё мало кому известной книги Георгия Конисского, практически полностью заимствуя из неё материал.

¹²⁸ Отметим, что Понятие русы (с одной «с») употреблялось поляками и националистическими кругами Малороссии в отношении малороссов (украинцев), для того чтобы продемонстрировать самостоятельность этнической группы, проживающей в Малороссии, от великороссов. «Руським воеводством» в Польше обозначали с начала XV в. Галицко-Волынское княжество. Впоследствии данный топоним стал применяться поляками и в отношении других территорий Малороссии (*Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 15-16, 61*).

¹²⁹ Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 15-16, 61; История Русов или Малой России. С. 5-7; Ульянов Н.И. Происхождения украинского национализма. С. 111.

Следовательно, именно Н.Г. Устрялов являлся родоначальником традиции исследования истории западной Руси и её связи с ВКЛ. Он впервые в отечественной науке взял на себя ответственность за попытку показать значение прошлого Литвы для русской истории¹³⁰. Несмотря на то, что после кончины ученого тень забвения легла на его работы, именно Н.Г. Устрялову принадлежит заслуга в привлечении внимания к проблемам образования литовской государственности, отношения московских правителей к Литве во время её величия “и во время падения”, восприятия Литвы писателями до конца XVII в., оценки литовской истории более поздней историографией. Его позиция, касающаяся прошлого Литвы, отображала перемены, происходившие в русской исторической мысли первой половины XIX в. Учёный упрекает предшественников в том, что они не разрабатывали историю западных русских земель, вошедших в состав ВКЛ, а занимались только историей восточной Руси¹³¹.

Реконструкция Н.Г. Устряловым литовской истории была связана с представлениями С.С. Уварова о прошлом Литвы, а также с так называемой «уваровской триадой» — «Самодержавие, Православие, Народность». Еще будучи попечителем Петербургского учебного округа, С.С. Уваров высказался о важности проведения конкурса на лучший учебник по истории.

¹³⁰ Орловские исследователи Г.П. Веркеенко и О.Ю. Казакова замечают, что впервые мысль о значении Литовского государства в российской истории высказал еще в 1835 г. польский и российский писатель О.И. Сенковский в рецензии на книгу Августа фон Коцебу «Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской». Тем не менее, по их мнению, именно Н.Г. Устрялов стал первопроходцем “научно-исторического, комплексного изучения проблемы”. В доказательство они приводят цитату анонимного автора: “между воззрениями Сенковского и Устрялова есть маленькая разница. Первый считает достаточным говорить в истории России о Великом княжестве Литовском только в той степени, в какой говорится о Галицком, между тем, как второй видит на Руси два великих княжества, Московское и Литовское, оба в равной степени русские». (Цит. по Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любопытный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). Орел: Картуш, 2005. С. 40.).

¹³¹ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место... С. 13, 40; Историки России XVIII – начало XX века. М.: Скрипторий, 1996. С. 174; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 18.

В 1813 г. С.С. Уваров написал небольшое эссе «О преподавании истории относительно к народному воспитанию», в котором отметил, что история “образует граждан умеющих чтить обязанности и права свои, судей знающих цену правосудия, воинов умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых Царей”. В этом случае преподавание, по его мнению, должно содействовать реализации курса правительства, являясь “исполнителем его высоких намерений”. Заняв в 1833 г. должность главы Министерства народного просвещения Российской империи, он претворил эту идею в жизнь. В 1836 г. министр объявил конкурс по написанию учебника российской истории и разослал циркуляры по учебным округам¹³².

Т.А. Володина, анализируя письма С.С. Уварова, пришла к выводу, что для него крайне значимым было толкование проблемы отношений Литвы и Польши с Россией. Взаимодействие Польши и России на историческом поприще, многочисленные войны между ними виделись министру своего рода «болевыми точками настоящего», поэтому он поставил перед авторами учебника задачу умело обойти эти «подводные камни»¹³³.

Литовский исследователь Д. Сталюнас предполагает, что идея написания учебника по истории, возможно, пришла к С.С. Уварову после его знакомства с запиской на имя министра народного просвещения Российской империи, составленной надзирателем народных училищ в Гродненском уезде И. Кулаковским. Среди прочих тем в этом письме И. Кулаковский обратил внимание на необходимость принятия более активных мер по усилению российской идентичности в этом регионе. Одна из предлагаемых мер —

¹³² Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб.: Типография Ф. Дрекслера, 1813. С. 24-25; Володина. Т.А. Уваровская триада... С. 116-117, 121; Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). С. 94-96; Darius Staliūnas. Imperial Nationality Policy and the Russian Version of the History of the Grand Duchy of Lithuania in the Mid-Nineteenth Century. P. 146–157.

¹³³ Володина. Т.А. Уваровская триада... С. 117, 119.

составление проекта «правильной» истории провинции, в которой показывалась исконная русская природа населения Западных губерний¹³⁴.

Одним из претендентов на победу в конкурсе мог стать авторитетный в 1830-е гг. историк и публицист М.П. Погодин, занимавший тогда пост заведующего кафедрой русской истории Московского университета. Но министр народного просвещения не оценил по достоинству «Начертание русской истории для училищ» М.П. Погодина¹³⁵, поскольку его не устроил ряд моментов, в том числе позиция автора касательно польской и литовской истории. М.П. Погодин представил прошлое Руси и Литвы как историю борьбы двух врагов. Литва в его учебных пособиях выступала «завоевателем» западных и южных российских областей. Вдобавок талантливый публицист, согласно Т.А. Володиной, «не слишком акцентировал “русскость” Западного края. Для него все эти территориальные приобретения были законны и благодетельны потому, что присоединялись славянские земли. Такое прочтение истории в глазах Уварова должно было выглядеть не слишком привлекательно; такая концепция была сомнительна внутри страны и опасна за ее пределами». Примечательно, что вначале С.С. Уваров хотел утвердить учебник М.П. Погодина, но Н.Г. Устрялов объяснил министру, почему этого не стоит делать¹³⁶.

Ровно через год Министерством народного просвещения было объявлено, что ни одна работа так и не представлена на конкурс. Вместе с тем С.С. Уваров публикует циркуляр, согласно которому в гимназиях до особого распоряжения необходимо использовать учебник Н.Г. Устрялова

¹³⁴ Staliūnas D. Imperial Nationality Policy and the Russian Version of the History of the Grand Duchy of Lithuania in the Mid-Nineteenth Century. P. 148.

¹³⁵ Погодин М.П. Начертание русской истории для училищ. М.: Университетская типография, 1835. 323. (8) с.

¹³⁶ Погодин М.П. Начертание русской истории для гимназий. С. 122, 126-127; Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории. С. 120; Staliūnas D. Imperial Nationality Policy and the Russian Version of the History of the Grand Duchy of Lithuania in the Mid-Nineteenth Century. P. 149; Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). С. 95.

«Русская история». Т.А. Володина предполагает, что министр заранее, еще до объявления конкурса, сделал выбор в пользу Н.Г. Устрялова, работы которого были построены в соответствии с канонической формулой С.С. Уварова В довершении всего трактовка Н.Г. Устряловым «сложных вопросов» русской истории, включая русско-литовское прошлое, совпадала со взглядами министра¹³⁷.

Н.Г. Устрялов в духе традиции первой половины XIX в. пишет о литовских племенах как о полудиких, грубых, свирепых язычниках, живших в дремучих лесах “в бедности, в грубом невежестве” и регулярно нападавших с целью грабежа на своих соседей. До первой половины XII в. этот “едва заметный в нашей истории” малочисленный народ прятался от походов русских князей в своих лесах, изредка платя скудную дань. В XIII в. Литва, “движимая духом завоевания”, начала захватывать русские земли. Новгород и Псков благодаря усилиям Александра Невского смогли отразить нападки язычников, после чего этот балтский народ сконцентрировал свои силы на южном направлении, и “отселе история Литвы тесно связана с историей юго-западной Руси”. Большая заслуга Н.Г. Устрялова состоит в том, что он, описывая причины успеха восточной политики Литвы в XIII в., кроме раздробленности Руси, татаро-монгольского владычества, силы и храбрости Литвы отметил также «иные средства». Под ними историк понимал “благоприятные обстоятельства”, которые сложились в XIII и XIV вв. для Литвы: смешение родства между русскими и литовскими князьями, удачную политику литовских властителей, их мудрость и дальновидность¹³⁸.

Чтобы интегрировать литовское прошлое в русскую историю, Н.Г. Устрялов обозначил особый характер государственности ВКЛ: в результате удачных действий Гедимина и его потомков русское и литовское племя

¹³⁷ Устрялов Н.Г. Русская история: Ч. 1-5. – СПб.: тип. Рос. акад., 1837-1841; Володина. Т.А. Уваровская триада... С. 121.

¹³⁸ Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1. С. 125,129-131, 160; он же. Исследование вопроса, какое место... С. 16, 34.

“сливались в один народ, в котором Русский язык, Русская вера, Русские уставы должны были господствовать”. ВКЛ для него — это русское государство, где литовцы исчезли “в огромной массе Русского народа”. Балты перенимали православную веру, русские законы¹³⁹, обычаи, нравы, язык. В конечном счете в XIV в. складываются две системы — Московская и Литовская, соперничество между которыми есть “распря семейная, а не вражда народная”. В работе Н.Г. Устрялова литовский князь Гедимин гордится “именем Русского князя”. Политика Литвы и Москвы, заключающаяся в собирании русских земель, тождественна: “Русскими против Русских” действуют литовские и московские правители. “Родовая вражда” между потомками Калиты и Гедимины напоминает ученому борьбу между домами Мономаха и Олега¹⁴⁰.

В доказательство «русскости» ВКЛ Н.Г. Устрялов приводит сведения, иллюстрирующие отношение к Литовскому государству жителей русских земель, присоединенных к Литве, их современников из Твери, Новгорода, Рязани, а также русских летописцев. Первые воспринимали ВКЛ как “отечество”, вторые смотрели на литовских князей как “на истинных Государей Руси”, третьи рассматривали борьбу между Москвой и Вильно как “брани удельные”, а не народные. Согласно концептуальному подходу профессора кафедры русской истории Петербургского университета, два центра, склеивающие осколки Руси, рано или поздно обязательно должны объединиться: “мысль о соединении обоих государств в одно целое, ни в той, ни в другой стороне никогда не исчезала”¹⁴¹.

¹³⁹ М.В. Ломоносов в своем трактате «Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года» впервые в отечественной исторической науке обратил внимание на то, что в Литве были распространены русские законы (Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб. Тип. Императорской Академии Наук, 1766. С. 44).

¹⁴⁰ Там же. С. 16, 34, 36, 41; он же. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. С. 54; он же. Русская история. Ч. 1. С. 138.

¹⁴¹ Он же. Исследование вопроса, какое место... С. 17, 19, 25, 28-29, 38.

Ученый закладывает фундамент антипольских настроений, присущих отечественной исторической науке второй половины XIX в. Кревская уния, по его мнению, являлась точкой исторического излома, после которой “священному залогу народности” в совместном литовско-русском государстве стали угрожать поляки. Кревская уния в глазах Н.Г. Устрялова — случайное обстоятельство, которое было вызвано стремлением Польши помешать консолидации западной и восточной Руси. Для всего русского в княжестве это соединение оказалось “тягостным игом”, “лютой язвой”, борьба с которыми, продолжавшаяся двести лет, закончилась Люблинской унией, то есть окончательным слиянием Польши и Литвы, и, как следствие, потерей Западной Русью своей национальности. Но польское «иго» и «язва» лишь на время могут задержать исторически предначертанное объединение «семьи» – Западной и Восточной Руси. Народ Западной Руси “свято сохраняя закон прародительский”, не раз демонстрировал свое желание вернуться в подданство православного Царя. При Екатерине II этот “странный” и “запутанный” вопрос решен: Восточная и Западная Русь “слились” в единую Российскую империю. С тех пор начинается русская история, а литовская история “умолкает”¹⁴².

ВКЛ в трудах Н.Г. Устрялова впервые в российской отечественной исторической науке изображалось не как «враг» и «противник» Московского государства, а как один из центров собирания раздробленных русских территорий. ВКЛ было таким же русским государственным образованием, как и Московское княжество, законно претендовавшим на наследство Киевской Руси. Конкуренция между двумя центрами, Вильном и Москвой, должна была обязательно закончиться их объединением, слиянием княжеств в одно целое.

История Литвы в сочинениях Н.Г. Устрялова — это русская история. Концепция, где Литва выступала составной частью России, явно

¹⁴² Там же. С. 19-20, 38-39, 41, 42; он же. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. С. VII.

соответствовала воззрениям С.С. Уварова. Н.Г. Устрялов, используя смысловой код теории «официальной народности», включал литовцев в ареал распространения русского этноса¹⁴³. Как заметил А.Л. Зорин, под русской народностью С.С. Уваров понимал не этническую группу, характеризующуюся общностью происхождения, а сообщество граждан, преданных церкви и престолу. Согласно видению Н.Г. Устрялова, население ВКЛ по большей части было православным, а также верой и правдой служило своему правителю: русские подданные литовского князя воспринимали ВКЛ как свое «отечество». По мысли Т.А. Володиной, «сформировавшаяся еще в древности русская народность стала неким культурно-политическим магнитным полем, рано или поздно притягивавшим обратно отторгнутые куски. «Русскость», однажды оформившись, становится неизгладимым и неистребимым качеством, каким бы враждебным внешним влиянием она ни подвергалась»¹⁴⁴. Получается, что ВКЛ, исходя из основных принципов доктрины «официальной народности», — русское по своей природе, и поэтому возвращение в Российскую империю территорий, некогда входивших в состав Литовско-Русского княжества, исторически предначертано.

Такой подход к прошлому западнорусских земель С.С. Уваров оценивал высоко, полагая, что одна из ключевых задач министерства состоит в уменьшении протестных настроений жителей Западного края по отношению к России. Учебник Н.Г. Устрялова, занимая исключительное положение в учебных заведениях, играл большую роль в формировании представлений о западных губерниях в кругу подрастающего поколения

¹⁴³ По словам Г.П. Веркеенко и О.Ю. Казакова, Н.Г. Устрялов искренне разделял взгляды С.С. Уварова: «представления о важности для России самодержавия и православия являлись личным, глубоким убеждением Николая Герасимовича» (Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). С. 93.

¹⁴⁴ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место... С. 19, 38; Зорин А. Л. Уваровская триада и самосознание русского интеллигента // Россия/Russia. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. - М.: О.Г.И., 1999. С. 36-37; Володина. Т.А. Уваровская триада... С. 124, 127.

интеллигенции. Выпускник школ, училищ, духовных семинарий воспринимал Литву и “польский вопрос” в свете сюжетов, созданных Н.Г. Устряловым с опорой на классические постулаты «теории официальной народности» С.С. Уварова (учебник русской истории Н.Г. Устрялова для училищ выдержал 10 изданий, для начальной школы – 11 изданий). В частности, в учебнике Н.Г. Устрялова была представлена родословная таблица князей, в которой вместе с домами Рюрика и Романовых оказался и дом Гедимины¹⁴⁵.

Примечательно, что министр просвещения С.С. Уваров и его сподвижник историк Н.Г. Устрялов принимали личное участие в контроле над трактовками западнорусской истории. Например, получив извет от епископа Харьковского и Ахтырского Иннокентия, они не пропустили магистерскую диссертацию Н.И. Костомарова «О причинах и характере Унии в Западной России», предписав ее уничтожить из-за предмета исследования и недостатка критического взгляда на произошедшие события. Н.Г. Устрялов написал, что “диссертация принадлежит к разряду тех произведений современной литературы, в которых молодые, малоопытные писатели дозволяют себе странные парадоксы и впадают в непостижимые противоречия”¹⁴⁶.

Итогом Польского восстания стала рефлексия российского общества по поводу того, что собой представляет Россия и совпадают ли ее «ментальные рубежи» с границами Российской империи. В 1831 г. А.С. Пушкин в своем стихотворении «Бородинская годовщина», посвященном взятию предместья Варшавы, напишет:

¹⁴⁵ Устрялов Н.Г. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. С. 219; Володина. Т.А. Уваровская триада... С. 126; Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). С. 102.

¹⁴⁶ Костомаров Н.И. Автобиография. URL: <http://bookre.org/reader?file=535525&pg=31> (дата обращения: 30.05.2013); Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904 архивно-библиографические разыскания. М.: Всесоюзная книжная палата, 1962. С. 36; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). С. 26.

Куда отвиним строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?¹⁴⁷

В 1830-е гг. архитекторы имперского дискурса пытаются найти место прошлому Литвы в рамках русской истории и расположить территорию Литвы в идеологическом пространстве Российского государства, то есть включить Литву в состав ментальной карты Российской империи, одновременно изъяв ее из аналогичной карты Польши. В данном случае историческая наука оказывается одним из ключевых инструментов, позволяющих с помощью исторических фактов доказать наследственное право собственности Руси/Московского государства/Российской империи на литовские земли. В этом ключе прошлое, пишет А. Зорин, “было призвано заменить для империи опасное и неопределенное будущее, а русская история с укорененными в ней институтами православия и самодержавия оказывалась единственным вместилищем народности и последней альтернативой европеизации”. Процесс конструирования национально-государственной доктрины, набравший ход после ноябрьского восстания 1830 г., происходил параллельно с кристаллизацией официальной идеологемы об «исконно русской» родословной населения бывших восточных окраин Речи Посполитой. Русский этнос представлялся ядром, вокруг которого объединялась нерусская периферия. Проблема заключалась в том, что политика Николая I в отношении Западного края была направлена не на русификацию региона, а на поддержание сложившегося после Польского

¹⁴⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3, кн. 2. Стихотворения, 1826-1836. Сказки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 273.

восстания порядка¹⁴⁸. Скорее всего, по этой причине темы, связанные с территориями бывших польских восточных «кресов», не вызвали широкого резонанса в среде российской общественности. Всплеск антипольских настроений в 1830-е гг., последовавший за Ноябрьским восстанием, постепенно шел на спад.

Русская интеллигенция долгое время все равно продолжала смотреть на Западный край как на «польскую провинцию». К тому же, как обнаружили М. Долбилов и А. Миллер, механизм принятия решений российскими чиновниками на местах не был связан с тезисом о «бесспорной принадлежности массы населения Западного края к «русской народности»». Даже спустя десятилетия после Польского восстания 1830-1831 гг. правительство так и не разработало четких критериев «русскости», применяемых к коренному населению¹⁴⁹.

Поэтому не удивительно, что концепция литовской истории Н.Г. Устрялова не нашла поддержки в научной среде и оставалась в первой половине XIX в. единственным исключением из правил. К прошлому Литвы многие исследователи относились с большим недоверием, как к чему-то чужому. К.Н. Бестужев-Рюмин вспоминал, что Н.Г. Устрялову даже «ставили в вину то, что он внес литовское княжество в Русскую Историю»¹⁵⁰.

Известный издатель и общественный деятель второй половины XIX в. Л.Ф. Пантелеев в своих мемуарах упомянул о «замечательном и совершенно исключительном диспуте», который случился в середине 1830-х гг. во время

¹⁴⁸ Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия С. 136; Зорин А. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII-первой трети XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 372; Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 185; он же. Образование наций и национального движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М: Новое издательство, 2005. С. 423; Долбилов М., Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 111.

¹⁴⁹ Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» ... С. 136; Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. №2. С. 135; Долбилов М., Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 111.

¹⁵⁰ Бестужев-Рюмин К. Н. Рец. на кн. Барбашев А. С. 453.

представления Н.Г. Устряловым своего «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?». Ссылаясь на рассказ купца Н.И. Погребова, он писал, что после выступления Н.Г. Устрялова слово взял один из авторитетнейших специалистов в области истории Литвы И.Ж. Онацевич, который, приводя различные данные из источников, полностью раскритиковал работу Н.Г. Устрялова и его подход к истории Литвы. «Провал Устрялова был провалом патриотически-официальной теории», – так оценивал ситуацию Л.Ф. Пантелеев¹⁵¹.

¹⁵¹ Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. С. 132-133.

Глава 2. Польское восстание 1863-1864 гг. и вопросы средневековой истории Литвы в российской медиевистике 1860-х гг. – начала XX в.

2.1. Литовская история и концепции этнической интеграции в политическом и общественном дискурсах после восстания 1863-1864 гг. в Царстве Польском

После 1856 г. Александр II пошел на ряд уступок в отношении Царства Польского и Западного края. Восшествие на престол императора ознаменовало собой период “великих монарших милостей”. Многие участники восстания 1830-1831 гг. были амнистированы, а в западных губерниях отменили военное положение. По словам А.А. Комзоловой, Александр II в конце 1850-х гг. выбрал путь примирения с поляками. Современники отмечали, что для российского императора поляки были точно такими же подданными, как и другие народы России. И если мятежник понес наказание, то он может быть прощен¹⁵².

Либеральная политика российского правительства в Северо-Западном крае имела не тот эффект, на который рассчитывал Петербург. Уступки чиновников не привели к лояльности польских шляхтичей. По воспоминаниям виленскому генерал-губернатора В.И. Назимова, в начале 1860-х гг. первые демонстрации распространялись с берегов Вислы к берегам Западной Двины и Днепра со скоростью «электрической искры»¹⁵³.

Польская «крамола» и «своеволие» — именно в таких тонах описывали ситуацию российские чиновники — привели к тому, что в январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло восстание, а в скором времени оно перекинулось и на Западный край. Вместо показавшего свою неспособность выправить ситуацию В.И. Назимова на посты виленского генерал-

¹⁵² Муравьев М.Н. Записки о мятеже в Западной России. Глава II // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. С. 638; Назимов В.Н. Очерк из новейшей летописи северо-западной России. Т. XLV. С. 571; Каппелер. А. Россия многонациональная империя. С. 186; Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. С. 21.

¹⁵³ Назимов В.Н. Очерк из новейшей летописи северо-западной России // Русская Старина. 1885. Т. XLV. С. 323-338. С. 324.

губернатора, виленского военного губернатора и командующего войсками Виленского военного округа назначается М.Н. Муравьев, который полностью отказался от политики примирения с поляками¹⁵⁴.

Еще в начале 1830-х гг. М.Н. Муравьев советовал Николаю I предпринять меры, направленные на ограничение автономии западных губерний¹⁵⁵. Получив от высшего руководства после «Январского восстания» 1863 г. карт-бланш в свои руки, М.Н. Муравьев, считавший, что «урок 1831 г. нам мало послужил в пользу», обрушил на восставших шквал репрессий. За свою деятельность в крае М.Н. Муравьев получил прозвище «вешатель», однако предпринятые шаги позволили генерал-губернатору уже через год подавить «мятеж». Виленский генерал-губернатор понимал, что для укрепления имперских позиций в Северо-Западном крае одной силы оружия не достаточно. В дополнение необходимо реформировать административное устройство, а также содействовать утверждению в регионе русской народности и православной культуры¹⁵⁶.

В Западном крае процент польской шляхты, принявшей участие в восстании, был значительно выше, чем в Царстве Польском. Часть литовского населения поддержала антиправительственное движение первой половины 1860-х гг. В перехваченных властями письмах, написанных литовцами, встречаются отрывки, где говорится, что русские учат нас только злumu и не знают ничего хорошего, поэтому надо держаться поляков и искать у них помощи. Местная администрация полагала, что всему этому причиной

¹⁵⁴ Комзолова А.А. Политика самодержавия... С. 140.

¹⁵⁵ Назарова Е.Л. Формирование исторической памяти в Северо-Западном крае в представлениях генерал-губернатора М. Н. Муравьева // Россия и Балтия. - М.: «Наука», 2015. - Вып. 7 - С. 314—330.

¹⁵⁶ Муравьев М.Н. Записки... С. 626; Комзолова А.А. Политика самодержавия... С. 140, 338; Русские в истории и культуре Литвы. Историко-биографический очерк. Вильнюс: Vaga, 2008. С. 179.

являются «польские интриги», поэтому надобно бороться за «мужика», т.е. за литовского крестьянина, который по природе своей союзник России¹⁵⁷.

После восстания 1863 г. в обществе все чаще говорилось о том, что Россия исторически связана с Литвой, а «естественные связи» всегда оживают. Большую роль в формировании восприятия литовского народа во второй половине XIX в. в среде русской интеллигенции играл популярный и авторитетный публицист той поры А.Ф. Гильфердинг. В своих произведениях он характеризовал литовцев как народ, неспособный создать свое собственное государство, а территорию Литвы как арену борьбы между поляками и русскими¹⁵⁸.

Как известно, часть литовцев не только поддержала, но и участвовала в Польском восстании 1863 г. Будучи одним из авторов новой политики Санкт-Петербурга относительно Польши, А.Ф. Гильфердинг в статье «Литва и Жмудь», вышедшей спустя десять месяцев после начала мятежа, обратил внимание на данный факт. Он связывал причастность литовцев к «польскому бунту» с тем, что балты в течение нескольких столетий находились под воздействием польской культуры. Литератор всячески подчеркивал, что российское общество долгое время относилось к литовской народности как к части Польши, тем самым лишая себя возможности освободить эту территорию от польских притязаний. Он сожалеет, что даже после присоединения Литвы к Российской империи там остался польский порядок¹⁵⁹.

Действительно, польскость «восточных кресов» до 1860-х гг. часто воспринималась как данность. Например, член Русского географического

¹⁵⁷ Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Т. 1. С. 34-35; Комзолова А.А. Политика самодержавия... С. 33; Долбиллов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 211.

¹⁵⁸ Гильфердинг А. Россия и ее инородческие окраины на западе. // Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Печатня В.Головина, 1868. С. 399, 401-402; он же. Литва и Жмудь. С. 364.

¹⁵⁹ Там же. С. 374, 376

общества Р.Ф. Эркерт составил атлас западных губерний, который в первой редакции в 1863 г. был опубликован на французском языке под названием «Этнографический атлас областей, населенных сплошь или отчасти Поляками». На это издание быстро отреагировал М.О. Коялович, по словам которого, само наименование атласа свидетельствует об утвердившейся мысли насчет господства “польского элемента” в Западной России. Интересно, что через год вышла еще его одна работа Р.Ф. Эркerta — «Взгляд на историю и этнографии западных губерний России»¹⁶⁰.

Взгляды А. Гильфердинга на проблему польскости разделяли многие имперские сановники и ученые¹⁶¹. Свою деятельность в Западном крае местная администрация рассматривала как «русское дело» в «ополяченном крае». Восстание, высказывает мысль попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов, произошло потому, что мы забыли, что это край русский. Мятеж открыл “глаза русскому обществу на настоящее положение западных губерний”, а подавление восстания — одно из самых могучих проявлений русского самосознания в XIX в.. Идеолог западнорусизма М.О. Коялович полагает, что полякам надо поставить памятник за то, что они раскрыли для россиян Западную Россию¹⁶².

Для того чтобы изменить ситуацию, отечественным исследователям, писал А.Ф. Гильфердинг, необходимо прежде всего изучить литовский край: “...если кого должно озабочивать положение Литовского племени, если кому нужно с ним познакомиться и привязать его к себе, так это России”.

¹⁶⁰ Atlas Ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais. Saint-Petersburg: J.-C. Hinüchs, 1863; Коялович М.О. О расселении племен западного края России. С. 3-5; 274. Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографии западных губерний России. СПб: В типографии Дома Призрения Малолетних Бедных, 1864.

¹⁶¹ Подробнее о роли А.Ф. Гильфердинга в формирование имперской политики по отношению к литовскому этносу: Назарова Е.Л. А.Ф.Гильфердинг и литовская кириллица: о роли ученого в русификации балтийских языков // Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sąkirtos / Балты и славяне: пересечения духовных культур, sudarė ir redagavo Tatjana Cijvan, Marija Zavjalova ir Artūras Judžentis. - Vilnius: Versmė, 2014. - С.142-161.

¹⁶² Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. С.III-V; Филлюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала. С. 592.

Публицист считает, что если мы узнаем, полюбим, оживим литовцев, то тем самым решим проблему полонизма. С ним соглашается инспектор Виленского учебного округа В.П. Кулин, хорошо разбирающийся в местных реалиях. Он отмечает, что русские правительственные заведения воспитывают литовцев “в духе польской национальности”, а литовский народ заслуживает, чтобы “мы, русские, отнеслись к нему с самым сочувственным вниманием”. Посредством изучения литовцев, можно освободить их от польского господства: “того требует даже наша собственная польза; иначе этот народ, в сущности ни мало нам не враждебный, оставаясь под польским влиянием, легко может из нашего друга, каким он должен быть, сделаться нашим врагом”¹⁶³.

В то же время А.Ф. Гильфердинг понимал, что “изучить литовский край” — это не простая задача, так как на русском языке нет даже элементарных пособий, позволяющих познакомиться с литовцами. И.П. Корнилов, работавший на протяжении долгого времени в Северо-Западном крае, жалуется, что местной администрации не хватает чиновников, которые владеют ситуацией и знают литовский язык. Правительство готовит специалистов, разговаривающих на монгольском, калмыцком и других языках, но забыло, что на западе существует двухмиллионное литовско-жмудское население, которое находится в плену наших врагов. Все его рассуждения сводятся к тому, что ученые и наука мало помогают правительству в принятии решений¹⁶⁴.

Незнание прошлого ВКЛ осознавалась как проблема. Один из лидеров славянофильского движения И.С. Аксаков в своей переписке жалуется М.О.

¹⁶³ Гильфердинг А. Литва и Жмудь. С. 364; он же. Россия и ее инородческие окраины на западе. С. 400; Записка окружного инспектора Виленского Учебного Округа В.П. Кулина о народном образовании на Литве и Жмуди, по поводу статьи Гильфердинга: «Несколько замечаний о литовском и жмудском племени» // Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. С.118-119.

¹⁶⁴ Гильфердинг А. Литва и Жмудь. С. 377; Четыре статьи И.П. Корнилова о введении русского алфавита в литовский язык (1900-1901 гг.) // Корнилов И. П. Русское дело в Северо-западном крае. С.457.

Кояловичу на русскую образованную публику, отличающуюся совершенным невежеством во всем, что выходит за пределы учебников Вебера, Бальби и Риттера. И.П. Корнилов в письме к историку М.П. Погодину подчеркивает, что предмет первостепенной важности — это разработка западнорусской истории, а перед этим необходимо провести археографические изыскания. Наука должна стать на защиту государственных интересов и обличить поляков во лжи¹⁶⁵.

Один из главных тезисов поборников нового курса гласил о том, что западнорусский край — это исконно, издревле русские земли, в которых, согласно А. Ф. Гильфердингу, литовский народ, коренной житель этих мест, является нашим “природным союзником”, так как “по самой истории и природе вещей” все литовцы и жмудины “нравственно принадлежат России”. Уже с XI в. “судьба” Литовского племени связана с “судьбами” Русской земли. Именно через “Русский мир” в Литву проникли основы христианской культуры. Впоследствии, в XIII-XIV вв., при присоединении русских территорий к Литовскому княжеству, литовский народ “льнул, так сказать, к Русскому миру”. Публицист делает упор на том, что прошлое Литвы — это составная часть русской истории, и без литовского прошлого не может быть рассказана русская история¹⁶⁶.

В XIX в. в Российской империи отечественными интеллектуалами была создана концепция «большой русской нации», согласно которой великороссы, малороссы и белорусы представляли собой одну нацию. Киевская Русь трактовалась как колыбель русской нации, а русскому народу

¹⁶⁵ Письмо Попечителя Виленского Учебного Округа И.П. Корнилова к М.П. Погодину, от 28 января 1866 г., о необходимости усилить научную деятельность Округа // Корнилов И. П. Русское дело в Северо-западном крае. С.351-352; Пальмов И.С. Памяти Михаила Осиповича Кояловича // Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб: Синодальная типография, 1893. С. XXV; Филюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала. С. 598.

¹⁶⁶ Гильфердинг А. Россия и ее инородческие окраины на западе. С. 400; он же. Литва и Жмудь. С. 363, 369-370; Сталюнас Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Российская империя в зарубежной историографии. М: Новое издательство, 2005. С. 570.

отводилась центральная, системообразующая роль в процессе строительства государства. Как отметил Л.Е. Горизонтов, данная концепция не была искусственной конструкцией, ее поддерживала большая часть русской интеллигенции и отечественных ученых, а также она отражала этническое самосознание восточнославянского населения¹⁶⁷.

Польский историк Х. Глембоцкий считает, что "перспектива включения литовцев в пределы «большой русской нации», а Литвы – в пространство русского «идеального отечества» проявляется уже в некоторых замечаниях Гильфердинга, доказывавшего этническое родство литовцев с восточнославянским населением". Схожих воззрений придерживался И.С. Аксаков, который писал, что под знаменем Москвы в братском союзе могут объединиться не только Великая, Малая, Белая и Червонная Руси, но и Литва. А. Миллер, проанализировав взгляды дореволюционных русских националистов, обратил внимание, что согласно их взглядам, западные территории Российской империи делились на три категории: во-первых, "исконно русские"; во-вторых, литовские, которые не входили в образ «идеального Отечества», но являлись "желанной частью империи"; и в третьих, этнически польские земли, которые вообще следовало бы исключить из состава империи, как чуждые ей¹⁶⁸.

М. Долбилов, анализируя имперский дискурс, обратил внимание на то, что самодержавию была свойственна внутренняя неуверенность в своем законном праве на Западный край. Литовские земли были слабо интегрированы не только в структуру имперского управления, но и мышления. Часто обоснованием присоединения той или иной территории в

¹⁶⁷ Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. С. 149-150; Миллер А. Империя и нация в воображение русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М: Новое издательство, 2004. С. 272.

¹⁶⁸ Пальмов И.С. Памяти Михаила Осиповича Кояловича. С. XXV; Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина. С. 274; Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах российской империи // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 156.

состав России было то, что императорская корона возвращала земли, которые раньше принадлежали ее предкам. Но в свете истории ВКЛ династическая логика не работала. Здесь возникала сложность, так как во главе ВКЛ стояла литовская династия Гедиминовичей. Многие восточнославянские земли ВКЛ никогда не принадлежали Москве, поэтому в доказательной базе использовался тот довод, что большинство населения Литвы было русским и исповедовало православие. Иными словами, в данном случае шла ссылка не на территориальную принадлежность, а на культурную, лингвистическую и конфессиональную самобытность населения ВКЛ. М.В. Долбилов и А.И. Миллер узрели в подобной концепции пример примордиализма, где русскость “преподносилась как неизменная, имманентная, уходящая корнями вглубь веков сущность”¹⁶⁹.

Виновником того, что Литва не соединилась с Русским государством еще в Средние века, объявлялась Польша, которая, по мнению А.Ф. Гильфердинга, прервала “древнейшую связь” литовского и русского народов, расположив между ними католическую религию и шляхетство, в результате чего произошло временное “отчуждение”. Но литовцы, добавляет он, никогда не любили польскую нацию: “пан не брат, говорит Литовская пословица”, а “старая Польша” была для литовского племени чуждой страной. Поляки, по мнению М.П. Погодина, по отношению к Литве, Малороссии и Белороссии всегда являлись “пришельцами”. Воззрения интеллигенции разделяла политическая элита. Например, министр внутренних дел при Александре II П.А. Валуев в своих выступлениях обращал внимание на то, что литовские и жмудские племена ближе к русским, чем к полякам¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Долбилов М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. // *Ab Imperio*. № 1-2. 2001. С. 230, 266; Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 210.

¹⁷⁰ Гильфердинг А. Литва и Жмудь. С. 370, 377; Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831-1867. С. 80; Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Т. III. С. 179.

Поддержка литовцами двух польских восстаний также объяснялась пагубным польским влиянием. М.О. Коялович указывает, что литовцы — “самые жаркие” заступники “западно-русской независимости от Польши”. Их участие в событиях 1831 и 1863 гг. связано с воздействием на них латинства, которое необходимо пресечь. Борющийся с латинством митрополит Литовский и Виленский Иосиф писал, что в западные губернии Польша запустила “глубоко когти и препятствуют слитию сих губерний с единокровной Россией – препятствуют общему образовательному духу государства”. Славянофил И.С. Аксаков видел в полонизме, распространённом в Литве и Западном крае, злейшего врага, который пытается поглотить русскую народность¹⁷¹.

В материалах местной администрации в отношении поляков применялась негативно окрашенная лексика, подчеркивавшая их конфессиональную принадлежность. Так, для И.П. Корнилова Западный край в течение двух веков находился под “беспощадным гнетом польско-латинской тирании”, а после разделов Речи Посполитой “оказался задавленным польским национальным и отчасти религиозным игом”. Местный народ, приняв на себя “удары полонизма”, пострадал за весь православный восток. Поляки и паписты извратили направление исторической жизни Литвы и Руси. В докладах губернаторов Западного края просматривалось изображение антирусского польского помещика или священника, который во что бы то ни стало пытался перетянуть крестьян на сторону поляков. В итоге, как заметил современный исследователь А.И. Филюшкин, был сформирован устойчивый образ поляка – бунтовщика, инсургента и врага России¹⁷².

¹⁷¹ Сборник документов музея графа М.Н. Муравьёва. Т. 1. С. 3; Аксаков И.С. В чем сила народности? URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_v_chem_sila.html (дата обращения: 29.07.2013).

¹⁷² Гильфердинг А. Литва и Жмудь. С. 370, 377; Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831-1867. С. 80; Четыре статьи И.П. Корнилова о введении русского алфавита в литовский язык (1900-1901 гг.) // Корнилов И.

Публицист Ю.Ф. Самарин, размышляя о польском вопросе, прямо указывал, что поляки не снимают с повестки дня притязаний на бывшие свои владения. Действительно в польских интерпретациях земли «от Днепра и Двины» воспринимались как «забранный край». В XIX в. польская интеллигенция оперировала данными, демонстрировавшими наличие давних традиций союза «Короны» (т.е., собственно Польша), Литвы и Руси, где последняя противопоставлялась Московскому царству и охватывала все восточнославянское население бывшей Речи Посполитой¹⁷³. По этой причине российские идеологи, общественные деятели и историки имели цель деконструировать польские исторические сюжеты, в которых речь шла о целостности Речи Посполитой в границах до 1772 г.

В 1860-е гг. запускается механизм, направленный на присвоение литовского прошлого, интеграцию его в состав российской истории. В 1862 г. в Великом Новгороде в честь тысячелетия призвания варягов на Русь был сооружен памятник «Тысячелетие России», спроектированный архитектором М.О. Микешиним. Из 26 фигур «Государственных людей» в нем были представлены литовские князья Гедимин, Ольгерд, Витовт. Среди 36 изображений военных людей и героев фигурировал Кейстут. По поводу этого памятника А.Ф. Гильфердинг писал: «...нами руководило верное историческое сознание; мы хотели засвидетельствовать на нашем памятнике, что прошлая жизнь Литовского народа, пока он действовал самостоятельно, была частью жизни Русской земли, что слава Литвы есть слава России, что

П. Русское дело в Северо-западном крае. С.453; Виск Т.Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863-1914 // Российская империя в зарубежной историографии. М: Новое издательство, 2005. С. 602; Филюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала. С. 563.

¹⁷³Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса. URL: http://dugward.ru/library/alexandr2/samarin_polskiy_vop.html (дата обращения: 28.06.2013); Миллер А.И. Восток Европы или к востоку от Европы? // Pro et Contra. 1998. №3. С. 5; Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. С. 141.

Россия приняла наследство, пожала плоды исторической деятельности Литовского народа»¹⁷⁴.

Русские ученые по поручению властей проводят этнографические исследования народностей, населявших Западный край. В большом количестве стали появляться «заказные» произведения по истории Литвы. Так, за год до польского восстания в историко-литературном журнале «Вестник Юго-Западной и Западной России» публикуется серия статей под названием «Литва в отношении к России и Польше»¹⁷⁵. В преамбуле к первой статье приводится цитата из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: “Здесь Русских дух, Здесь Русью пахнет”. Автор излагает материал таким образом, чтобы показать значимость православия, русского языка и культуры для ВКЛ. Его вывод: Русь для Литвы — сестра, которая вверяла литовским властителям счастье своих княжон¹⁷⁶.

В 1864 г. М.Н. Муравьев задумал выпустить первый в регионе русский православный месяцеслов за 1865 г. Кроме календарных сведений предполагалось наполнить его содержание различной информацией из истории края. В связи с этим попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов обращается к профессору Московского университета И.Д. Беляеву с просьбой составить в православный месяцеслов справку, посвященную прошлому Западного края. И.Д. Беляев ответственно подошел к заданию и сочинил в 1864 г. не просто небольшую заметку, а полноценный труд под названием «Очерк истории Северо-западного края России». В предисловии к изданию говорится о недостаточной разработанности истории Северо-Западного края России в учебниках русской истории, а также о необходимости развивать у учащихся верные понятия “об исконном

¹⁷⁴ Гильфердинг А. Литва и Жмудь. С. 385

¹⁷⁵ Литва в отношении к России и Польше // Вестник Юго-западной и Западной России. Историко-литературный журнал/ К.Гаворский. 1862. Июль. С. 1–16; август. С. 17–32; сентябрь С. 114–135; октябрь. С. 177–189; ноябрь. С. 203–219; декабрь. С. 241–260.

¹⁷⁶ Там же. Июль. С.1-2; Август. С. 26; Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. С. 23.

господстве Православия и Русской народности в здешней стране”. В письме к попечителю виленского учебного округа И.Д. Беляев желает успеха в деле воскрешения Руси “в ополяченной русской земле”. Книга настолько понравилась И.П. Корнилову, что ее быстро отпечатали в количестве 1200 экземпляров и бесплатно распространили по народным училищам Северо-Западного края¹⁷⁷.

Параллельно проблему отсутствия достойного учебника по истории края М. Н. Муравьев пытался решить самостоятельно. По его словам, для Северо-Западного края необходим был учебник, в котором “ясно обрисована вся Западная Русь, которая искони принадлежала к общей русской семье”¹⁷⁸. Его стараниями при помощи руководства Московского университета в конце 1864 г. был объявлен конкурс на написание учебника по русской истории, “примененного к нуждам Северо-Западного края”. На составление учебника предоставлялось два года, а победитель получал премию в размере 1000 рублей серебром. Невзирая на достойное вознаграждение, конкурс так и не состоялся по причине того, что в Московский университет, который выступал в роли рецензента, поступила лишь одна рукопись, не соответствовавшая установленным идеологическим и формальным критериям¹⁷⁹. Тем не менее, этот факт ясно свидетельствует о том, что политическая элита берет в свои руки формирование новой исторической памяти в отношении Северо-Западного края.

¹⁷⁷ Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. - Вильна: тип. А. Сыркина, 1867. С. I-II; Письмо профессора Московского университета И.Д. Беляева к Попечителю Виленского Учебного Округа И.П. Корнилову, по поводу составленного им «Очерка истории Северо-Западного края» (1867г.) // Корнилов И. П. Русское дело в Северо-западном крае. С.286-287; Ответное письмо И.П. Корнилова к И.Д. Беляеву (июнь, 1867г.) // Корнилов И. П. Русское дело в Северо-западном крае. С. 287.

¹⁷⁸ Цит. по: Назарова Е. Л. Формирование исторической памяти в Северо-Западном крае в представлениях генерал-губернатора М. Н. Муравьева. С. 314—330.

¹⁷⁹ Более подробно обо всех перипетиях, связанных с попыткой М. Н. Муравьева издать новый учебник по истории Северо-Западного края: Назарова Е. Л. Формирование исторической памяти в Северо-Западном крае в представлениях генерал-губернатора М. Н. Муравьева. С. 314—330.

Во второй половине XIX столетия впервые общественно-политический и научный дискурсы, в которых ведется речь об исконной принадлежности западнорусских земель, начинают работать в одной связке. В 1860-е гг. среди интеллигенции становится популярной концепция западнорусизма: Западный край — это коренные русские земли, которые являлись органичной частью княжеств Северо-Западной и Юго-Западной Руси, впоследствии они вошли в состав Литовско-Русского государства, после чего в течение трех веков подвергались ополячиванию. В настоящий момент данная территория — это Западная Россия, в которой «польские сепаратисты» продолжают плести свои интриги.

Восстановители чести и достоинства русского имени в западных губерниях часто поднимали вопрос об «обрусении» Западного края. Как заметил Д. Сталюнас, это приводит к парадоксу: “как можно «обрусить» край, который был «издревле русским»”¹⁸⁰.

Имперские сановники вырабатывали рецепты по идеологическому возвращению региона в лоно русской общности: надо только подавить мятеж, поддержать возрождение православия, русской культуры и народности, а также защитить “западных русских”, т.е. малороссов, белорусов и даже литовцев, от польских панов¹⁸¹. В данном случае поляки представлялись агрессорами, которые пытаются похитить чужое, а русские — защитниками, обороняющими свои рубежи.

Историческая наука в этом механизме идеологических практик позволяла, с одной стороны, закрепить Литву в сознании широкой общественности как «свою» территорию, с другой стороны — развенчать «польские мифы» и показать необоснованность польских притязаний на литовские земли. Реконструкция истории Западной России, куда входило

¹⁸⁰ Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на Западных окраинах в период Великих Реформ // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 291.

¹⁸¹ Каппелер А. Россия многонациональная империя. С. 188-189.

прошлое ВКЛ, было одним из основных инструментов создания новой панорамы восприятия этого региона. Второе Польское восстание и последовавшая за ним рефлексия по поводу понимания того, в каком отношении к России находится литовский народ, привела к разработке предмета «история Литвы» в отечественной историографии. «Неспокойные» 1860-е гг. предопределили конфигурации и тон изложения литовской старины. В это время в исследованиях преимущественное освещение получают те события, которые свидетельствуют о законности российского владения западнорусскими областями.

2.2. Литовское прошлое в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.: институциональное оформление научных центров.

В 1860-е гг. происходит становление научного изучения истории Западной России, на фоне которой анализируется литовское прошлое. Начинают публиковать исторические источники, в которых затрагиваются вопросы истории ВКЛ. Петербургская археографическая комиссия издает целый блок документов по истории Западной России¹⁸². В 1864 г. основывается Виленская археографическая комиссия (первоначально она называлась Виленской комиссией для разбора и издания древних актов), задача которой, по мнению ведущего специалиста в области литовско-белорусского летописания Н.Н. Улащика, заключалась в подборке свидетельств, повествующих об «исконной русскости края». Комиссия регулярно выпускала в свет актовый материал, имеющий большое значение для исследования истории Литвы. В это же время создается аналогичная комиссия при Виленском учебном округе, которая печатает археографические сборники. Параллельно в Киеве местная археографическая комиссия участвует в работе над сборником «Архив Юго-Западной России»,

¹⁸² Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. С. 419.

в котором среди прочего содержатся ценные сведения о Литовско-Русском государстве. В первой половине 1860-х гг. появляются проправительственные журналы «Вестник Западной и Юго-Западной России» и «Вестник Западной России». В 1872 г. образуется Киевское общество летописца Нестора, на заседаниях которого заслушиваются сообщения, посвященные литовско-русским взаимоотношениям¹⁸³.

В 1860-е гг. начинает происходить институциональное оформление научных центров, специализирующихся на исследование литовской истории. Одним из ведущих центров, разрабатывающих историю Литвы в 1860-1870-е гг., становится Киевский университет им. Св. Владимира. Профессор, декан юридического факультета Киевского университета Н.Д. Иванишев, являясь основателем Киевской археографической комиссии и киевской школы историков, подготовил целую плеяду талантливых ученых, занимающихся изучением различных аспектов прошлого ВКЛ. Среди его учеников стоит выделить историков-юристов М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича и историка В.Б. Антоновича, которые составили первое поколение киевской школы. Научные изыскания её представителей базировались на сравнительно-историческом методе, а в тематическом отношении акцент был сделан на анализе истории государства и права ВКЛ. Очень подробно освещалось прошлое Юго-Западных русских земель, оказавшихся в составе Литовско-Русского государства¹⁸⁴.

М.Ф. Владимирский-Буданов в 1868 г. выпустил работу «Немецкое право в Польше и Литве», на основании которой через год защитил

¹⁸³ Дашкевич Н.П. Историческая записка о возникновении и деятельности Исторического Общества Нестора-летописца по январь 1898 // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1899. С. 8, 18; Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. С. 419, 421-422; Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.: Наука, 1973. С. 11, 63; Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 36.

¹⁸⁴ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). С. 3-4; он же, Ф.В.Тарановский. К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции. С. 115.

магистерскую диссертацию. Автор касается проблематики магдебургского права и его воздействия на городское самоуправление. Уже возглавляя кафедру истории русского права юридического факультета Киевского университета и являясь редактором Временной комиссии для разбора древних актов, М.Ф. Владимирский-Буданов написал «Очерки из истории литовско-русского права», где помимо юридических моментов затронул проблему вхождения Северо-Западных и Юго-Западных русских земель в состав Литвы. Его перу принадлежит произведение «Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв.»¹⁸⁵, где он уделяет внимание вопросам, связанным с влиянием Литвы на население, этнографический и социальный состав Юго-Западной России.

Крупной фигурой в школе западно-русского права был Ф.И. Леонтович, который опубликовал множество работ, посвященных различным юридическим тонкостям литовско-русской истории. В одном из основных своих сочинений «Очерки истории Литовско-Русского права: Образование территории Литовского государства» он проанализировал процесс формирования территории Литовско-Русского государства. В довершение преподавая в Новороссийском университете, Ф.И. Леонтович включил историю права ВКЛ в общий курс истории русского права¹⁸⁶.

История Литвы привлекла внимание В.Б. Антоновича, который внес важный вклад в становление отечественной литауистики. В 1878 г. он с успехом защитил диссертацию, называвшуюся «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда». В этом же году появилась книга «Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия», а в 1885 г. ученый издает монографию, в которой

¹⁸⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. – СПб., 1868; Владимирский-Буданов М.В. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. // Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. I. Киев, 1886. С. 1-85.

¹⁸⁶ Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права: Образование территории Литовского государства. СПб.: Типография В. С. Балашев и Ко, 1894. С. 6; Историки России. Биографии. С. 274.

объединяет все свои научные штудии по истории Западной и Юго-Западной России». Основной предмет исследования для В.Б. Антоновича – это взаимодействие и взаимовлияние русского и литовского народов, входивших в состав ВКЛ. Такой нестандартный для этого времени подход, как заметил один из виднейших историографов киевской школы историков М.И. Михальченко, В.Б. Антонович перенял от Н.И. Костомарова¹⁸⁷.

Исторический кругозор Н.П. Дашкевича сложился под влиянием первого поколения киевских историков. Свою научную деятельность он начал сочинением «Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям», которое было удостоено золотой медалью в 1873 г. В первой половине 1880-х гг. в произведение «Заметки по истории Литовско-Русского государства»¹⁸⁸ он подверг серьезной критике некоторые положения В.Б. Антоновича по литовско-русской истории. В конечном счете, В.Б. Антонович был вынужден пересмотреть ряд пунктов своей концепции о борьбе в истории Литвы русского и литовского начал.

Благодаря стараниям В.Б. Антоновича из стен университета были выпущены такие специалисты в области прошлого земель Древнерусского государства, вошедших в состав ВКЛ, как А.М. Андрияшев, Д.И. Багалея, П.В. Голубовский, А.С. Грушевский, М.С. Грушевский, В.Е. Данилевич, М.В. Довнар-Запольский, П.Г. Клепатский. Автором нескольких пособий по истории Литовского государства для средних учебных заведений и народных училищ Северо-Западного края был педагог П.Д. Брянцев, который в течение четырех лет в Киевском университете им. Св. Владимира слушал лекции В.Б. Антоновича. На ниве истории права ВКЛ трудились последователи М.Ф.

¹⁸⁷ Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев: университетская типография, 1878. С. 3; он же. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев: Типография Е.Я. Федорова, 1885; Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). С. 56-57.

¹⁸⁸ Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. - Киев: университетская типография, 1873; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1885.

Владимирского-Буданова Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский, М.Н. Ясинский¹⁸⁹.

Венцом карьеры представителя киевской школы историков и специалиста в области права ВКЛ Ф.И. Леонтовича стала работа в Новороссийском университете, где он служил ректором и деканом юридического факультета¹⁹⁰. Как раз в это время в Новороссийском университете начинал трудиться экстраординарный профессор русской истории М.П. Смирнов, перебравшийся в 1865 г. в Одессу из Санкт-Петербурга. Именно его сочинение стало первой в российской историографии докторской диссертацией, защищенной собственно по литовской тематике. В 1868 г. он получил степень доктора благодаря первой части своей книги «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею», опубликованной в Записках Императорского Новороссийского университета. В своей диссертации историк прослеживает взаимосвязь между причинами заключения Кревской унии и личностью литовского князя

¹⁸⁹ Голубовский П.В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография (И.И. Завадского), 1881; Багалея Д.И. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография И.И. Завадского, 1882; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли. Киев: Тип. Императорского VIII, Университета Св. Владимира, 1887; Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1889; он же. Очерк древней Литвы и Западной России. Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1891; Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В. И. Завадского, 1889; Довнар-Запольский М.В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев: типография И. Н. Кушнерева и Ко, 1891; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В. И. Завадского, 1896; Грушевский А.С. Пинское полесье: Исторические очерки. Ч. 1-[2]. Очерк истории Турово Пинского княжества. XI-XIII вв. Киев: типография Императорского университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901; Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков: тип. А. Дарре, 1902; Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. 2: Рада Великого княжества Литовского. Выпуск I. Томск: типография. П.И. Макушина, 1904; Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. СПб.: Типография товарищества "Общественная польза", 1906; Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Т. I. Одесса: тип. "Техник", 1912.

¹⁹⁰ Историки России. Биографии. С. 274.

Ягайло¹⁹¹. Вторая часть так и не увидела свет из-за скоростижной смерти автора в 1877 г.

Еще одним знатоком прошлого Литвы был выпускник юридического факультета Новороссийского университета С.А. Берштадский, который, переехав во второй половине 1870-х гг. в Санкт-Петербург, стал доцентом кафедры энциклопедии и истории философии права, а в 1883 г. выдержал защиту со своей работой «Литовские евреи: История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388-1569 г.». Главная задача, которую он перед собой поставил, заключалась в «открытии первых зачатков еврейской консолидации в Литве и уяснения причин, влиявших на ее укрепление и развитие»¹⁹². Для достижения намеченной цели он обратился к анализу внутренней политики Литовского государства.

Надо отметить, что в Киевской духовной академии в это же время на кафедре истории Русской церкви трудился исследователь церковной истории, ординарный профессор И.И. Малышевский, который в своей книге «Западная Русь в борьбе за свою веру и народность» подчеркивал православный характер Литовско-Русского государства¹⁹³.

Историко-филологический факультет Петербургского университета имел давние в России традиции изучения литовской старины. У истоков центра в первой половине XIX в. стоял Н.Г. Устрялов, который впервые в отечественной науке попытался ответить на вопрос: какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? В 1859 г. кафедру русской истории в связи с отставкой Н.Г. Устрялова занял вернувшийся из

¹⁹¹ Смирнов. М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. II. Одесса: типография П. Францева, 1868. С. 9.

¹⁹² Берштадский С.А. Литовские евреи: История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388-1569 г. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. С. VII.

¹⁹³ Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за веру и народность в двух частях. СПб: Синодальная тип., 1897. С. 22-23.

ссылки общественный деятель, археограф, фольклорист, этнограф и историк Н.И. Костомаров¹⁹⁴. В Императорской публичной библиотеке Н.И. Костомаров познакомился с В. Калиновским, прекрасным специалистом в области истории Литвы и Польши, по его словам, “ходячим каталогом самых мелочных сведений о минувшем быте этих краев”. В. Калиновский рано умер и оставил после себя историку “богатейшее собрание выписок с указанием на номера и форматы тех рукописей, из которых они извлечены”. Н.И. Костомаров, будучи выдающимся этнографом, с блеском использовал этот материал. В этом году он прочитал лекцию в Петербургском университете по древней истории и быту литовцев, после чего опубликовал ее в виде статьи в журнале «Русское слово». В своих лекциях Н.И. Костомаров выдвинул литовско-жмудскую теорию происхождения Руси: за правым рукавом р. Неман проживал народ, именуемый “русью”, являвшийся одним из литовских племен и принесший с собой название Русь на наши земли. С такими умозаключениями не согласился именитый ученый М.П. Погодин, что, в свою очередь, привело к публичному диспуту, состоявшемуся между ними в 1860 г. По воспоминаниям активиста организации «Земля и воля» выпускника университета тех лет Л.Ф. Пантелеева, “все лекции, вместе взятые, не дали столько студенческой кассы, как диспут Погодина с Костомаровым”. Цены на билеты были очень высокие, несмотря на это зал был забит целиком¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Более подробнее о кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета: Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). – СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета, 2004.

¹⁹⁵ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839; Костомаров Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории // Русское слово. 1860. № 5. С. 1-100; Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. С. 164-165; Литвак Б.Г. Николай Иванович Костомаров // Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992. С. 33, 79-80; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). С.31-32.

Известный русский источниковед и историограф К.Н. Бестужев-Рюмин продолжил работу своих предшественников в сфере изучения истории ВКЛ. Вслед за Н.И. Костомаровым, будучи на посту заведующего кафедрой русской истории Петербургского университета, в своем двухтомнике «Русской истории» он освещает вопросы, связанные с историей Литвы. Во второй том вошла большая глава о Литве, не опубликованная в первой книге из-за значительного объема. Историк считал, что история Западной России поможет понять историю Киевской Руси, “великорусское племя и его последующую историю”¹⁹⁶. Именно К.Н. Бестужеву-Рюмину принадлежит заслуга в подготовке большой группы исследователей Петербургского университета, разрабатывавших историю Литвы и ВКЛ. Образовательная и научная деятельность ученого оказалась толчком к развитию литуанистического направления.

Его воспитанниками были А.И. Барбашев, который получил степень магистра за диссертацию «Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г.» (научный руководитель Е.Е. Замысловский), и И.П. Филевич, отстаивавший положения своего магистерского труда «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие». В итоге А.И. Барбашев посвятил все свое творчество периоду правления литовского князя Витовта. Из-под его пера, помимо упомянутой диссертации, вышли следующие произведения: «Витовт последние двадцать лет княжения 1410-1430», «Таненбергская битва 1410 г.» и «Торнский мир». И.П. Филевич, получив образование в Санкт-Петербурге, оказался на кафедре русской истории в Варшавском университете. В Царстве Польском он написал книгу «История

¹⁹⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. Рецензия на книгу П. Д. Брянцева. С. 494; Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. С. 105; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). С. 42.

древней Руси: территория и население», в которой, описывая литовское прошлое, заострял внимание на русской сущности ВКЛ¹⁹⁷.

Любимым учеником К.Н. Бестужева-Рюмина был Е.Ф. Шмурло, концепция российской истории которого была создана под влиянием своего наставника. Е.Ф. Шмурло, также как и его научный руководитель, придерживался позиции, в соответствии с которой в Средние века существовало два центра объединения раздробленных русских княжеств – Москва и Литва¹⁹⁸.

С.Ф. Платонов за годы учебы в Петербургском университете равным образом очень многое почерпнул от К.Н. Бестужева-Рюмина. Несмотря на то, что С.Ф. Платонов специально не занимался историей ВКЛ, тем не менее, он затрагивал ее в рамках своих лекций по русской истории. Его учебник, написанный для средней школы, был одним из самых лучших и востребованных пособий на заре XX в.¹⁹⁹. Таким образом, большинство учащихся предреволюционной России воспринимали историю сквозь призму концепции петербургского исследователя.

С.Ф. Платонов сумел передать увлечение своего учителя литовским прошлым талантливому ученому И.И. Лаппо. В 1901 г. И.И. Лаппо представил в Петербургском университете магистерскую работу «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти

¹⁹⁷ Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1885; он же. Витовт последние двадцать лет княжения 1410-1430. СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1891; он же. Таненбергская битва 1410 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. №12. С. 151–193; он же. Торнский мир // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. №11. С. 80-106; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб: тип. В.С. Балашева, 1890; он же. История древней Руси: Территория и население. Т. 1. Варшава: тип. Ф. Чернака, 1896-1897. С. 138-140; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). С. 46, 49.

¹⁹⁸ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. СПб.: Алетейя, 1999. С. 7-8, 18-19; Историки России. Биографии. С. 344.

¹⁹⁹ Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы: Курс систематический, в 2 ч. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1910; Фукс А.Н. Сергей Федорович Платонов. Краткий историко-биографический очерк // С.Ф. Платонов. Лекции по русской истории. М.: Высш. шк., 1993. С. 12-13.

Стефана Батория»²⁰⁰, а в 1911 г. в Юрьевском высшем учебном заведении защитил докторскую диссертацию «Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик». До революции И.И. Лаппо основной упор делал на научных изысканиях феномена Люблинской унии. В своих работах он отстаивал национальную самостоятельность ВКЛ от Польши²⁰¹.

Развитие научных исследований в области литуанистики на историко-филологическом университете Петербургского университета привело к появлению такой знаменательной фигуры, как А.Е. Пресняков, который был замечен С.Ф. Платоновым еще на студенческой скамье. В университете он разработал один из лучших курсов лекций в России по истории Западной Руси и Литовско-Русского государства, который был прочитан студентам в 1908-1910 гг. Правда, как писал А.Ю. Дворниченко, «судьба этого курса была менее счастливой». Книга, основу которой составляли лекции ученого, была опубликована посмертно лишь в советское время в 1939 г. Н.Л. Рубинштейн и А.Ю. Дворниченко отмечают большую заслугу петербургского ученого в том, что он выделил отдельную тему, посвященную русским землям в составе Литовско-Русского государства²⁰².

²⁰⁰ С.Ф. Платонов в своем положительном отзыве на магистерскую работу И.И. Лаппо подчеркнул «модный характер» увлечения своего ученика литовской историей XV-XVI вв. (Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). С. 122).

²⁰¹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569-1586): Опыт исслед. полит. и обществ. строя. Т. 1. СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1901; он же. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. См. об этом: Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. С. 438; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука. 1991. С. 231.

²⁰² Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М.: Соцэргиз, 1939; Рубинштейн Н.Л. От редакции // Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 3; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 22; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). С. 110-111.

В 1910 г. на кафедре русской истории появляется представитель Киевской школы историков А.С. Грушевский, который был прикомандирован к Петербургскому университету для работы в столичных архивах. Здесь он вел практическое занятие по “сословному строю Великого княжества Литовского в XV-XVI вв.”²⁰³.

С именем М.О. Кояловича связано формирование западнорусской школы историков на кафедре гражданской истории Санкт-Петербургской духовной академии. Еще в конце «предгрозовых» 1850-х - начале 1860-х гг. он напечатал серию исследований касательно Люблинской и Брестской уний. Конечным итогом его трудов были «Чтения по истории западной России», вышедшие в 1864 г. и являющиеся одной из первых книг, которая ознаменовала собой глубокий интерес общественности к истории другой России — западной, долгое время входившей в состав ВКЛ. Главная цель, которую он перед собой поставил, — изучить “западно-русскую историческую жизнь, тесно связанную с восточно-русской жизнью”. Не удивительно, что именно ему после Польского восстания 1863-1864 гг. доверили составлять сборник документов, объясняющих историю западнорусского края и его отношение к России и к Польше. Правда, как пишет В.И. Пичета, он чересчур “дает волю своему оскорбленному национальному чувству”. Благодаря своей позиции М.О. Коялович познакомился со славянофилом А.С. Аксаковым, регулярно публикуясь в его журналах. Посредством издательской деятельности историк оказался близок с Ю.Ф. Самариним и А.Ф. Гильфердингом²⁰⁴.

²⁰³ Цит по. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). С. 143-144.

²⁰⁴ Коялович М.О. Люблинская уния, или Последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. — СПб: Газ. «Русский инвалид», 1863; он же. Литовская церковная уния. Т. I. СПб.: Типография Николая Тихменева, 1859; он же. Чтения по истории западной России. С. 11; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. СПб: в типографии Эдуарда Праца, 1865; Пальмов И. С. Памяти Михаила Осиповича Кояловича. С. XIII, XXVII; Пичета В.И. Введение в русскую историю: (источники и историография). С. 184.

Вслед за М.О. Кояловичем кафедру гражданской истории занимал П.Н. Жукович, опубликовавший работу «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)». Воспитанником П.Н. Жуковича был А.В. Ярушевич, который издал исследование «Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время»²⁰⁵, вызвавшее много нареканий со стороны современников.

Начиная с 1860-х гг. одним из важных институциональных звеньев, специализирующихся на изысканиях в области литовской проблематики, становится Московский университет. Большая заслуга в этом принадлежит профессору кафедры русского законодательства И.Д. Беляеву, который по просьбе попечителя виленского учебного округа И.П. Корнилова составил «Очерк истории Северо-западного края России». При написании работы «Рассказы из русской истории», объясняющей образование Московского княжества, он изучал историю земель, вошедших в состав Русского государства. Так, в 1860-1870-е гг. из-под пера исследователя вышли книги, посвященные истории Полоцка, Новгорода и Пскова. В томе «История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии»²⁰⁶ профессор подробно изложил свои представления о Литве и о ВКЛ.

Выпускником юридического факультета Московского университета был виднейший эксперт в сфере малороссийской истории Г.Ф. Карпов, который начинал свою карьеру с магистерской диссертации по истории

²⁰⁵ Ярушевич А.В. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. Смоленск: типо-лит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896; Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1901.

²⁰⁶ Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. Вильна: тип. А. Сыркина, 1867; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. / История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии - М.: Синод. тип., 1872.

борьбы Московского государства с польско-литовским во второй половине XV в.²⁰⁷.

Научный путь Д.И. Иловайского также пересекался с одним из старейших университетов России. Будучи автором пятитомной «Истории России», он значительное место отводил истории Литвы. Такое внимание к прошлому литовцев ученый обосновывает тем, что литовское племя заняло «немаловажное место в Русской истории», так как объединило «Литву и Западную Русь» в Литовско-Русское княжество и возвело его «на степень сильного европейского государства»²⁰⁸.

В творчестве одного из самых выдающихся историков конца XIX – первой трети XX вв. М.К. Любавского литовско-русская история являлась ключевой. По мнению советского историографа В.Т. Пашуто, он был «наиболее крупным представителем отечественной досоветской литванистики». М.К. Любавский — первый историк Московского университета, который отказался от принципа централизма и стал разрабатывать прошлое Литовско-Русского государства. Интерес к истории Литвы проявился у магистранта М.К. Любавского после того, как он по совету своих руководителей В.О. Ключевского, В.И. Герье, Н.А. Попова занялся анализом литовско-русских отношений²⁰⁹. Для исследования данной проблематики М.К. Любавский обратился к изучению доселе на тот момент еще не известной Литовской метрики, находившейся в московском архиве Министерства юстиции. Громадная источниковедческая работа, проведенная молодым ученым, позволила вскрыть пласт новых источников по истории Литовско-Русского государства, что существенно расширило информационную базу его научных изысканий. М.К. Любавский не только

²⁰⁷ Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462-1503. Ч. 1. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1867.

²⁰⁸ Иловайский Д. И. История России. Т. 1-5. М.: Типография Т. Лебедева, 1880 – 1905. Т. 1. С. 579, Т. 2. С. 55.

²⁰⁹ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. С. 186; Иванов Ю.Ф. М.К. Любавский – выдающийся ученый и педагог // Вопросы истории. 2001. №10. С. 151, 153.

защитил магистерскую и докторскую диссертации по средневековой истории Литовско-Русского государства, но также разработал свой собственный лекционный курс «История литовско-русского государства до Люблинской унии включительно», который он читал в стенах Московского университета. Лекции М.К. Любавского носили историко-юридический характер, что соответствовало научным интересам и методологическим подходам историка. В.И. Пичета, посещавший занятия М.К. Любавского, вспоминал, что в роли лектора М.К. Любавский был плох, но занятия под его руководством давали очень многое “в отношении метода работы над источником и его использования”. В 1910 г. лекции М.К. Любавского были опубликованы в виде монографии под названием «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно». Данный труд стал главным произведением ученого по истории Литовско-Русского государства, в котором он обобщил все свои основные выводы и изложил важнейшие положения относительно прошлого средневековой Литвы²¹⁰.

Последним представителем Московского университета, интересовавшимся литовской историей, был В.И. Пичета. В «дооктябрьский период» выходит ряд его первых трудов, среди которых необходимо выделить двухтомную монографию «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве»²¹¹.

Таким образом, осмысления литовского прошлого как части русской истории привело во второй половине XIX в. к появлению множества сочинений, затрагивающих те или иные аспекты истории Литвы. В это же

²¹⁰ Любавский. М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания литовского статута. М.: Университетская типография, 1892.; он же. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутр. строем и внеш. жизнью государства. М.: Университетская типография, 1900; он же. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Москва Императорское Общество истории и древностей российских, 1910; Пичета В.И. Воспоминание о Московском университете (1897-1901 гг.) // Славяне в эпоху феодализма: к столетию академика В. И. Пичеты. М.: Наука, 1978. С. 55.

²¹¹ Пичета. В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве: Ч. 1-2. М: Синодальная тип, 1917.

время начинают защищаться магистерские и докторские диссертации, в которых прямо или опосредовано рассматривается литовское прошлое. В Санкт-Петербургской духовной академии в 1859 г. М.О. Коялович получает степень магистра за сочинение «Литовская церковная уния». Первую докторскую диссертацию по литовской проблематике «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей» в 1868 г. в Новороссийском университете защищает М.П. Смирнов²¹².

В высших образовательных учреждениях появляются обзорные курсы по западнорусской истории. В Киевском университете св. Владимира студентов учит В.Б. Антонович. Интересно, что свою преподавательскую деятельность в Киевском университете св. Владимира в 1870 г. В.Б. Антонович начал лекцией о значении литовской эпохи в истории Руси²¹³.

В Московском университете литовскую историю сначала преподает И.А. Линиченко, потом М.К. Любавский. В Санкт-Петербургском университете в 1880-е гг. с литовским правом учащихся знакомит профессор С.А. Бершадский, а в начале XX в. свои знаменитые лекции по истории Западной Руси и Литовско-Русского государства начинает читать А.Е. Пресняков²¹⁴. Труды ученых и публицистов в первую очередь были посвящены истории Литвы до Люблинской унии. В тематическом плане акцент делается на научных изысканиях в сфере литовско-русских взаимодействий. Историографический бум, всплеск публицистической активности 1860-х гг. в области литовской истории сменился в 1870-гг. «исследовательским штилем», который можно объяснить тем, что внимание к Литве, завязанное на политической конъюнктуре и вызванное польскими событиями, угасло. Тем не менее, именно в это время происходит

²¹² См. приложение №4 и №5.

²¹³ Дорошенко Д. Володимир Антонович. Його життя й наукова та громадська діяльність. Прага: Видавництво Юрія Тищенка, 1942. С. 44.

²¹⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Рецензия на книгу П. Д. Брянцева. С. 492-493; Дорошенко Д. Володимир Антонович. Його життя й наукова та громадська діяльність. С. 44; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. С. 22; Иванов Ю.Ф. М.К. Любавский – выдающийся ученый и педагог. С. 151.

институциональное оформление дореволюционной литаунистики, что, в свою очередь, предопределяет устойчивый интерес к литовскому средневековью в 1880-1910-е гг.²¹⁵.

2.3. Основные сюжеты литовской средневековой истории (до Кревской унии) в историографии второй половины XIX в. – начала XX вв.

Интерес к прошлому Западного края и истории Литвы во второй половине XIX в. был, в первую очередь, продиктован событиями первой половины 1860 гг. Подавление Польского восстания 1863-1864 гг. не означало полной победы правительства над польским сепаратизмом. На информационном поле битвы польская интеллигенция одерживала вверх над Петербургом: большинство русской просвещенной общественности продолжало воспринимать Западный край как польские территории. Строители имперской политики пришли к пониманию того, что кроме принятия административно-правовых мер в отношении литовцев назрела необходимость оформить идеологическую платформу, которая бы на основе исторических прецедентов объясняла современную реальность. Так, «Январское восстание» оказалось началом нового этапа польско-русского цивилизационного соперничества, в котором каждая из сторон занималась присвоением литовского прошлого.

В условиях «боев за историю» была реанимирована концепция литовского средневековья Н.Г. Устрялова, в которой ВКЛ было представлено в образе «Другой Руси», собирающей наряду с Московским государством вокруг себя обломки Древнерусского государства. Такая трактовка прошлого должна была с течением времени поменять пропольское восприятие бывших восточных «кресов» не только в глазах отечественной интеллигенции, но и среди представителей аристократии Западного края.

²¹⁵ См. приложение № 1

В Москве, Петербурге, Киеве, Одессе и Вильно, вооружившись пером, отечественные авторы начали создавать модифицированную на основе концепции Н.Г. Устрялова собственную версию истории Литвы, в которой центральное место отводилось освещению событий из жизни Литовско-Русского государства.

Как заметил А.И. Филюшкин, в 1860-е гг. «рефлексия польского восстания 1863 г. породила больше публицистических и пропагандистских, чем исторических трудов». Тем не менее, если убрать конъюнктурный подтекст произведений 1860-1870-х гг., то именно на этом этапе определялись базовые характеристики описания русской истории Литвы. Излагая литовское прошлое в свете русскости ВКЛ, исследователи конструировали и закрепляли устойчивые образы и сюжеты, обязательно присутствовавшие практически в каждом сочинении второй половины XIX – начала XX в. Так, в научном и общественно-политическом дискурсах происходило ментальное и символическое освоение пространства западных окраин Российской империи²¹⁶.

В своих работах дореволюционные авторы второй половины XIX в. – начала XX в. непременно уделяли место таким вопросам как древнейший период истории Литвы, причины консолидации литовских племен и образования Литовского государства, присоединения/включения/захват восточнославянских территорий Литвой и формирование Литовско-Русского государства на протяжении XIII и XIV вв., русская природа Литовского государства, самобытные черты литовцев и их роль в процессе создания совместного государства, ВКЛ как «Другая Русь», Кревская уния.

Древнейший период литовской истории.

При изложении литовской истории ученые обязательно начинали свой рассказ с освещения древнейшего периода, т.е. событий, которые протекали в

²¹⁶ Филюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала... С. 599; Миллер А. Империя и нация С. 270.

Юго-Восточной Балтике в XI-XII вв. Исследователям приходилось считаться с информационным вакуумом и отсутствием серьезной источниковой базы (например, А.Е. Пресняков называет эту эпоху «тайным периодом литовской истории»²¹⁷), поэтому большинство их рассуждений об этой эпохе сводилось к констатации невысокого уровня развития балтских племен. За критерий было взято политическое устройство, социально-экономическое положение дел либо в Киевской Руси, либо в конкретных русских землях, расположенных по соседству с Литвой.

Дореволюционные авторы, как правило, выделяли такие отличительные черты литовцев как бедность, дикость, архаичность и закрытость. Кроме этого, историческому нарративу была свойственна семиотизация ландшафта. Исследователи фиксировали тот факт, что балты проживали в болотистой и лесистой местности в «грубом суровом быте»²¹⁸.

Подобного рода представления о литовской территории имели место в XIX в., и особенно активно они распространялись во время Польского восстания 1863-1864 гг. Проанализировав риторику власти, М. Долбилов заметил: «изобилие густых и болотистых, а зачастую и непроходимых лесов на территории северо-западных губерний было самоочевидным фактом. Однако эта черта ландшафта неустанно и на разные лады акцентируется, обретает значение символа экономической и культурной отсталости

²¹⁷Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. С. 57.

²¹⁸ Костомаров Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории. С. 6-8; Иловайский Д.И. История России. Т. 1. С. 110-111; он же. Сокращенное руководство к русской истории: Для мл. возраста. С. 33; он же. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. Издание тринадцатое. С. 65; Филевич И.П. История древней Руси. Т. I. С. 137; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С. 9; Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира Акционерного общества печатного и издательского дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901. С. 8; Платонов С.Ф. Учебник русской истории. С. 11, 159; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 8.

польской шляхты»²¹⁹. Точно такой же смысл несли в себе рассуждения отечественных историков о болотисто-лесистом крае Юго-Восточной Балтики, только в данном случае объектом семиотизации была не польская шляхта, а литовские племена.

Отсутствие государственности, прочной власти и разобщенность литовских племен — это еще одни параметры, на которые обращали внимание историки. И.Д. Беляев пишет, что балты, живущие отдельно друг от друга в больших или малых семьях, подчиняются только власти старейшины или Криве-Кривейто. Д.И. Иловайский считает, что литовцы состояли из множества “разноименных народов” и были разбиты “на мелкие владения и общины, во главе которых стояли или кунигасы, или веча старейшин”. Ф.И. Леонтович и В.Б. Антонович полагают, что литовские племена в ту пору объединялись “только общностью этнографической и культурной”. Постулат об отсутствии «начал государственности» был, прежде всего, распространен среди историков Киевской школы, которые на первый план выдвигали исследование проблемы образования государства²²⁰.

Такой фокус восприятия литовского народа позволял исследователям делать вывод о низкой ступени развития балтов. Например, Н.И. Костомаров квалифицировал литовцев как “первобытную”, уединенную от всех “деревенскую цивилизацию”, которая прочно держится за “начатки глубокой старины” и, в отличие от христианской цивилизации, идет по колею “рабства и духовного неведения”. С ним соглашается П.Д. Брянцев, также определявший уровень развития литовцев как стадию первобытной

²¹⁹ Долбилов М. Полонофобия и русификация Северо-Западного края (1860-е гг.): Метаморфозы этностереотипов // Образ врага. М: ОГИО, 2005. С. 163.

²²⁰ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. С. 81; Иловайский Д.И. История России. Т. 1. С. 109, 112; Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Т.1. С. 14; он же. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. С. 9; Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права. С. 14-15, 17, 40, 70; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 69-70, 90; Грушевский М.С. Історія України-Руси. Том IV. С. 9.

цивилизации. В свою очередь, согласно И.Д. Беляеву, балты находились в “полудиком состоянии”. Литва в представлении К.Н. Бестужева-Рюмина долгое время была “уединенным народом”, сохранявшим “много первоначальных черт”, характерных для арийских племен. В это время, дополняет его Д.И. Иловайский, Литва проживала “в стороне от исторических переворотов и иноземных влияний”. Ему вторят А.И. Барбашев и М.С. Грушевский, которые пишут о том, что в самые ранние времена уровень культуры балтов был довольно низок. Литовские племена, заявляет И.И. Малышевский, в сравнении со славянами — “недоростки”, пребывающие “в первобытной деревенской простоте”. Используя биологические термины, И.П. Филевич заключает, что Литва долгое время находилась в стадии “растительного процесса”, характеризующегося “упорной тягучестью”, поэтому именно на территории Литвы “можно освещать древнейшее от позднейшего без боязни особенных погрешностей”²²¹.

Консолидация литовских племен и образование Литовского государства.

Дореволюционные авторы не могли обойти стороной обсуждение причин, побудивших разрозненные литовские племена к совместным действиям ради создания своего собственного государства. К сожалению, большинство историков обращают внимание исключительно на внешние факторы, не пытаясь вникнуть во внутривнутриполитические дебри и хитросплетения, также повлиявшие на процесс образования государства.

²²¹ Костомаров Н. И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории. С. 5-6, 8, 49; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV.... С. 72; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 83; Иловайский Д.И. История России. Т.1. С. 110; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С 18; Барбашев А.И. Витовт, последние двадцать лет княжения 1410-1430. С. 10; Филевич И.П. История древней Руси. Т. I. С. 137; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С. 3-4; Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 132.

По мнению части исследователей, главной причиной основания Литовского государства была угроза потери независимости балтскими племенами из-за появления в Юго-Восточной Балтике рыцарских орденов, взор которых после покорения пруссов распространяется на литовские территории. Ряд медиевистов выделяли и других участников, оказывавших влияние на сплочение литовцев. В компанию к немецким рыцарям М.О. Коялович добавляет русские земли, которых сами “пришли в движение” в направлении балтов из-за “татарского нашествия”. И.Д. Иловайский и П.Д. Брянцев в эту группу включают еще и польские княжества, которые, как утверждают ученые, имели свои интересы в литовских землях²²².

“Двойной натиск”, “давление извне”, “напор”, “внешние условия”, “внешние причины”, “внешний фактор”, “угроза”, “опасность потери независимости” и “самобытности”, “оборона от грозных соседей” приводят литовские племена к “взрыву сохранившейся еще народной энергии”, к “исторической деятельности”, к “переходу быта племенного в быт государственный”, к “объединению разрозненных племен в одну политическую силу”, к “единодержавию”, к замене мирной “власти жрецов” на “власть князей вооруженных мечом”, к “политическому сплочению”, к “построению нового политического здания”, к “общему действию” и “созданию крупного политического тела”²²³.

²²² Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXVI; Коялович М.О. Чтения по истории западной России. С. 39, 75, 78-79; Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Т. 1. С. 16; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. С. 299; Иловайский Д.И. История России. Т.1. С. 117,118, 482; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 90; Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права. С. 18, 73; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. С. 176; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. С. 133; Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 132.

²²³ Документы объясняющие историю... С. XXVI; Коялович М.О. О расселении племен западного края России. С. 21; Антонович В.Б. Очерк истории Великого... Т. 1. С. 15; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т.1. С. 299; Иловайский Д. И. История России. Т.1. С. 117,118, 482; он же. Сокращенное руководство к всеобщей и русской истории: Курс младшего возраста. С. 203; Брянцев П. Д. История Литовского государства. С. 90; Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство С. 8; Леонтович Ф.И. Очерки

Отметим, что дореволюционные историки подробно не занимались изучением кристаллизации литовского политического организма. Это видно даже на примере произведений таких знатоков литовской медиевистики как М.К. Любавский и А.Е. Пресняков. Предмет их работ — генезис и эволюция Литовско-Русского государства, а такой подход в итоге сузил оптику исследования собственно литовского прошлого.

Присоединения/включения/захват восточнославянских территорий Литвой

Учитывая, что авторы второй половины XIX в. анализировали литовское прошлое в контексте отношений русских княжеств и Литвы, а их исследовательские операции зачастую сводились к поиску доказательств русской сущности ВКЛ, то не удивительно, что вопросы присоединения/включения/захвата восточнославянских территорий вызывали у историков бурный интерес.

Развитие литовских штудий и подход к ВКЛ как к русскому государству требовали пересмотра позиций относительно характера и условий, при которых русские земли вошли в состав Литвы. В XVIII - первой половине XIX в. средневековая Литва презентовалась как один из «врагов», находившихся на западных рубежах страны. Соответственно акцент был сделан на захватнической политике балтов, в отношении земель своих восточных соседей. Во второй половине XIX в. углубленное изучение источников, новые концептуальные и методологические подходы содействовали вскрытию дотоле не известного пласта информации, позволяющего сделать вывод о том, что процесс присоединения русских территорий не может быть объяснен только завоевательной стратегией

истории Литовско-Русского права. С. 18, 73; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. С. 176; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 11-12; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. С. 45.

литовцев или ослаблением русских княжеств, на которых в XIII в. обрушился шквал невзгод.

Историки, как и прежде, писали, что Литва закрепляется на территории западных окраин разбитого на осколки Древнерусского государства вследствие опустошительного татаро-монгольского нашествия. Среди причин, пошатнувших силу и могущество западнорусских земель, ученые также называют раздоры среди их правителей²²⁴.

Но при этом узурпаторская деятельность литовцев перестает видаться первопричиной потери русскими княжествами независимости. Дореволюционные авторы замечают, что инкорпорация западнорусских областей была достигнута «не одной силой оружия»: некоторые русские земли сами шли навстречу балтскому владычеству, потому что для них «сравнительно более лёгкое Литовское господство» было предпочтительнее «татарского засилья». Н.П. Дашкевич рисует картину, в которой литовские властители обеспечивали местным жителям безопасность и свободное существование: «...и естественно, что сочувствие русских склонялось более на сторону Литвы». В силу этого сочувствия, продолжает ученый, литовские князья спокойно владели русскими территориями. Схожую мысль высказывал и М.К. Любавский²²⁵. Согласно такому нарративу независимость была не потеряна, а отдана.

Во второй половине XIX в. тезис о «литовцах-захватчиках», присущий историческому дискурсу XVIII - первой половины XIX в., эволюционировал в идею, согласно которой литовцы выступали «защитниками» русских

²²⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 110; Документы объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и к Польше. С. 1; Иловайский Д.И. История России. Т. 2. С. 57, 72; Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею. С. 1; Лаппо И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага: Пламя, 1924. С. 96.

²²⁵ Иловайский Д.И. История России. Т. 1. С. 483; Т.2. С. 57, 72; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 93; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.1. С. 215; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 26.

княжеств. По этой причине западнорусские земли, полагает М.П. Смирнов, “довольно охотно” покорялись балтам, и их утверждения на Востоке, как показывает И.П. Филевич, не представляется “таким странным”. При этом Литва не только вступалась за русские княжества против татар, но и противодействовала крестоносному продвижению. Как пишет М.О. Коялович, литовцы — это “сторожевой полк” русских, “защитивший русский народ немалое время от прусских и ливонских рыцарей”²²⁶.

У М.К. Любавского, М.О. Кояловича, А.Е. Преснякова и Е.Ф. Шмурло положение о «литовцах-защитниках» обретает форму «всестороннего натиска». Литва и юго-западные русские княжества под давлением рыцарских орденов, татар и поляков объединяются в одно государственное образование, чтобы сохранить свою независимость и культуру, дать отпор врагам. “Общее давление со всех сторон”, полагает М.К. Любавский, оказалось тем фактором, который “спаял” Литву и Западную Русь “в один политический союз” — Литовско-Русское государство²²⁷.

М.В. Владимирский-Буданов, равно как и многие другие авторы, пишет о литовцах как о «защитниках», оградивших Южную Русь в XIV в. от дальнейшего вторжения монголо-татар. Исследователь опровергает утверждение о том, что русские земли являлись военной добычей Литвы. Он обращает внимание на то, что “нашествие Гедимины” в 20-е г. XIV в. не было государственным завоеванием в современном ему понимании этого слова: после похода литовского властителя в Южной Руси долгое время оставались свои князья и прежние порядки, города не опустошались, их население не подвергалось насилию. Он уточняет, что литовцы вели “варварский способ войны” исключительно до XIV в. В итоге естественная зависимость

²²⁶ Коялович М. О. Чтения по истории западной России. С. 40; Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею. С. 14-15; Филевич И.П. История древней Руси. Т. I. С. 136.

²²⁷ Коялович М. О. Чтения по истории западной России. С. 39, 75, 78-79; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. С. 215; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 35; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. С. 52-53.

южнорусских земель наступила вследствие “испытанного превосходства” балтов. В западнорусских областях, продолжает ученый, литовского завоевания вообще не было: князья Гедиминовичи постепенно сменили Рюриковичей, да и то не везде²²⁸.

Схожей точки зрения придерживается Ф.И. Леонтович, который указывает, что подчинение литовской власти носило исключительно мирный характер, а о “завоеваниях” можно вести речь лишь на начальном этапе процесса собирания земель и в самом конце, при князе Витовте. По мнению Ф.И. Леонтовича, “прибегать к завоеваниям не было никакой надобности там, где гнетущие бытовые условия старого времени, *volens-nolens*, должны были заставлять русские земли и русских князей вступать в союз, а затем и добровольно подчиняться власти сильных и энергичных литовских вождей”. В своей книге он говорит о том, что русское население видело в энергичных литовских князьях “оплот против татарского разорения”, так как собственные русские князья являлись ордынскими подручниками²²⁹.

М.С. Грушевский в духе традиций киевской школы полагает, что население украинских и белорусских земель “без сопротивления подчинялось великому князю Литовскому”. Кроме уже называвшихся его коллегами причин, он отмечает еще ряд факторов. Во-первых, русское государство представляло собой разбитые обломки “с их ослабленным или разложившимся вовсе государственным строем”, по сравнению с которым Литва была новой “политической силой” способной объединить разрозненные русские княжества. Во-вторых, с помощью литовских князей

²²⁸ Владимирский-Буданов М.В. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. С. 7, 38-40, 71; он же. Очерки из истории литовско-русского права. Ч. I. Поместья Литовского государства. Киев: тип. В.И. Завадского, 1889. С. 2; он же. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. С. 38-40.

²²⁹ Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права. С. 15-16, 19-30, 73.

украинские и белорусские общины часто освобождались от старых княжеских династий, правление которых становилось в тягость²³⁰.

Разница между трактовками литовской истории начала и конца 1860-гг. очевидна. Например, если в докторской работе М.П. Смирнова «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей» 1868 г. история Литвы отображается как часть западнорусского прошлого, а сама Литва рассматривается как близкое, дружественное государственное образование, впитывающее в себя основы русской цивилизации, то в его более ранней магистерской диссертации «Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшей (1387)», вышедшей до второго Польского восстания, Литва наравне с Польшей оказываются врагами, пытающимися завладеть «юго-западной Русью»²³¹.

Процесс адаптации литовской истории под новые историографические стандарты виден и из сравнения содержаний одних и тех же школьных учебников И.Д. Иловайского разных годов изданий. Если в учебнике 1861 г. Литва выступает, прежде всего, в качестве «покорителя» и «завоевателя» русских княжеств, то уже в издании 1868 г. речь идет о мирном «слиянии Литвы с Русью в одну Русскую народность». В более поздних изданиях И.Д. Иловайский даже специально отделил этот фрагмент курсивом, что подчеркивало первостепенную важность материала для закрепления в памяти учащихся²³².

Не совсем обычное толкование этого вопроса предлагает русский этнограф Р.Ф. Эркерт. В произведении «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» он отвечает на вопрос о том, как небольшому и

²³⁰ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 132, 136; он же. Иллюстрированная история Украины. Донецк: БАО, 2006. С. 139.

²³¹ Смирнов М.П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшей (1387 г.). СПб: Типография Лермантова и К°, 1860. С. 71-77.

²³² Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории, приспособленные к курсу средних учебных заведений. Изд. 2-е. С. 66-68; он же. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Изд. 30-е. С. 68-69, 84.

грубому литовскому народу удалось покорить “западную Россию”. Ученый считает, что произошла ситуация, аналогичная той, которую российские историки наблюдали в IX в., а именно, восточные славяне подпали под воздействие чуждого племени. Литва победила “отдельные” русские княжества, которые были ослаблены монголами, но при этом литовская аристократия оказалась под сильным влиянием русской народности. Эти взгляды разделяет М.О. Коялович. Литовцы также напоминают ему варягов, которые княжили, управляли, воевали, но все более и более подчинялись “стихиям русской народности”²³³.

Даже в этом контексте своими рассуждениями выделяется Н.И. Костомаров. Литва для него — орудие исторического движения и соединения русского народа. Балты, по мысли автора, в IX в. дали славянам название “Русь” и единый княжеский род, тем самым связав разрозненные, но близкие по духу народы. Вследствие этого литовцы в первый раз дали толчок “русским” в процессе исторического развития. В XIV в. “литовский элемент” вновь послужил источником объединения “нашего отечества”, принеся с собой новое название — “Литва”. Но в этом случае дело ограничилось только половиною Руси. Ученый делает акцент на том, что литовцы — это “непридирчивый и невоинственный народ”, который в IX в. из “деревенского сна” сначала выводят норманны, а потом в XIII и XIV вв. — уже русская и немецкая стихии. Вследствие чего природа этого неагрессивного племени становится “воинственной”, балты с большим шумом появляются на исторической арене “и с последствиями не для себя, а для других”. На этом утверждении и основывается самая главная мысль Н.И. Костомарова о Литве: у этого племени есть своя особая миссия, заключающаяся в том, чтобы, время от времени пробуждаясь, соединять удельно-вечевую Русь и

²³³ Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографии западных губерний России. С. 21-22; Коялович М.О. Люблинская уния, или Последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. С. 10.

придавать ей движения по дороге исторического развития, после чего вновь возвращаться к родной “недвижимой старине”²³⁴.

Нестандартную трактовку формирования Литовско-Русского государства предлагает В.Б. Антонович, который подходит к прошлому ВКЛ как к истории взаимоотношения русского и литовского народов, а не деятельности государства. Объект его научных изысканий — “борьба двух начал, этнографических и бытовых, входивших в состав Великого княжества Литовского”. В.Б. Антонович заостряет внимание на том, что в XIII в. в стане литовских племен происходили изменения. Их “набеги” и “нападения” с целью “захвата” русских территорий становились всё более регулярными. Особенно он выделяет период правления князя Миндовга, который, по его мнению, использовал ресурсы русских княжеств для того, чтобы продолжить покорения, как независимых от него русских, так и литовских земель. Между тем, проводя такую политику, направленную главным образом на создание государства, Миндовг, по мысли автора, дал толчок борьбе русского и литовского начал. Во второй половине XIII – XIV вв. на существующий между двумя этими началами “антагонизм” опираются балтские князья в борьбе за литовский престол. Окончательное оформление государственности на Литве автор соотносит с началом XIV в. Этот процесс он связывает, прежде всего, с деятельностью литовских князей Витеня и Гедимина, которые смогли осознать необходимость опоры не только на литовский, но и на русский “элемент”. С одной стороны, такие обстоятельства способствовали сохранению государственности в борьбе со своими западными соседями, с другой стороны, укреплению централизованной княжеской власти²³⁵.

²³⁴ Костомаров Н. И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории. С. 7, 9.

²³⁵ Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. С. 3, 22, 24; он же. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. С. 7, 30, 34-35, 37, 40, 44; Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). С. 56-57.

Примечательно, что в сочинении 1878 г. «Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия» ученый употребляет словосочетание «борьба двух начал», а в более позднем труде 1885 г. «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти В. К. Ольгерда» применяет оборот «отношения двух начал». Такие изменения, судя по всему, произошли после полемики В.Б. Антоновича со своим последователем Н.П. Дашкевичем, который провел детальный разбор труда своего учителя и выступил против положения о борьбе начал на раннем периоде литовской истории²³⁶.

Во второй половине XIX в. утверждается перцепция литовцев в роли «защитников», призванных в западнорусские земли для наведения порядка и позднее полностью растворившихся в местной среде. Так, прошлое Литвы частично вплеталось в русскую историю. Медиевисты обращались к истории ВКЛ уже не как к литовскому прошлому, а как к истории Литовско-Русского государства. Изображение литовцев как «защитников» позволяло представить процесс создания ВКЛ как фактически добровольное объединение литовского и русского народов, что служило примером, наглядно иллюстрирующим русскую природу Литовского княжества.

В начале XX в. патриархи дореволюционной литуанистики М.К. Любавский и А.Е. Пресняков, комплексно рассмотрев как внутривосточные, так и внешнеполитические обстоятельства, оказавшие существенное значение на формирование литовско-русской государственности, пришли к следующему знаменателю: литовские завоевания имели место, однако они не сыграли какую-либо принципиальную роль в процессе построения объединенного политического организма. Например, М.К. Любавский отмечает, что «сила оружия в данном случае имела второстепенное значение». К тому же «завоевательная политика Литвы не находила в западной Руси энергичного отпора». Ему вторит А.Е.

²³⁶ Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 31, 34, 101.

Пресняков: характер образования Литовского княжества нельзя считать “продуктом завоевания”. Кристаллизация совместного государства протекала “с большим напряжением сил в борьбе народностей и местных сепаратизмов”, которые отстаивали свои интересы. Раздробленность и развитие удельщины на Руси, раздробленность в литовской среде, общая опасность со стороны врагов содействовали слиянию “литовских и русских сил в осуществлении одной исторической и политической задачи”. Таким образом, русская народность и призванная ими литовская власть были вовлечены в “общую творческую деятельность”²³⁷.

Русская природа Литовского государства

Во второй половине XIX в. в исторической науке утверждается репрезентация прошлого Литвы сквозь призму ее «русскости». При освещении литовской истории материал подбирается и преподносится таким образом, чтобы ответить на вопрос, почему ВКЛ является русским государством. В рамках такого подхода в своих исследованиях дореволюционные авторы, как правило, отмечают, что русские княжества имеют давний позитивный опыт сосуществования и взаимодействиями с литовскими племенами, а русское влияние в среде литовских племен просматривается уже с давних пор²³⁸.

Ученые обязательно подчеркивают, что литовцы, овладев русскими территориями, сами покоряются русской народности и ее культуре. При реконструкции этого эпизода предлагается следующая схема развития

²³⁷ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 35; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. С. 9-10, 52-53.

²³⁸ Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. С. 25, 63, 67, 69, 83, 114; Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны // Памятники русской старины в западных губерниях империи, издаваемые по Высочайшему повелению П.Н. Батюшковым. Вып.5. СПб: Типография А.Траншеля, 1872. С. 10; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 34; Барбашев А.И. Очерки Литовско-русской истории XV в. Витовт, последние двадцать лет княжения 1410-1430. С. 5; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. С. 3; Добрянский Ф. Старая и новая Вильна. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1904. С. 10.

событий: после включения русских княжеств в состав Литвы балты начинают испытывать на себе значительное “культурное и политическое” влияние со стороны русской народности, которая водворяется в Литву и начинает превалировать в объединенном государстве как в территориальном и численном, так и в цивилизационном отношении. В результате чего малочисленное литовское племя, как пишет М.О. Коялович, “взявшее в свои руки политическую судьбу Русского народа”, уступает ему во всех пунктах соприкосновения. Литовская “первобытная, языческая цивилизация”, заключает Н.И. Костомаров, покоряется “более высшей славянской и уже христианской”. Победители-литовцы, указывает Е.Ф. Шмурло, “духовно” подчиняются “побежденному народу”. С ним соглашается М.Н. Ясинский, который полагает, что “мирное оружие Руси” берет верх над балтами. В сочинениях М.К. Любавского присутствует идея о том, что “политически господствующая народность подпала под духовное преобладание народности подчиненной”, а “русская стихия” возобладала в Литовско-Русском государстве и распространилась в свой черед и на собственно литовские территории. Западная Русь в его глазах — это активный субъект, который «передает» свое наследие литовцам²³⁹.

Такое положение дел связано с тем, что “русская цивилизация”, по словам К.Н. Бестужева-Рюмина, превосходит “литовский элемент”. С ним соглашается А.Н. Пыпин: русская культура для него “выше грубого

²³⁹ Костомаров Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории. С. 10; Литва в отношении к России и Польше. Июль. С. 3-4; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXVI-XXVIII; Владимирский-Буданов М.В. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. С. 2; Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею. С. 6, 14, 27; Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда. Т. 1. С. 132; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 2; Платонов С.Ф. Учебник русской истории. С. 86; Пыпин А.Н. История русской этнографии. Том IV. Белоруссия и Сибирь. С. 8; Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. С. 1-2; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.1. С. 181; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 1, 16, 35, 41.

литовского быта”. И.Д. Беляев проводит мысль, что сама жизнь, сама история тянула Литву к Руси: “в течение веков Литва так сроднилась и срослась с Русью, что не могла без нее жить”. Представители Киевской школы историков делают акцент на том, что Литва по сравнению с присоединёнными русскими не имеет богатого опыта государственности и для нее свойственна более низкая политическая культура. В этих условиях литовские князья отдают предпочтения “русским людям” и “русской гражданственности”. С.Ф. Платонов добавляет, что литовцы сами охотно подчиняются русской культуре, так как видят ее преимущества²⁴⁰.

Дореволюционные авторы обнаруживают влияние русской цивилизации на Литовское княжество в различных сферах. В итоге в XIV в. Литовское княжество становится: “скорее и вернее” русское, чем литовское, “в сущности русское”, “почти вполне русское”, “русское, или по крайней мере, русско-литовское”. Как указывает А.В. Ярушевич, в этом государстве русская народность – это “душа литовского государственного организма”²⁴¹.

Для подтверждения идеи о русской природе ВКЛ историки приводят следующие доказательства:

1. Демографические/этнические доводы, согласно которым русские жители были преобладающим большинством населения ВКЛ.

Историки постоянно упоминают, что литовцы составляли в Литовском государстве всего 1/10. Первым арифметические подсчеты привел в конце

²⁴⁰ Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 52; Владимирский-Буданов М.В. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. С. 2; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. С. 53; Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. С. 8; Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права. С. 30, 70; Платонов С.Ф. Учебник русской истории. С. 86.

²⁴¹ Коялович М.О. Люблинская уния, или Последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. С. 10; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 1; Владимирский-Буданов М.В. Население Юго-Западной России... С. 39; Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. С. 1; Ярушевич А. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная Литовская Русь в его время. С. 6.

1830-х гг. Н.Г. Устрялов, который считал, что Литва и Жмудь вместе не составляли и 1/12 от населения ВКЛ²⁴².

А.И. Барбашев полагает, что даже в собственно литовских землях русские были довольно широко представлены. А.В. Ярушевич указывает, что “числовое отношение коренного литовского населения к русскому выразилось – 1:10, в крайнем случае, 1:6”. Чтобы не быть голословным, он даже проводит расчеты: “мы считаем пространство Литовского государства при Витовте равным 714 000 кв верст; из них на долю всей Жмуди и Литвы-Аукстоте приходится до 69300 кв в. При том же, если Волынь и Киевская область были сравнительно опустошены, то и Жмудь сильно была опустошена набегами Ордена, так что мы полагаем приблизительно равномерное распределение населения по всему пространству Литовского княжества, а это и дает указанное в тексте пропорциональное отношение”. Такую систему аргументаций сильно раскритиковал М.К. Любавский, который написал, что А.В. Ярушевич своими вычислениями намеренно пытается показать русский характер ВКЛ²⁴³.

Археограф Ф.Н. Добрянский, автор первого путеводителя по Вильне на русском языке, обратил внимание на то, что литовская столица уже на первых порах своего существования была наполовину населена русскими. Само название «Вильна», как считает Ф.Н. Добрянский и местный краевед В.Г. Васильевский, судя по всему, русского происхождения²⁴⁴.

²⁴² Устрялов Н.Г. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. С. 60.

²⁴³ Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. С 1-2; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С. 22-23; Любавский М.К. Новый труд по внутренней истории Литовской Руси // Журнал министерства народного просвещения. 1898. № 8. С. 179; Ярушевич А. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. С. 21; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.1. С. 190; Лаппо И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. С. 98.

²⁴⁴ Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны. С. 10; Добрянский Ф. Старая и новая Вильна. С. 10.

Ряд ученых равным образом вели речь о начале постепенного процесса ассимиляции литовцев. М. В. Владимирский-Буданов узрел такое положение дел только на севере Белоруссии, а И.Д. Беляев — на левом берегу Немана и на юге от реки Вилии. Другие историки замечают подобного рода тенденции, прежде всего, в среде высшего сословия: литовские князья берут в себе жены русских княжон и выдают своих дочерей за русских князей, после чего молодое подрастающее поколение от этих браков с “материнным молоком” впитывает русскую жизнь²⁴⁵.

II. Внутривитовские аргументы, свидетельствующие о том, что политический и общественный строй, организация войска Литовского княжества формировалась с учетом русских традиций²⁴⁶.

М.О. Коялович, И.Д. Беляев, М.К. Любавский и историки киевской школы акцентируют внимание на русском праве и судопроизводстве, которое превалирует на всей территории Литовско-Русского государства. «Русские начала», заявляет К.Н. Бестужев-Рюмин, привносят с собой в объединенное государство следующие элементы: “роды удельных князей, вечевое устройство городов, единство города и земли”. В деле централизации и укрепления Литовско-Русского государства, полагает Н.П. Дашкевич, важную роль сыграл принцип “родового старшинства”, который был заимствован у русских. Русские порядки и русские учреждения, как пишет М.К. Любавский, распространились и в собственно Литве: в Троцком и

²⁴⁵ Литва в отношении к России и Польше. Июль. С. 3-4; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 16; Владимирский-Буданов М.В. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. С. 43.

²⁴⁶ Владимирский-Буданов М.В. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. С. 2; Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. С. 2-4, 6-7; он же. Очерки Литовско-русской истории XV в. Витовт, последние двадцать лет княжения 1410-1430. С. 13,37, 115; он же. Таненбергская битва 1410 г. С. 153; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С. 18-19; Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. С. 7; Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права. С. 70; Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. 2. С. 1-3; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 1.

Виленском княжестве появились ключники, конюшие, тивуны, городничие²⁴⁷.

Кроме того, дореволюционные авторы непременно пишут о повышении военного потенциала Литвы в связи с тем, что литовские вооруженные силы устраиваются по русскому образцу. Литовская армия, обнаруживает В.Б. Антонович, становится многочисленной, дисциплинированной, способной совершать длительные походы. В.Г. Васильевский, ссылаясь на исследователей вильновской старины, сообщает, что древнейшие укрепления литовской столицы были сделаны по образцу “городов южной России - Киева и Овруча”. Развивая эту мысль, он делает вывод, что именно русские строили города в литовских землях²⁴⁸.

III. Цивилизационные доказательства, подтверждающие, что русская культура во всех ее проявлениях занимает доминирующее положение в ВКЛ и оказывает позитивный эффект как на государство, так и на литовский народ.

A) Лингвистический фактор²⁴⁹.

²⁴⁷ Литва в отношении к России и Польше. Октябрь. С. 188; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXVIII; Коялович М.О. Чтения по истории западной России. С. 88-89; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 69; Владимирский-Буданов М.В. Очерки из истории литовско-русского права. Ч. I. С. 2-3; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. 2. С. 53; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 94-95; Леонтович Ф.И. Источники русско-литовского права: Общий обзор источников. Договоры. Земские и областные привилеи. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1894. С. 5; Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. С. 7; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 1, 41.

²⁴⁸ Коялович М.О. Чтения по истории западной России. С. 88-89; Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны С. 10-11; Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. С 38-40; Иловайский Д.И. История России. Т. 2. С. 56, 81, 153; Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. С 2-4, 6-7; он же. Очерки Литовско-русской истории XV в. Витовт, последние двадцать лет княжения 1410-1430. С. 13,37, 115.; он же. Таненбергская битва 1410 г. С. 153.

²⁴⁹ Литва в отношении к России и Польше. Октябрь. С. 188; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXVIII; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 69; Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны. С. 11; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. С. 53;

Русский язык является языком государственным, придворным и народным. На нем творится суд, ведется делопроизводство и пишутся законы. Литовцы привыкают к русской речи, а для их правителей она оказывается основной. П.Д. Брянцев уверен, что уже в XIII в. половина литовцев отлично говорила по-русски²⁵⁰.

Историк-краевед из Вильна Ф.Н. Добрянский не сомневается, что общеупотребительным языком в литовской столице в средние века был русский. В.Г. Васильевский вообще считает, что русский имел статус общенационального языка для всего ВКЛ²⁵¹.

Б) Конфессиональные основания²⁵².

«Русская вера», т.е. православие, господствует в ВКЛ и исподволь распространяется среди балтского населения. Литовские князья по большей части придерживаются греческой веры, а в столице Вильне строятся православные церкви. Обращение балтов в христианскую веру, в соответствии с позицией И.И. Малышевского, происходило из-за подражания великокняжескому дому или по убеждениям. В.Г. Васильевский замечает, что при Ольгерде «успехи православной веры обнаружили уже с такой

Иловайский Д. И. История России. Т. 2. С. 56, 81, 153; Брянцев П.Д. Очерк древней Литвы и Западной России. С. 9; Добрянский Ф. Старая и новая Вильна. С. 12; Леонтович Ф.И. Источники русско-литовского права. С. 5; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.1. С. 181; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 1.

²⁵⁰ Литва в отношении к России и Польше. Июль. С. 3-4; Октябрь. С. 188; Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны. С. 11; Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. С 2-4, 6-7; он же. Очерки Литовско-русской истории XV в. Витовт, последние двадцать лет княжения 1410-1430. С. 13,37, 115; он же. Таненбергская битва 1410 г. С. 153; Брянцев П.Д. Очерк древней Литвы и Западной России. С. 9; Леонтович Ф.И. Источники русско-литовского права. С. 5.

²⁵¹ Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны. С. 11; Добрянский Ф. Старая и новая Вильна. С. 12.

²⁵² Литва в отношении к России и Польше. Июль. С. 3-4; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXX, XXVIII, XXXIV; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. С. 53; Иловайский Д.И. История России. Т. 2. С. 56, 81, 153; Леонтович Ф.И. Источники русско-литовского права. С. 5; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С. 22-28; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.1. С. 181; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 1.

силой в Вильне, что грозили погасить священный огонь, горевший в нижнем замке”. Даже такой одиозной для дореволюционной историографии фигуре, как Ягайло, некоторые ученые приписывают принятие православия. В свою очередь, В.Б. Антонович не заостряет внимание на религиозной принадлежности литовских властителей, но отмечает факт их веротерпимости, что приводит к мирному распространению православной веры в ВКЛ²⁵³.

Обратим внимание на схему, своего рода конструкцию, которую стандартно используют отечественные ученые при изложении литовской истории. Вначале пишется о том, что литовские племена по сравнению с русскими землями находятся на низкой ступени развития²⁵⁴. Но вследствие влияния русских, литовцы перенимают, приобретают некий набор качеств, в результате которого Литва становится на путь прогресса. Так, образ Литвы формируется на базе бинарной оппозиции: отсутствие признаков цивилизации как типичная черта, присущая литовским племенам, и их присутствие, т.е. появление благодаря культурному трансферу, воздействию на них русского элемента. Получается, что Литва до XIII в. описывается с позиции отсутствия, а после XIII в. с позиции присутствия определенных параметров — атрибутов культуры, заимствованных у русских.

Совершенно другой вектор восприятия средневековой Литвы мы обнаруживаем в литовской историографии. Так, один из виднейших представителей литовской исторической науки на заре XIX – XX вв. И. Тотарайтис в своей докторской диссертации, посвященной периоду правления короля Миндовга, подчеркивает, что Литва в годы его княжения

²⁵³ Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. С. 23; Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны. С. 13; Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. С. 70; Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. С. 2-6; он же. Очерки Литовско-русской истории XV в. Витовт, последние двадцать лет княжения 1410-1430. С. 5-6, 18, 115.

— это сила, “с которой должны были считаться все соседи”. Литовский историк, философ и этнограф В. Сторостас (Видунас) уверен, что “литовцы далеко превосходили русских”, особенно после объединения их в одно государство²⁵⁵. Иной ракурс сравнения, иной критерий сопоставления приводит к диаметрально противоположным реконструкциям образа Литвы.

Самобытные черты литовцев и их роль в процессе создания совместного государства.

Литовский народ по сравнению с жителями русских земель выделялся своей «инаковостью»: религия, народная культура, политическое устройство и т.д. Дореволюционные авторы при описании литовской старины не могли обойти стороной упоминания этих самобытных характеристик. К примеру, И.Д. Беляев акцентирует внимание на том, что у Литвы сохранялись и возникали свои нестандартные черты, являющиеся своеобразным “природным типом” литовского племени: язык, языческая вера, некоторые традиции, самобытная княжеская власть — все это никак не вступало в противоречие с “русской цивилизацией”²⁵⁶.

Э. Гудавичюс проанализировав российскую дореволюционную историографию, пришел к выводу, что для нее типичен образ «храброй» Литвы в отношении XII и XIII вв. И действительно, такое описание мы встречаем у Н.П. Дашкевича, который указывает, что у литовцев было развито такое народное свойство, как “храбрость”. Кроме этого, балтам была присуща “завоевательная энергия”, благодаря которой, как он полагает, литовские племена на своих плечах вынесли натиск немецких рыцарей. В этой же логике мыслит К.Н. Бестужев-Рюмин. Он обнаруживает в Литовско-Русском государстве новую специфическую черту, которая не была свойственна “русскому порядку”: оборонительный “воинственный характер”

²⁵⁵ Totoraitis J. Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg: 1905. S. 147; Стороста В. (Видунас). Литва в ее прошлом и настоящем. Вильно: Изд-во газеты "Литва", 1921. С. 17.

²⁵⁶ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. С. 64, 77-79, 81-84, 178-180.

княжества, оказывающий влияние на его строй. По словам автора, литовские князья, присоединяя русские территории, оставляют местным князьям власть, требуя от них взамен военную службу и дань²⁵⁷.

Вопрос формирования Литовско-Русского государства — это одна из ключевых тем, мимо которой редко проходили дореволюционные литуанисты. Ученым приходилось принимать в расчет тот факт, что именно Литва была активным субъектом, присоединяющим к себе западнорусские территории. По этой причине исследователи обычно отмечали, что Литва в процессе консолидации литовско-русской государственности выполняла важную централизаторскую миссию. Подобной позиций придерживается Н.И. Костомаров, доказывающий в своих публикациях, что никто иная, как Литва, придала половине “нашего отечества” импульс к соединению. В свою очередь, М.О. Коялович фиксирует взаимовыгодное влияние русских и литовцев. Русские привнесли культуру, юридические законы, военное искусство и силу, литовцы — государственность и централизаторские тенденции. Внимание к прошлому Литвы Д.И. Иловайский обосновывает тем, что литовское племя заняло “немаловажное место в Русской истории”, так как объединило “Литву и Западную Русь” в Литовско-Русское княжество и возвело его “на степень сильного европейского государства”. М.В. Владимирский-Буданов считает, что Литва содействовала сплочению народностей северо-западной и юго-западной Руси и продвигала русскую колонизацию на юг. Западная Русь в концепции А.Е. Преснякова — это материал, из которого создано новое политическое здание — ВКЛ. В данном случае Литва — это руководящее звено, “главная опора”, которая восприняла

²⁵⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. 2. С. 53-55; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 16-17, 101; Гудавичюс Э. История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. Т.1. М.: Фонд им. И. Д. Сытина: BALTRUS, 2005. С. 30.

от русской народности набор элементов, необходимых для строительства государства: “начала организации, военного дела, культуры”²⁵⁸.

Такие зарисовки литовского прошлого свидетельствовали о бесконфликтном взаимодействии литовской самобытности и русской цивилизации. В этой схеме централизаторские задачи Литвы органично дополняли культуртрегерскую функцию русских княжеств. При этом литовцы, выполнив свою объединительную миссию, должны были подчиниться русской культуре, растворившись в ней.

ВКЛ как «Другая Русь».

Начиная с 1860-х гг., в российской историографии утверждается представление о Литовско-Русском государстве как о «Другой Руси». Так, появившаяся еще в 1830-е гг. концепция русской Литвы Н.Г. Устрялова становится в отечественной системе исторических координат второй половины XIX в. стержневым сюжетом средневекового прошлого ВКЛ.

Историки предлагали разные вариации обозначений «Другой Руси»: “Литовско-Русское государство”, “Литовско-Русский мир”, “Русь Литовская”, “Литовская Русь”, “Литва-Русь”, “Русско-Литовская земля”, “Великое княжество Западно-Русское”, “западная Русь”, “зарубежная Русь”²⁵⁹. Эти макротопонимы искусственны, а их появление в литературе

²⁵⁸ Костомаров Н. И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории. С. 7; Коялович М. О. Чтения по истории западной России. С. 88-89; Иловайский Д. И. История России. Т. 1. С. 108; Т. 2. С. 55; Владимирский-Буданов М. В. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. С. 48-49, 71; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. С.45, 53, 54, 59.

²⁵⁹ Костомаров Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории. С. 152; Литва в отношении к России и Польше. Сентябрь. С. 118; Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографии западных губерний России. С. 22; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 71, 92; Иловайский. История России. Т. 2. С. 492; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 93; Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. С. 156; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. С. 4; Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права. С. 13; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки. С. 117; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С. 22-23; Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. С. 1; Данилевич В.Е. Очерк

связано с историографической ситуацией второй половины XIX в.: литовское прошлое вплеталось в отечественную историю. В ходе этого процесса под влиянием политических событий конструировалась новая средневековая ментальная карта ВКЛ.

В пределах сюжета о «Другой Руси» ключевыми являлись два взаимосвязанных между собой положения. Во-первых, важным элементом этого дискурса является тезис о преемственности киевской и литовской государственности. В данном случае речь шла о континуитете древнерусского, литовско-русского и московского прошлого. Например, И.П. Филевич утверждает, что для русского народа замена власти киевских князей на литовских, как и позднее смена литовской власти на московскую, воспринималась одинаково как звенья одной цепи. Русское население ВКЛ, пишет С.Ф. Платонов, видело в политике Гедимины восстановление старой русской силы и старого русского порядка. По мнению Е.Ф. Шмурло, Гедимин, Ольгерд, Витовт (*примечательно, что в этой компании литовских властителей не нашлось место Ягайло – прим. автора*) в сущности сделали то, что в свое время свершили Олег, Владимир и Ярослав: они восстановили разрушенное единство киевской эпохи, с той лишь разницей, что теперь центром стал не Киев на Днепре, а город Вильна на берегах маленькой Вилии. А.Е. Пресняков показывает, что в землях-аннексах ВКЛ литовские ставленники приходят на смену древнему русскому князю. Местное земство воспринимало новых носителей власти как “своих”, “местных”, как “прежних Рюриковичей”: “смоляне, киевляне и др. служат своему господарю отчинному и дедичному, который сидит на Вильне и Троках”²⁶⁰.

истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. С. 174; Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 152; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. С. 18; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 1; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. С. 65.

²⁶⁰ Филевич И.П. История древней Руси. Т. I. С. 139; Платонов С.Ф. Учебник русской истории. С. 83-86; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: возникновение и образование

Для М.К. Любавского история Литовско-Русского государства является прямым продолжением истории Киевской Руси. В его исследованиях присутствует мысль, согласно которой Западная Русь, несмотря на зависимость от Литвы, “не только не теряла своего исторического наследия, но и передавало его господствующей земле, которая сама во многом устраивалась по образцу этой Руси”. Ученый убежден, что “в жизни Литовской Руси можно подметить гораздо больше традиций, архаических черт киевского периода, чем в жизни Суздальской Руси”. Следовательно, образование Литовско-Русского государства оказывается повторением того, что происходило на той же западнорусской территории в IX и начале X вв.²⁶¹.

Во-вторых, в контексте отечественного нарратива Литовско-Русское государство рассматривалось как один из двух политических субъектов, собирающих разломленные обломки Киевской Руси. Например, периодизация русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина строилась с учетом того, что существовали московский и литовский центр объединения русских земель. Д.И. Иловайский назвал второй том из своей пятитомной серии истории России — «Московско-Литовский период или собиратели Руси». В.Б. Антонович представляет Литовское и Московское государства как два княжества, взявших на себе функцию по “притяжению более слабых русских политических единиц”. Здесь он особенно выделяет период властвования литовского князя Ольгерда, являвшегося выразителем интересов средневекового русского общества. Попытки литовских князей собрать русские земли, уверен Н.П. Дашкевич, согласуются с устремлениями русского народа. С ним солидарен И.П. Филевич, который пишет, что

Русского государства (862-1462). Т.1. СПб.: Алетейя, 1999. С. 215; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. С.110.

²⁶¹ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 1, 17, 36.

объединение западнорусских земель — это сознательная задача литовских властителей, поддержанная русским народом²⁶².

По мнению большинства отечественных исследователей, Литовско-Русское государство, как и Московское княжество, выполняет одну и ту же предначертанную свыше миссию — кристаллизацию раздробленного Древнерусского княжества в единый организм. Все это происходит, потому что самой историей предуготовлено существование единого Русского государства. В ходе собирания русских земель Москва и Вильно, централизаторская политика которых зачастую идентична, сталкиваются друг с другом. Д.И. Иловайский считает, что если к первой “тяготела” вся Северная Русь, то ко второй “склонялась” Юго-Западная²⁶³.

Авторы 1860-х гг., полагали, что, несмотря на существующие противоречия, эти два государства все равно тесно связаны между собой родственными узами. Развивая идею родства, И.Д. Беляев признает, что Литва — это родная сестра Руси, которая несет “с ней одинаковую службу в отношении к общему отечеству, к Русской земле”. Литовский князь Ольгерд,

²⁶² Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 80; Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. С 58, 86-87,111; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. VI; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 5, 123, 156; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. С 73; Иловайский Д. И. История России. Московско-Литовский период или собиратели Руси. Т. 2. М.: типография товарищества И.Н. Кушнерева и К, 1896; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. С. 47; Грушевский М.С. Історія України-Руси. Т. IV. С. 132-134; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 27, 29, 35; Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского. С. 16.

²⁶³ Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. С 58, 59, 111, 115, 120; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 3, 123, 156; Иловайский Д. И. История России. Т. 2. С. 37, 54, 60, 69, 71- 72, 91; Грушевский М.С. Історія України-Руси. Т. IV. С. 72-73, 98; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 159-160.

русский по своей сути, искал союза, дружбы и родства с Восточной Русью, смотря на здешних князей как на братьев²⁶⁴.

В 1880-1890-е гг. идея о двух центрах-собирателях Руси претерпевает определенную трансформацию. В глазах историков, прежде всего, Москва оказывается в роли основного претендента на наследство Киевской Руси. У одних такая формулировка имела конъюнктурный подтекст. Например, П.Д. Брянцев заявляет, что именно московские государи были законными наследниками дома Рюриковичей, а литовские правители ошибочно виделись русскому населению прямыми потомками Владимира Святого. У других такой ход событий был сопряжен с историческими взглядами, относительно условий развития Литовского и Русского государства. Так, В.Б. Антонович полагает, что в процессе собирания русских земель Москва имеет больше шансов на успех, так как, по его словам, она преследует «однородные политические цели» и не принуждена «развлекать свои силы по двум различным направлениям». В свою очередь Ф.И. Леонтович обнаруживает различия между московской и литовской моделью собирания русских областей. Историк делает упор на том, что литовские князья «не были строгими систематиками в деле объединения». Идея единой державы в объединенном государстве не достигла такого уровня, как это было в Московской Руси. Близких взглядов придерживался М.К. Любавский, который указывал, что скороспелое объединение около Литвы «не выходило столь тесным, как объединение северо-восточной Руси вокруг Москвы»²⁶⁵.

Важным элементом сюжета был «прогноз неосуществившегося». Историки знали, что после Кревской унии ВКЛ пойдет по пути сближения с Польшей и католической культурой, но, тем не менее, все равно утверждали,

²⁶⁴ Лебедин М.О. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал. 1862. Октябрь. С. 4; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С.71, 97.

²⁶⁵ Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. С. 58; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 3; Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права. С. 30-33; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 37.

что “русская цивилизация”, прочно и мирно укоренившаяся в Литве, все более и более принимала “славяно-русский характер”, поэтому в скором времени балты обрусели, а Литовско-Русское княжество делается “чисто русским и православным”, эволюционирует в “сплошное православное русское государство”. Ф.И. Леонтович обнаруживает, что литовские обычаи ассимилировались и сменялись русскими обычаями и уставами. Данные процессы, считает А. Ярушевич, сопровождались “полным согласием народностей”. М.О. Коялович шел еще дальше и добавлял, что в недалеком будущем Литовско-Русское государство, уже полностью русское, сольется с Московским княжеством в одно целое²⁶⁶.

Такое отображение литовского прошлого позволяло делать вывод о том, что вхождение территории Литвы в Российскую империю после разделов Речи Посполитой имеет под собой реальную основу, так как это восстановление исторической справедливости. Под исторической справедливостью понимается объединение Литвы и Западной Руси с Московским княжеством. В подкрепление данного довода М.О. Коялович ссылается на современные этнографические изыскания, которые подтверждают народное единство западной и восточной России. Вековая отчужденность «Западной Руси» от своего восточного собрата не могла повлиять на ее русскую составляющую. Воспоминание о цельности восточной и западной частей он сравнивает с зерном, брошенным в землю осенью и замерзшим зимой, “в течение которой зерно не может обнаружить жизни, но хранит в себе эту жизнь и дожидается теплых лучей весеннего

²⁶⁶ Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXXIV; Леонтович Ф.И. Источники русско-литовского права. С. 5; Коялович М.О. Чтения по истории западной России. 91; Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. С. 112; Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею. С. 8-9, 27; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 2, 5-6; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. С. 49; Ярушевич А. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная Литовская Русь в его время. С. 21-23; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т.1. С. 181, 190.

солнца. Лучи этого солнца — лучи недавней свободы, — пригрели теперь обе эти части Русского народа»²⁶⁷.

В рамках данной сюжетной линии отмечается, что русский мир привнес в Литву вместе с православной культурой прогрессивные явления, а Литовское государство вот-вот станет полностью русским, но случается событие, которое нарушает ход истории, переворачивая все с ног на голову. Здесь речь ведется о заключенной между Литвой и Польшей в 1385 г. Кревской унии, которая запутывает естественный процесс развития, нарушает “нормальный ход” мирного поглощения литовской народности русской, насильственно приостанавливает обрусение литовского населения и “гармоничное слияние” Литвы и Руси, тем самым отдаляя “счастлиное время” преобразования балтов. Н.П. Дашкевич метафорично сравнивает вторжение польского элемента с клином, вошедшим в ствол только разросшегося дерева²⁶⁸.

Кревская уния

Кревская уния 1385 г. в научном дискурсе второй половины XIX в. предстает поворотным пунктом, изменившим «правильный» ход истории. Вина за произошедшие события возлагается на поляков, которые в отечественной историографии изображаются в черных красках и выступают в качестве грабителей, укравших литовские земли. Такая картина прошлого напрямую связана с политической ситуацией в Российской империи 1860 – 1870-х гг.

В польских концепциях «идеального отечества» XIX в. литовские земли — это исторически принадлежащие Польше территории. В этом контексте

²⁶⁷ Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XX, XXII.

²⁶⁸ Литва в отношении к России и Польше. Октябрь. С. 189; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXXVIII; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 101; Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. Издание тринадцатое. С. 68; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки. С. 117; Шмурло Е.Ф. История России. Мюнхен: Град Китеж, 1922. С. 70; Он же. Курс русской истории. Т.1. С. 190.

польская интеллигенция воспринимала Литву как польский регион. В свою очередь, польская шляхта, имевшая литовско-белорусское происхождение и желавшая равноправия с польской интеллигенцией, также считала, что в сложившихся условиях лучшая стратегия — это объединение сил литвинов и поляков для борьбы с российской имперской властью. Подобного рода взгляды иллюстрируют слова известного польского поэта Адама Мицкевича: «Литвин и мазур — это братья; разве ссорятся братья, если одного зовут Владислав, а другого Витовт? Фамилия у них одна. Фамилия польская»²⁶⁹.

В этих обстоятельствах российская дореволюционная историческая наука второй половины XIX в. представила свою собственную версию литовского прошлого. Вот как на польские концепции отреагировал петербургский исследователь А.И. Барбашев: Литва – это «часть Русского государства. И в отдаленном прошлом она была по своей культуре – русская. Между тем до настоящего времени продолжают совершаться совершенно несправедливые, но, тем не менее, упорные стремления некоторых польских ученых и публицистов скрывать преобладающее значение русского элемента в истории Литвы и выставлять исключительно польской. Прямая обязанность русских историков раскрыть тенденциозность такого направления и поставить русский элемент в истории Литвы на подобающее ему место»²⁷⁰.

Как раз в противовес польской тенденциозности русские историки рисуют свою собственную панораму литовского прошлого, в которой сюжет о Кревской унии лишает Польшу прав на литовскую территорию.

I. Причины Кревской унии

В рамках данного нарратива важное место занимает описание причин, приведших к Кревской унии. Особый интерес эта тема вызывала у одного из главных противников «всего польского» историка М. О. Кояловича. Он

²⁶⁹ *Цит. по:* Buchowski K. Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. P. 21.

²⁷⁰ Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. С. V.

полагал, что для подписания польско-литовского союза отсутствовали внутренние предпосылки, а его заключение было вызвано внешними и большей частью совершенно случайными обстоятельствами: существование в Польше “царственной невесты”, которой был нужен выгодный жених, личные интересы правителей Литвы, расчеты литовских вельмож и мелких князей, надеявшихся на большую самостоятельность в своей стране, а также необходимость совместной обороны Польши и Литвы от общего неприятеля — немецких рыцарей. И.И. Малышевский, продолжая мысль М.О. Кояловича, сетует, что этим союзом Ягайло пытался обезопасить себя не только от Немецкого ордена, но и от усиливающегося Московского государства. По версии Н.П. Дашкевича, под видом унии Польша пыталась овладеть западнорусскими приобретениями Литвы. А.М. Андрияшев уверен, что поляки еще со времен Болеслава Храброго преследовали цель захватить эти земли²⁷¹.

Ряд историков выдвигает на первый план субъективный, персональный фактор, повлекший ратификацию «беспочвенной» Кревской унии. В их трудах вся вина за такое развитие событий возлагается на литовского князя Ягайло. Изучая перипетии, предшествовавшие подписанию договора в Крево, М.П. Смирнов приходит к выводу, что для его заключения у “Ягелло” не было никаких существенных оснований: балты на протяжении XIII и XIV вв. постоянно совершали набеги на восточные польские территории. Медиевист заключает, что подписание Кревской унии связано исключительно с личными интересами и характером литовского князя “Ягелло”. М.П. Смирнов даже называет свое сочинение “Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей”. В свою очередь,

²⁷¹ Коялович М.О. Люблинская уния, или Последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. С. 7-8; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XXXVIII; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. VI; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С.37; Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли. С. 232.

представитель западноруссизма А.В. Ярушевич персонализирует унию, называя ее «Ягайловской», тем самым также перекладывая ответственность за подписание договора в Крево на князя Ягайло²⁷².

В подобного рода рассуждениях в качестве аргументов используются образы, очерняющие и дискредитирующие Ягайло. Он изображается в нелестном свете, превращаясь в правителя, который не может для своей страны сделать ничего полезного. Например, в работе М.П. Смирнова литовский князь характеризуется следующим образом: ленив и малодушен, более слаб, чем жесток; раздражителен, не имеет достаточной храбрости, любит предаваться бездействию и удовольствиям, «не глуп, но понимание его слабо», постоянно беспокоится за свою безопасность, «доброта его весьма странным образом сочеталась с жестокостью и деспотизмом», расточителен, любит лесть. И.И. Малышевский оценивает его как искательного и склонного к предательству князя. А.И. Барбашев видит в нем недалекого властителя. Согласно М.О. Кояловичу, «Ягелло» унаследовал от своих предков только хитрость, которая не соединялась «ни с особенным умом, ни с энергией». Он был недальновиден и недейтелен, сепаратизм в годы его правления говорит нам о том, что «Ягелло» не способен был возвыситься над своими родичами. Аналогичного мнения придерживаются С.Ф. Платонов и Н.И. Петров. Все эти неприглядные качества дополняются соответствующим описанием внешности князя. У П.Д. Брянцева Ягайло – человек «среднего роста, худощав, с небольшой головой клином, покрытой редкими волосами; лицо его было продолговато, с узким лбом и маленькими, черными, бегающими и беспокойными глазами»²⁷³.

²⁷² Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. С. 93, 99-100; Ярушевич А. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. С.22.

²⁷³ Коялович М.О. Литовская церковная уния. Т. 1 С. 5-6; Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. С. 15, 19, 21, 24, 29, 35, 111-114, 116-118; Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. С. VI; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 207; Белоруссия и Литва.

В конечном счете создавалось представление о неспособности Ягайло быть достойным правителем: не удивительно, что безосновательная уния ассоциируется именно с его деятельностью.

В противовес «деспотичному» и «расточительному» Ягайло, исследователи создают позитивные образы других литовских князей: “Утенес – гроза немцев, воинственный Эрдзивил, Миндовг – первый победитель татар и глубокий политик своего времени”, получивший от папы королевский венец, умнейший и красноречивый Витень, “великий Гедимин, создавший великое княжество литовское, Ольгерд – удивление современников”, благородный Кейстут, который “верно сторожил родную землю” и величественный богатырь Витовт²⁷⁴.

Чем больше времени проходило с момента Польского восстания 1863-1864 гг., тем меньше политики и идеологии мы встречаем в исследованиях российских ученых. Историки 1890-х гг. - начала XX в. более взвешенно подходят к обсуждению предпосылок польско-литовского сближения. В их глазах внешние причины имели немаловажное значение для подписания договора в Крево, так как опасность со стороны Ордена являлась реальной. Следовательно, Польско-Литовская уния являлась событием, вытекавшим из сложившегося международного положения Литвы. Ф.И. Леонтович указывает, что, несмотря на существующий антагонизм, вражду между балтами и поляками, литовское руководство, ввиду немецкой угрозы, подписало договор с Польшей. Однако именно Польша, согласно автору, больше нуждалась в этом союзе. А.Е. Пресняков, развивая положения своего предшественника, делает вывод о том, что натиск крестоносцев наложил на междоусобицы Ягайло и Витовта, что расшатывало фундамент отношений в Литовско-Русском государстве. Литве в этих условиях была необходима

Исторические судьбы Северо-Западного края. С. 84; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С.36; Платонов С.Ф. Учебник русской истории. С. 85.

²⁷⁴ Литва в отношении к России и Польше. Октябрь. С. 178; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 65; Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею. С. 19, 249-250.

новая опора, которую литовский князь Ягайло нашел в союзе с Польшей. Кревская уния снимала польско-литовские противоречия и позволяла объединить возможности государств “для борьбы с немецко-венгерской силой”²⁷⁵.

Особое внимание внутривосточным причинам Кревской унии уделил М.К. Любавский. В Литве, утверждает ученый, не раз происходили события, свидетельствующие об антигосударственных устремлениях. В XIV в. ВКЛ неоднократно подвергалось кризисам, “которые грозили молодому государству распадом”. Под кризисами историк понимал борьбу за великокняжескую власть, происходившую между Гедиминовичами. Длительное время Литовско-Русскому государству удавалось собственными силами преодолевать опасность распада. Но в конце XIV в. началось соперничество за власть между Ягайло и Кейстутом, в результате чего наступил очередной кризис, для разрешения которого Ягайло был вынужден обратиться за помощью к Польше. После чего он решился на “инкорпорацию великого княжества в королевство Польское”. Литовский правитель, соединяясь с Польшей, с одной стороны, удваивал военный потенциал обоих государств, с другой — укреплял свое собственное положение в ВКЛ, тем самым спасая “его от разложения”. По мнению М.К. Любавского, не только личные интересы Ягайло, “но и государственные настойчиво рекомендовали” такой “образ действий”. Так, для М.К. Любавского именно внутренние кризисы в ВКЛ являлись ключевой причиной, повлекшей за собой первую польско-литовскую унию²⁷⁶.

II. Значение Кревской унии

²⁷⁵ Леонтович Ф.И. Правоспособность литовско-русской шляхты. С. 56-57; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки. С. 1; Шмурло Е.Ф. История России. С. 68; он же. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. С. 180; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. С.75, 77.

²⁷⁶ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 42-46, 55.

В дореволюционном нарративе существенное значение отводилось обсуждению последствий договора в Крево. Историки, полагавшие, что Кревская уния не имела реальных поводов для ее заключения, писали о ее “решительно не подготовленном”, “чисто внешнем” и “некрепком” характере. М.О. Коялович называл унию “гражданским, “не очень тесным” союзом двух резко различных государств, который мог разрушиться от самых маловажных причин. Польско-литовское соглашение, не приносящее видимых результатов, для А.В. Ярушевича “пустой звук”. Литовское княжение в течение почти двух столетий, добавлял А.Н. Пыпин, сохраняло свою внутреннюю русскую жизнь и ревниво охраняло свою отдельность. В конечном счете создавалась картина, согласно которой государственный союз Литвы с Польшей, не терпящей никакой другой религии, кроме католичества, и имеющей совершенное иное внутреннее устройство, противоестественен, что подтверждает формальный характер результатов Кревской унии²⁷⁷.

А.Е. Пресняков более обстоятельно расшифровывает отсутствие широких последствий Кревского договора. Автор подчеркивает, что основы унии изначально были слабы. Об этом свидетельствуют выступления Витовта против Ягайлы, которые начались сразу же после событий в замке Крево. К тому же у польско-литовского союза не было прочного социального фундамента, так как соглашение, на котором базировалась Кревская уния, династическое, а “династические основы литовского государственного строительства” слишком шатки. Это означает для А.Е. Преснякова, что союз мог иметь силу только “при господстве удельно-вотчинных воззрений на

²⁷⁷ Коялович М.О. Литовская церковная уния. Т. 1. С. 7; Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XLII, XXXVIII; Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. С. 121; Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. С. 116; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 207; Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. С. 46; Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. С. 8; Ярушевич А. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная Литовская Русь в его время. С.24.

княжое владение”, которые, в свою очередь, не получили распространения в Литовском государстве²⁷⁸.

Своими соображениями о намерениях идеологов Кревской унии делится М.К. Любавский. Он указывает, что они предполагали совершить инкорпорацию ВКЛ в Польское Королевство: по смыслу данного в Крево обязательства Ягайло, “индивидуальное существование великого княжества Литовского прекращалось совершенно, и оно сливалось с короною Польской в одно политическое тело”, что означало полную потерю Литовско-Русским государством самобытности и политической самостоятельности. Но эти планы в итоге не были реализованы. М.К. Любавский не оспаривает факт появления польской культуры в жизни Литовско-Русского государства, активизации усвоения идей и форм польской государственности после Кревского договора, но при этом отмечает, что само содержание этих форм диктовалось логикой внутреннего развития Литовско-Русского государства: до унии с Польшей в ВКЛ установилась “избирательность великокняжеской власти”, сформировался влиятельный класс литовского панства, образовалась “дума литовско-русского государя”. Таким образом, уния закрепила итоги социально-экономической эволюции ВКЛ и оформила их, наложив “на них клеймо польской государственности”²⁷⁹.

Такая трактовка Кревской унии А.Е. Преснякова и М.К. Любавского связана не с «антипольскостью» их взглядов, а с тем, что Люблинская уния, по мнению ученых, имела большее значение, чем Кревская.

Называя польско-литовский союз 1385 г. формальным, ученые второй половины XIX в. попадали в некую логическую ловушку, так как тут же писали о его негативных, губительных последствиях для Литовско-Русского государства. Например, М.О. Коялович фиксирует, что после унии поляки заслоняют собой самобытные племена Западной России и их интересы, а

²⁷⁸ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. С. 79-81, 101-102.

²⁷⁹ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 46, 62-63.

также стараются разорвать русско-литовский союз. О прерывании связи между русскими и литовскими народами пишет В.Б. Антонович. Он полагает, что Кревская уния не позволила русскому и литовскому элементам слиться в одно целое, так как соединение между ними, бывшее в XIV в. внешним и сцементированным исключительно политическими отношениями, не успело окрепнуть. Данные обстоятельства приводят к тому, что Литовско-Русское княжество подчиняется чуждому началу соседнего государства, более слабого материально и несущему другую культуру. Здесь В.Б. Антонович имеет в виду Польшу, которая после заключения союза в Крево активизирует католическую пропаганду на территории ВКЛ²⁸⁰.

В итоге распространение польской культуры и противопоставление русского и литовского народов, согласно дореволюционным авторам, расшатывают основы Литовско-Русского государства, приводят к упорной борьбе внутри княжества русского, литовского и польского элементов, что в итоге не лучшим образом сказывается на литовской государственности. С.Ф. Платонов утверждает, что большинство населения Литвы и всей Руси не хотели отказываться от своих обычаев. Разрушение старых порядков, продолжает петербургский профессор, служит источником эскалации конфликта “между всевластным дворянством и прочею бесправною массою населения”, а также возникновению культурной и национальной “вражды”²⁸¹.

²⁸⁰ Коялович М.О. О расселении племен западного края России. С. 5; Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XLVI; Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. С 4, 267-269.

²⁸¹ Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. С. XLII; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии С. 289-290; он же. Очерк истории Северо-западного края России. С. 120; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 2. С. 37-38; 52-53; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 27; Барбашев А. И. Витовт, последние двадцать лет княжения 1410-1430. С. 118-119; Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен. С 207-208; Ярушевич А. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. С. 5-7; Малышевский И.И. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. С.47; Платонов С.Ф. Учебник русской истории С. 86-87, 91.

Дореволюционные авторы не обходили стороной вопросы, связанные с внешнеполитическими результатами Кревского договора. Ученые, которые смотрели на ВКЛ как на государство, задача которого консолидировать русские земли, делали вывод о том, что союз в Крево лишил Литву возможности продолжить собирать русские земли и стать единственным общерусским центром. Авторитет Литвы в соперничестве с Москвой за лидерство был подорван. П.Д. Брянцев подмечает, что литовцы теряют созидательную энергию и попадают в плен “чуждой национальности”. В конце концов, заявляет он, от данного союза выигрывает исключительно Московское государство, поскольку религиозный и национальный антагонизм, возникший в ВКЛ после его сближения с Польшей, облегчает восточному соседу процесс собирания Руси. В этих условиях большинство восточных областей Литовского государства сами “толпами переходят к Москве”²⁸².

Исследователи начала XX в. не ограничиваются перечислением только отрицательных внешнеполитических итогов унии. Они указывают, что этот союз позволил Польше и Литве соединить силы для борьбы с общим врагом — Немецким орденом, могущество которого было сломлено объединенной коалицией Литвы и Польши в 1410 г. при Грюнвальде. Е.Ф. Шмурло к этому добавляет еще две выгодные стороны польско-литовского союза: во-первых, Литва могла более успешно продвигаться на Восток, во-вторых, Литва легче перенесла последствия поражения, нанесенного ханом Едигем на реке Ворскла в 1399 г.²⁸³.

В конце XIX в. «антипольскость» отечественных историков в свете рассуждений о проблематике Кревской унии уходит на второй план. Ученые фиксируют изменения, связанные с польско-литовским договором, но не

²⁸² Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 3, 52, 207-208; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Русь-Литва. Т.2. С. 190.

²⁸³ Платонов С.Ф. Учебник русской истории. С. 86,162; Шмурло Е.Ф. История России. С. 69.

окрашивают их в мрачные, негативные тона. Так, М.С. Грушевский не придает существенного значения Кревскому договору, но, тем не менее, замечает, что после его подписания начинается новый политический курс, в соответствии с которым Литовское государство незаметно перестраивается по польскому образцу: “Как будто и не трогало старого, но вводило новое, и последнее все меньше давало старому жить и существовать, не только развиваться”. М.В. Владимирский-Буданов указывает, что в XV в. под влиянием Польши в Литовском государстве эволюционирует государственное право. После 1385 г. его коллега и еще один представитель киевской школы «западно-русского» права Ф.И. Леонтович рисует изменения политической и правовой основы как литовских, так и русских областей. Уния в Крево, продолжает он, повлияла на разложение начал земского единства, а также на появление первых следов сословного самоуправления шляхты. Все это приводит к установлению совершенно иной территориально-административной и социальной системы, незнакомой для Литовско-Русского государства²⁸⁴.

Одним из немногих дореволюционных ученых, в позитивном ключе воспринимавших Кревскую унию, был представитель киевской школы М. В. Довнар-Запольский. Он направляет критические стрелы в своих коллег, писавших во времена второго Польского восстания, замечая, что те при освещении эпизодов литовской истории были ослеплены национальными чувствами. Кревская уния для него — это начало грандиозного политического плана, который был претворен в жизнь во второй половине XVI в., явив миру объединение Польши и Литвы в результате Люблинской унии²⁸⁵.

²⁸⁴ Владимирский-Буданов М. В. Очерки из истории литовско-русского права. Ч. I. С. 2; Леонтович Ф.И. К истории административного строя Литовского государства. Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр., 1899. С. 1-7, 35; Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 139-141; он же. Иллюстрированная история Украины. С. 150-151.

²⁸⁵ Довнар-Запольский М. В. Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: исторический очерк. М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. С. 23.

III. Образ Кревской унии в историографии второй половины XIX – начала XX вв.

В отечественной историографии над фундаментом литовской истории, заложенным в первой половине XIX в., возводится каркас и крыша официального «русского» прошлого Литвы. Сюжет о Кревской унии в этом нарративе занимает важное место, разъясняя читателям, почему Западный край Российской империи был ополячен: случайный и беспочвенный польско-литовский договор стал поворотным пунктом, изменившим «правильный» ход истории Литовского государства, а поляки оказываются «грабителями», укравшими русские земли.

Второе Польское восстание определило оптику и задало параметры интерпретации Кревской унии в отечественной историографии. В XIX в. на формирование образа Кревской унии влиял симбиоз «антипольскости» исторического нарратива и представлений о литовском прошлом как о «нашем». Перцепция соглашения в Крево коррелирует с оценками Польского восстания, которое в российском общественном мнении представлялось в негативном свете.

подавляющая часть ученых сетуют на то, что после 1385 г. польская цивилизация заслоняет собой русскую составляющую ВКЛ, нарушая тем самым гармоничную эволюцию государства, противопоставляя русский и литовский народы, а также задерживая неотвратимое объединение Восточной и Западной Руси. Польско-литовское соглашение для историков второй половины XIX в. оказывается точкой бифуркации средневекового русского прошлого Литвы. Так, Кревская уния закрепляется в перечне отрицательных для русской истории событий.

В большинстве дореволюционных исследований второй половины XIX в. Кревская уния рассматривается как исходный пункт регресса самобытной литовской государственности, как отправная точка гибели ВКЛ. В свою очередь, для Польши союз с Литвой — лишь временное спасение,

отсрочившее его закономерное падение на четыре столетия. Если Н.И. Костомаров объясняет начало заката Литвы после Кревской унии тем, что балты выполнили свое историческое предназначение, создав Литовское княжество и разбудив «русского богатыря», то для других ученых такой ход событий связан с влиянием Польши и «ложным» вектором развития²⁸⁶.

Падение Литвы для дореволюционных авторов неизбежно, так как западная культура, привнесенная поляками, противилась принципам, на которых зиждилось могущество Литовского княжества. Русская концепция литовского прошлого отбирала у балтов право на существование вне русского или польского мира. Например, автор серии статей «Литва в отношении к России и Польше» приводит данные о том, что с самого начала литовской истории обнаруживается борьба Литвы со своими соседями, и кто победит, тот и будет иметь возможность влиять на “преобразование” литовцев²⁸⁷. Русская основа литовско-русского организма являлась необходимым условием существования и процветания Литвы. Кревская уния для большинства историков, воспринимающих ВКЛ как «Другую Русь», — одно из центральных событий литовской средневековой истории, определивших смену парадигмы исторического развития литовско-русских земель.

Примечательно, что содержание, процесс и заключение Кревской унии не привлекают внимания отечественных ученых, поэтому интерпретация данного эпизода не отличается широтой мнений.

Периодизация истории Литвы базировалась на позиции принадлежности Литвы либо к русской, либо к польской культуре. Многие отечественные ученые воспринимали Литву сперва как объект влияния

²⁸⁶ Костомаров Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории. С. 66-77; Коялович М.О. Чтения по истории западной России. 131; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 101; Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. С. 207-208; Платонов С.Ф. Учебник русской истории. С. 162; Ярушевич А. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная Литовская Русь в его время. С. 5-7.

²⁸⁷ Литва в отношении к России и Польше. Июль, С. 1.

русско-православной, а после подписания Кревской унии – польско-католической цивилизации. В результате литовцы оказываются народом, который постоянно впитывает в себя элементы чужой культуры, тем самым теряя часть своей самобытности. Реконструкция литовского средневековья происходила в рамках трех временных отрезков: древнейший «независимый» период истории Литвы, этап литовско-русского взаимодействия и фаза польско-литовской государственности.

На переломе веков негативные оценки Кревской унии, связанные с отрицательным отношением к Польше, в большинстве исследований либо исчезают, либо отходят на второй план. Чем больше времени проходило с момента Польского восстания 1863-1864 гг., тем меньше идеологии и политики встречается в исследованиях ученых. На смену эмоциональному и отчасти конъюнктурному восприятию приходят взвешенные выводы. В этом свете Кревская уния рассматривается как соглашение, заключение которого имеет под собой некие основания. В этом дискурсе Польша оказывается в роли неявного сподвижника Литвы в борьбе с внешним и внутренним противником, расшатывающим основы ВКЛ. При этом результаты Кревской унии анализируются вне антипольской картины прошлого. В глазах историков начала XX в. Люблинская уния являлась куда более значимым событием в истории ВКЛ, чем польско-литовский договор 1385 г.

В заключение отметим, что во второй половине XIX в., после «Январского восстания», перед учеными была поставлена задача интегрировать литовское прошлое в официальную концепцию российской истории. Для этого была реанимирована конструкция литовского прошлого Н. Г. Устрялова, дополненная актуальными, связанными с современной политической и социокультурной действительностью историческими сюжетами. В итоге была нарисована живописная картина литовской старины, в которой Западный край Российской империи представлялся как коренные русские земли, подвергшиеся ополячиванию. Территория Литвы в этой

концепции инкорпорировалась в западнорусское пространство. Подобного рода историческая реконструкция позволяла делать вывод о том, что разделы Речи Посполитой являются восстановлением исторической справедливости. «Наши» земли после долгих скитаний вернулись в лоно Российской империи, но польские заговорщики продолжают здесь плести свои интриги.

Уход «антипольскости» из отечественной науки в конце XIX – начале XX в. деактуализировал в российской историографии не только сюжет о Кревской унии, но и также идеологическую составляющую прошлого Литвы. В начале XX в. отечественная литуанистика достигает своей вершины в трудах М.К. Любавского и А.Е. Преснякова. Современные авторы признают, что многие их выводы не устарели и по сей день²⁸⁸. Смена власти в России в 1917 г., изменение политики в области истории прервали богатую дореволюционную традицию изучения истории Литвы.

²⁸⁸ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 14-24.

Глава 3. Ключевые эпизоды литовского средневековья в советской исторической науке

3.1. Советская историография средневекового литовского прошлого

1917 г. ознаменовал собой начало новой эпохи, в ходе которой произошла коренная трансформация практически всех сфер жизнедеятельности человека. Как пишет немецкий историк Ш. Плаггенборг, «новизна стала качеством особого рода: появилась новая общественная элита, новый экономический порядок, был «обновлен» и марксизм...»²⁸⁹.

Революционные преобразования 1920-х гг. привели к потере исторической наукой той важной идеологической, образовательной и воспитательной роли, которую она играла в дореволюционной России. На первый план в борьбе партии с буржуазной идеологией и православной религией выходит философия. Университеты, являвшиеся до революции центрами развития науки, после реорганизаций, перестали выполнять эту значимую функцию. Место «старых дореволюционных специалистов» занимает так называемая «красная профессура», специализирующаяся исключительно на новой истории и подчас практически не ориентирующаяся в истории Средних веков. Медиевистика переживала глубокий кризис. Как заметила Н.В. Иллерицкая, изучать средневековую историю на «новой основе исторического материализма было очень сложно, так как русская медиевистика находилась в руках историков «старой» школы, которые в принципе не принимали марксизм»²⁹⁰.

²⁸⁹ Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташевой. СПб. Журнал «Нева», 2000. С. 7.

²⁹⁰ Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обрешая лица // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1996. С. 171; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. С.11; он же. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). – М.: политическая энциклопедия, 2017. С.93-94.

Октябрьская революция оказалась переломным моментом в исследовании средневекового прошлого Литвы. В «новой» марксистской науке длительное время не находилось места изучению литовской и западнорусской истории. Если в дореволюционной историографии литовская проблематика активно разрабатывалась учеными, то с приходом советской власти научные штудии, посвященные прошлому Литвы, потеряли свою актуальность, уступив позиции более востребованным и конъюнктурным темам. Москва, Петроград и Киев утратили свое значение как центры. Часть историков, специализировавшихся на западнорусской истории, были вынуждены покинуть советскую Россию. По этому поводу высказался А.Ю. Дворниченко: «...последние страницы исторических сочинений, выполненных в традициях дореволюционной исторической науки, зачастую дописывались далеко от Родины, в эмиграции, на базе научных центров Праги и Варшавы, Белграда и Берлина²⁹¹».

Так, представитель киевской школы историков М.Н. Ясинский перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Преподавая в Люблянском университете, он завершил свои научные изыскания в сфере права ВКЛ²⁹².

Последние годы жизни Е.Ф. Шмурло прошли в Чехословацкой Республике²⁹³. Несмотря на все сложности, из-под пера первого председателя Русского исторического общества в Праге в 1920-1930-е гг. вышли произведения «История России», «Введение в русскую историю», многотомный «Курс русской истории». В них автор подробно представил историю Литвы, но, осев на полках отдела специального хранения, эти исследования были недоступны для широкой советской публики. С трудами Е.Ф. Шмурло в Советском Союзе можно было познакомиться только на

²⁹¹ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 24.

²⁹² Михальченко С.И. Ф.В. Тарановский. К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции. С. 115-116.

²⁹³ См.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. С. 187.

основании разоблачительных рецензий. В частности, на страницах журнала «Историк-марксист» рецензент С. Пионтковский критиковал Е.Ф. Шмурло, отмечая, что его работы — это поверхностная компиляция из Карамзина, Ключевского, Платонова и др.²⁹⁴.

И.И. Лаппо в начале 1920-х гг. эмигрировал в Прагу, где в 1924 г. опубликовал работу «Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом»²⁹⁵. Он с большим воодушевлением воспринял восстановление независимости Литвы и считал, что польские притязания на Вильно не обоснованы²⁹⁶. В 1920-е гг. руководство вновь созданного Литовского университета (с 1930 г. назывался университет Витаутаса Великого — *прим. автора*) попыталось пригласить для преподавания на кафедре истории Литвы М.К. Любавского, который в 1928 г. отказался от такого предложения и посоветовал обратить внимание на И.И. Лаппо: «...Очень хорошо было бы привлечь вам к преподаванию И.И. Лаппо. Он, конечно, не блестящий лектор, но превосходный руководитель практических занятий...»²⁹⁷. С 1933 по 1940 гг. И.И. Лаппо читал лекции по литовской истории в Литве в университете Витаутаса Великого. Его исследовательский фокус был сосредоточен на изучении социально-политического строя Литвы после Люблинской унии²⁹⁸.

²⁹⁴ Шмурло Е.Ф. История России. Мюнхен: Град Китеж, 1922. 566с.; он же. Введение в русскую историю. Прага: Пламя, 1924; он же. Курс русской истории. Т 1-3. Прага, 1931-1935; Пионтковский С. Рец. на кн. Шмурло Е. Курс русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Москва и Литва (1462-1613). Прага: б.и., 1933. С. 142; Брачев В.С. Яковенко С. Г. Евгений Францевич Шмурло // История. 2003. № 22. URL: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200302203> (дата обращения: 12.11.2013).

²⁹⁵ Лаппо И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага: Пламя, 1924.

²⁹⁶ Ковалев М.В. «Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно...»: Письма профессора И.И. Лаппо С.Г. Пушкареву (1920–1940-х гг.) // Россия и Балтия. - М.: Наука, 2014. - Вып. 7. - С. 138–164.

²⁹⁷ Цит. по Ласинкас П. И.И. Лаппо в Литве // Новый исторический вестник. 2005. № 1. URL: http://www.nivestnik.ru/2005_1/13.shtml (дата обращения 04.04.2014).

²⁹⁸ Пичета В. Рец. на кн. Авижонис К. Шляхта в государственной жизни Литвы во времена дома Вазы // Историк-марксист. 1941. №6. С. 121.

М.С. Грушевский в 1919 г. переехал в Вену, где так и не смог продолжить полноценную научно-исследовательскую работу. По этой причине в 1924 г. историк вернулся на Украину и приступил к преподавательской деятельности в Киевском государственном университете. При советской власти М.С. Грушевский прекратил исследования по западнорусской истории, а в конце 1920-х гг. подвергся репрессиям²⁹⁹.

Оставшиеся в Советской России исследователи по разным причинам не могли заниматься литовской историей. Один из виднейших представителей дореволюционной исторической науки М.К. Любавский сконцентрировал свои усилия на научно-организационной работе, включившись в борьбу за сохранение национального архивного достояния. На научном поприще он разрабатывал тему, связанную с исторической географией³⁰⁰.

А.Е. Пресняков, также как и М.К. Любавский, с первых лет начал сотрудничать с Советской властью³⁰¹. Неудивительно, что его научные интересы сместились в сторону изучения новой истории. Им были опубликованы монографии и статьи по истории российского самодержавия XIX в., движения декабристов, международных отношений России в XVIII-XIX вв. Кроме того, он пересмотрел свои позиции относительно истории средневековой Руси, обратившись к теоретическим вопросам феодализма³⁰².

В своей работе «Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки» современный российский ученый В.В. Тихонов наглядно проиллюстрировал, что «несмотря на неприятие новых властей большинством историков «старой школы» и, в свою очередь, настороженное

²⁹⁹ Историки России. Биографии. С. 416.

³⁰⁰ Там же. С. 372.

³⁰¹ Алаторцева А.И. Советская историческая периодика 1917-середина 1930-х годов. М.: Наука, 1989. С. 83.

³⁰² Историки России. Биографии. С. 489-490.

отношение к ним со стороны советской элиты, сотрудничество с властями оказалось достаточно активным»³⁰³.

В.И. Пичета, будучи с 1921 г. на посту ректора Белорусского государственного университета, посвятил свое творчество становлению белорусской советской исторической науки. В 1921 г. издана написанная им еще до революции книга «История Литовского государства до Люблинской унии», но опубликована она была не в Советской России, а в Вильно, являвшейся в то время столицей Срединной Литвы. В это время В.И. Пичета написал только две работы, связанные с историографией Литвы: в 1922 г. он опубликовал монографию «Введение в русскую историю», в которой поместил сообщения о белорусско-литовском летописании и белорусской историографии, а в 1926-1927 гг. в журнале «Полымя» напечатал статью «Разработка истории литовско-белорусского права в XV-XVI вв. в историографии». Эти исследования были переработаны в курс лекций по источниковедению, который он читал в Белорусском государственном университете и Белорусском народном университете в Москве. Только после репрессий 1930-х гг. он возвращается к исследованиям в области истории Литвы³⁰⁴.

Пострадал от «гонений» историк права ВКЛ И.А. Малиновский, который после разгрома Всеукраинской академии наук в конце 1920-х гг. оказался в опале³⁰⁵.

Из плеяды «старых специалистов» в 1920-е гг. помимо В.И. Пичеты лишь М.Ф. Довнар-Запольский написал работу под названием «История

³⁰³ Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. С. 67.

³⁰⁴ Пичета В.И. История Литовского государства до Люблинской унии. Вильно: типография Жайбас, 1921; он же. Введение в русскую историю: (источники и историография). М.: Государственное издательство, 1922. С. 76-87, 178-192; он же. Разработка истории литовско-белорусского права XV-XVI вв. в историографии. С. 413-455; Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. С. 24.

³⁰⁵ См.: Михальченко С.И. Письма М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича и их учеников в архивах России // Харківський історіографічний збірник: збірник. Вип. 8. Харків: [б. и.], 2006. С. 183.

Белоруссии», в которой посвятил большую главу истории образования Литовско-Русского государства. В связи с тем, что основные выводы исследования противоречили марксистской трактовке истории, на эту работу в 1926 г. была составлена разгромная рецензия со стороны сотрудника Общества историков-марксистов Белоруссии В.А. Сербента. Основоположника белорусской историографии обвинили в «национал-демократизме», и он был вынужден покинуть Белорусскую ССР. Впоследствии на М.В. Довнар-Запольского со стороны властей оказывалось большое давление, а его имя было вычеркнуто из советской историографии. Проблемный труд историка увидел свет только в начале 2000 гг.³⁰⁶.

Научные изыскания марксистских ученых 1920—1930-х гг. по истории Литвы носили отрывочный характер. В одной из первых марксистских работ по истории «Русская история с древнейших времен», написанной «пионером» советской исторической науки М.Н. Покровским, о Литве упоминалось лишь вскользь: во втором томе своего курса автор обращается к прошлому Литвы в главе, где освещается борьба Московского государства за Украину. Историк делает вывод о существовании литовско-русского феодализма. По отношению к Киевской земле Литва, по мнению исследователя, являлась сильным сюзереном, который, как и всякий феодальный сюзерен, не вмешивался во внутренние дела аннексированных территорий³⁰⁷.

После разгрома белорусской исторической науки в конце 1920-х гг. история ВКЛ фактически оказалась под негласным запретом. Например, в 1928 г. был опубликован лишь один том из четырехтомной коллекции документов Литовской метрики, подготовленной к изданию еще до

³⁰⁶ Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск.: Беларусь, 2003; Михальченко С.И. Неопубликованная «История Белоруссии» М.В. Довнар-Запольского // Археографический ежегодник за 1992 год. М.: Наука, 1994. С. 256; Историки России. Биографии. С. 436; Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). С. 95.

³⁰⁷ Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1: Русская история с древнейших времен. Т. 1. Т. 2. М.: Мысль, 1966. С. 455-457.

революции. Следующий том вышел только в 1980-е гг., а изучением белорусско-литовского летописания занялись лишь в конце 1960-х гг.³⁰⁸.

Отсутствие литовской и западнорусской проблематики в литературе 1920 - первой половины 1930-х гг. связано с теми процессами, которые в это время происходили в исторической науке. После революции наследие «буржуазной историографии» подверглось коренному пересмотру, и преемственность традиций изучения литовской истории была нарушена. «Старым специалистам» в эти года невероятно сложно было приспособиться к сложившимся реалиям и продолжать заниматься научной деятельностью. К тому же стоит учитывать, что на дореволюционных исследователей оказывается постоянное давление со стороны власти. В конце 1920-х гг. были ликвидированы различные исторические и археологические общества, реорганизована Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. На всю страну прогремело так называемое «Академическое дело», сфабрикованное против многих видных историков, подвергшихся в итоге заключениям и ссылкам. Среди репрессированных — М.К. Любавский, В.И. Пичета и С.Ф. Платонов. Из этого списка блестящих ученых только В.И. Пичета в 1935 г. смог вернуться к научной и образовательной деятельности.

Советские историки могли нормально функционировать только в рамках определенного набора тем, который строго регламентировался со стороны власти. Литовской тематике в советской науке не нашлось место. Большевики обращались к истории с позиции «полезности», т.е. «красная профессура» и «старые специалисты» проводили свои научные изыскания преимущественно с установкой на современность или уходили в краеведение³⁰⁹.

³⁰⁸ Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. С. 24-27.

³⁰⁹ Подробнее об этом: Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014.

В результате глобальных трансформаций 1920-х гг. в СССР такой исследовательский предмет, как история Литвы, оказался на периферии советской историографии. Знакомство с работами советских авторов означенного периода позволяет сделать вывод о наличии в советском нарративе отрывочных и не систематизированных данных по литовскому прошлому.

В первой половине 1930-х гг. советское руководство осознало ценность прошлого для становления настоящего. Историческая наука позволяла творцам нового курса сформировать «правильное» отношение многонационального советского общества к власти и объяснить посредством истории недавно произошедшие и происходящие в данный момент события. По этим причинам исторические знания стали активно использоваться партийно-государственным руководством для формирования нового мировоззрения и становления коллективных представлений о прошлом. Рассматривались только те явления, которые были важны для советской действительности. Факты, не соответствовавшие этим установкам, предавались забвению. Историки не только отбирали определенные данные, на основании которых реконструировали историю, но и рассматривали их с позиций догм «марксистско-ленинского учения». Марксизм в советской версии стал теоретическим каркасом исторической науки. Высшее руководство страны принимало личное участие в создании ключевых звеньев новой исторической доктрины. Изменения в идеологии зачастую приводили к модификации концепций истории³¹⁰.

Возвращение интереса к литовскому прошлому и правильная постановка предмета истории Литвы в советской историографии, по мнению одного из корифеев литуанистики В.Т. Пашуто, были связаны с разгромом

³¹⁰ Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М.: Московский рабочий, 1993. С. 109; *см. так же*: Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005.

«школы» Покровского³¹¹. С этим, однако, сложно согласиться, так как обращение к литовской тематике в этот период было вызвано не идеологической кампанией против учеников М.Н. Покровского, а изменением отношения партийного руководства к роли исторической науки и включением Литвы в состав Советского Союза, которое потребовало оформления официальной позиции власти касательно прошлой Литвы. Перед советскими учеными была поставлена задача интегрировать историю литовского народа в общую концепцию истории СССР.

В конце 1930-х гг. советские читатели, как правило, могли познакомиться только с фрагментированным прошлым Литвы, и только в рамках трудов по истории Украины и Белоруссии. И.Ф. Лочмель, К. Гуслистый, и В.В. Мавродин в своих исследованиях по белорусско-украинской истории раскрывают отдельные эпизоды литовской истории, связанные с овладением Литвой западнорусских земель. Согласно И.Ф. Лочмелю, население русских, белорусских и украинских территорий из-за страшного монголо-татарского нашествия было вынуждено подчиниться литовским князьям. В.В. Мавродин конкретизирует, что Литва в отличие от татар «не рушила старину» и «не вводила новизну». К. Гуслистый добавляет, что власть литовцев была менее тяжелой чем иго Золотой орды и польское господство³¹².

Первой работой в Советском Союзе, посвященной собственно средневековой истории Литвы, была написанная А. Соколовым в 1935 г. тринадцатистраничная брошюра под № 22 и названием «Литовско-русское государство». По замыслу Горьковского краевого отдела народного образования она была напечатана в помощь учителю 8 класса средней школы

³¹¹ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. С. 240.

³¹² Лочмель И. Ф. Борьба белорусского народа против литовского и польского ига // Исторический журнал. 1938. № 7. URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/7971131> (дата обращения: 04.02.2013); Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). С. 381; Гуслистый К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст.. по 1569 р.). С. 4.

по гражданской истории. А. Соколов при составлении этой небольшой информационной справки опирался на выводы дореволюционных литаунистов, которые рассматривал с позиций марксизма-ленинизма. Для него Литовское княжество XIV столетия — это Литовско-Русское государство, являвшееся наряду с Московским княжеством крупным феодальным объединением, в котором под влиянием земель, некогда входивших в Киевскую Русь, окончательно оформились феодальные отношения. Интересно, что автор писал не только о захвате Литвой территорий со славянским населением, но и об их добровольном присоединении. Например, Пинск, Туров, Витебск, Минск по причине хороших экономических связей с “западно-европейской торговлей”, а также пытаясь сохранить свою внутреннюю самостоятельность из-за давления со стороны Твери, переходили под покровительство Гедимина³¹³.

В 1939 г. на свет появилось полноценное исследование по истории средневековой Литвы. Это была посмертная книга А.Е. Преснякова «Лекции по русской истории: Западная Русь и Литовско-Русское государство»³¹⁴, подготовленная к издательству его учеником Б.А. Романовым. Основу исследования составляли лекции ученого, прочитанные им в стенах Санкт-Петербургского университета в 1908-1910 гг. Советский историк Н.Л. Рубинштейн, автор предисловия к данной книге, отметил заслугу А.Е. Преснякова в том, что тот выделил особняком вопрос о русских землях в составе Литовско-Русского государства и показал разобщенность отдельных территорий, которая мешала превращению ВКЛ в единое централизованное государство. Благожелательное отношение советской власти к А.Е. Преснякову и потребность в подобном роде произведении, несомненно, повлияли на решение об издании этой дореволюционной работы. Решение о её публикации было вполне обосновано. А.Е. Пресняков после Октябрьской

³¹³ Соколов А. Литовско-русское государство. Горький: Политотдел ВВП, 1935. С. 1-7.

³¹⁴ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Том II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М.: Соцэргиз, 1939.

революции остался в обойме историков, к которым власть после сделанной «прививки марксизма» относилась с долей уважения. Б.С. Каганович констатирует, что А.Е. Пресняков считался одним из немногих «старых специалистов», “близко подошедших к марксизму”, поэтому он печатался в таких журналах как «Красный архив», «Красная летопись», «Борьба классов», «Историк-марксист»³¹⁵.

С аннексией Литвы в 1940 г. «совпала» публикация политико-экономического очерка К.И. Рубинштейна с одноименным названием «Литва». Прежде чем рассуждать о политико-экономической ситуации в досоветской Литве, автор решил обратиться к краткому историческому экскурсу. Он был уверен в необходимости предварительного знакомства с историей средневековой Литвы, поскольку именно в эту эпоху “возникло господство польских помещиков над литовскими крестьянами”, что наложило “отпечаток на развитие Литвы до самого последнего времени”. Примечательно, что К.И. Рубинштейн пишет не о захвате литовцами русских княжеств, а об их «присоединении». Вероятно, такая трактовка была продиктована желанием представить неконфликтную, сглаженную концепцию взаимоотношений Литвы и русских земель. Исследователь идет дальше своих марксистских коллег и заявляет о позитивном для русского народа значении Литвы: литовцы, сумевшие в отличие от других балтских племен отстоять независимость, сыграли роль плотины, предотвратив проникновение немецких рыцарей на Восток³¹⁶.

Во второй половине 1930-х гг. произошла реабилитация ряда «старых» специалистов, среди которых был В.И. Пичета, являвшийся авторитетнейшим специалистом по истории Литвы XV-XVIII вв. В 1930-1940-е гг. по сути он был единственным советским экспертом по литовскому

³¹⁵ Рубинштейн Н.Л. Предисловие // Там же. С.3; Каганович Б.С. А.Е. Пресняков, петербургская школа и марксизм. URL: <http://monderusse.revues.org/pdf/81> (дата обращения 11.03.2013).

³¹⁶ Рубинштейн К.И. Литва. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. С. 3-4.

средневековью. Именно его перу в это время принадлежат рецензии на все те статьи, которые выходили в советских журналах и были в той или иной мере связаны с прошлым Литвы³¹⁷.

В 1940 г., в год включение Литвы в состав Советского Союза, В.И. Пичета в своей критической заметке на работу А.Е. Преснякова обращает внимание на отсутствие в Советском Союзе исследований, посвященных историческому наследию Литвы: «Остается пожелать, чтобы скорее была написана марксистская история Великого княжества Литовского, необходимость в которой давно ощущается». Историк попытался самостоятельно ликвидировать данный пробел. В 1944-1945 гг. В.И. Пичета закончил свой обобщающий труд «История Литвы с древнейших времен до наших дней», который был опубликован только в 1961 г. Во второй половине 1940-х гг. он был автором глав, касающихся литовского прошлого, в университетских учебниках многотомной «История СССР». В 1947 г. Бюро отделения исторических наук АН СССР отметило, что в области истории Литвы В.И. Пичета являлся высшим авторитетом в советской науке³¹⁸.

В конце 1940-х гг. дело В.И. Пичеты продолжил В.Т. Пашуто, который явился ключевой фигурой в советской литуанистике. Уже будучи состоявшимся ученым, В.Т. Пашуто напишет, что В.И. Пичета высказал немало ценных мыслей по ранней истории Литвы, но так и не оставил

³¹⁷ Пичета. В.И. Рец. на кн. Законодательные акты великого княжества Литовского XV-XVI веков». Документы и материалы по истории народов БССР // Историк-марксист. 1937. №3. С. 184-187; Пичета. В.И. Рец. на кн. Зутис Я.Я. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII века, Москва, 1937 // Историк-марксист. 1937. № 5-6. С. 202-208; Пичета. В.И. Рец. на кн. К.Гуслистый. Нариси з історії України. Вип II. Україна під литовським пануванням I захоплення її Польшею (з XIV ст. по 1569 р.) // Историк-марксист. 1940. № 2. С. 150-153; Пичета. Рец. на кн. В.И. А.Е. Прясняков. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Западная Русь и Литовско-русское государство, Москва, 1939 // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 138-140; Пичета. Рец. на кн. В.И. Константин Авижонис. Шляхта в государственной жизни Литвы во времена дома Вазы // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 120-123.

³¹⁸ Пичета В.И. Рец. на кн. А.Е. Прясняков. Лекции по русской истории. Т. II. С. 138-140; История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века / под ред. акад. Б. Д. Грекова. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1947; Пичета В.И. Белоруссия и Литвы XV-XVI вв. М.: Академия наук СССР, 1961; Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. С. 183-184.

специальных исследований, касательно данной темы. В итоге В.Т. Пашуто взял бремя написания «специального исследования» по истории Литвы на себя³¹⁹.

В 1945 г. В.Т. Пашуто поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. Через четыре года, являясь сотрудником Академии наук, он защитил кандидатскую диссертацию по истории Галицко-Волынской Руси, в которой среди прочих проблем рассматривал события, происходившие в Литве. По рекомендациям своего научного руководителя академика Б.Д. Грекова, ученый занялся историей Литвы, параллельно изучая литовский язык. В течение 1950-х гг. он выпустил блок статей и монографий, в контексте которых затрагивал внешнеполитические, внутривнутриполитические, социально-экономические аспекты прошлого литовского народа. Важное место автор отводил критике зарубежной «буржуазной» историографии истории балтийских народов³²⁰.

Итогом его работы стал фундаментальный труд «Образование Литовского государства», который В.Т. Пашуто защитил в качестве докторской диссертации в 1959 г. Эта работа В.Т. Пашуто стала основополагающим исследованием для советских ученых, которые занимались историей Литвы. Она была переведена на литовский язык и опубликована в 1971 г. в Вильнюсе. В предисловии книги он обратил внимание на актуальность исследования: «Образование Литовского государства – тема в нашей историографии сравнительно новая. Ее изучение

³¹⁹ Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 244.

³²⁰ Пашуто В.Т. Хозяйство и техника средневековой Литвы // Вопросы истории. 1947. № 8; он же. О политике папской курии на Руси (XIII в.) // Вопросы истории. 1949. № 5; он же. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950; он же. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в., М.: Учпедгиз, 1951; он же. Помезания. "Помезанская правда" как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII-XIV вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955; он же. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М.: Госполитиздат, 1956; он же. Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства // Вопросы истории. 1958. № 8; главы по истории Литвы в работе «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв.»: в 2 ч. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

имеет существенное значение для создания обобщающих трудов по истории Литовской ССР; кроме того, оно необходимо для правильной оценки политических условий развития национальных государств России, Польши и народов Прибалтики”. Автор признавал, что до появления на свет его сочинения в Советском Союзе не было работ, посвященных проблеме образования литовского государства, а в сводных трудах имелись лишь “краткие общие соображения”³²¹.

Для того чтобы правильно оценить те политические условия, в которых произошло зарождение литовской государственности, В.Т. Пашуто структурировал свою работу следующим образом: в первой части рассматриваются источники – русские и литовские (по Пашуто: литовско-русские) летописи, немецкие хроники, актовый материал, во второй части подробно разбирается дореволюционная отечественная, советская, польская, немецкая и литовская историографии, в последнем разделе характеризуется социально-экономическая, внутривнутриполитическая и внешнеполитическая ситуация в Литве с момента образования государства и до XIV в. Являясь, разумеется, сторонником формационного подхода к историческому развитию, В.Т. Пашуто анализировал проблему становления литовской государственности в тесной связи с развитием феодальных отношений в стане литовских племен. Исследование, по словам А.Ю. Дворниченко, выполнено согласно «классическим» марксистским канонам, сначала идет изучение экономических, потом политических отношений³²².

В 1969 г. В.Т. Пашуто стал заведующим только что созданного сектора истории древнейших государств на территории СССР в Институте истории СССР. Задача институции, прежде всего, заключалась в сравнительно-типологическом исследовании проблем классового общества и

³²¹ Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 241.

³²² Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 3-5, 241; Историки России. Биографии. С. 797; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 25.

государства у народов СССР. Параллельно историк начинает активно разрабатывать проблематику генезиса феодализма на его ранней стадии у балтийских народов. Совместно с Л.В. Черепниным и А.П. Новосельцевым проводится сравнительно-историческое исследование особенностей развития феодализма в четырех регионах: закавказском, прибалтийском, древнерусском и среднеазиатском. В 1972 г. выходит их работа «Пути развития феодализма», в которой В.Т. Пашуто с помощью синхростадиального анализа и на основании структурно-типологического подхода делает вывод о существовании в прибалтийском регионе двух форм синтеза феодализма: немецко-балтийской и балтийско-славянской. Немецко-балтийская форма, по его мнению, была результатом прямого военного завоевания развитыми феодальными государствами народов, не создавших свои государственные образования. Вторая форма, наиболее выраженная в Литве, возникла вследствие соглашения раннефеодального Литовского государства с феодально-развитыми княжествами Полоцко-Минской Руси. Одновременно с исследованием особенностей литовского феодализма В.Т. Пашуто вместе с Р.К. Батурой занялся изучением культуры ВКЛ. Тогда же, по инициативе В.Т. Пашуто начинается совместная с московскими, литовскими и польскими учеными подготовка к выпуску «Литовской метрики»³²³.

Всего же за время своей работы В.Т. Пашуто посвятил собственно литовской истории около 20 монографий и статей. В 1950-1970-е гг. он писал параграфы по истории Литвы практически для всех обобщающих изданий и учебной литературы (за вычетом трудов и учебников по истории союзных республик: Литовской СССР, Украинской ССР и Белорусской ССР).

³²³ Новосельцев А.П. Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972; Батура Р.К., Пашуто В.Т. Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 110-120; Мельникова Е.А., Юрасовский А.В. Сектор истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР в 1969-1978 гг. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1979 год. М.: Наука, 1980. С. 219; Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. С. 393, 395; Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство. С. 359.

Многие зарубежные и отечественные авторы неоднозначно относятся к творческому наследию В.Т. Пашуто. Например, немецкий автор Х-Х. Нольте называет советского медиевиста “политически осведомленным” учёным, занимающимся исследованиями в русле партийных установок. С немецким исследователем соглашается А.Ю. Дворниченко, который отмечает, что сочинение В.Т. Пашуто «Образование Литовского государства» носит характер «государственного заказа», содержащего в себе заранее заданную схему, и поэтому является устаревшим во многом, даже больше чем исторические труды дореволюционных историков второй половины XIX в. Е.А. Мельникова даёт следующую оценку деятельности В. Т. Пашуто: “Борец и полемист по натуре, Пашуто не мог не оказаться и втянутым в гущу общественной жизни Института — идеологического оплота и создателя официальной истории советского общества. Жизненный путь, равно как и труды Пашуто несут на себе отпечаток противоречивой, сложной эпохи: скрупулезный и тонкий исследователь сочетался в нем с блестящим полемистом, глубокий знаток древнерусских и зарубежных источников — с ярким критиком реваншизма, глубокая убежденность в правоте коммунистических идей — со стремлением к объективности и источниковедческой точности своих работ”³²⁴.

Несмотря на обилие критических стрел в адрес медиевиста надо признать, что в советский период В.Т. Пашуто — ведущий специалист в области литовской истории. Его труды, являясь отправной точкой в деле изучения литовской истории, заложили фундамент историографии средневековой Литвы в СССР. Благодаря научным изысканиям В.Т. Пашуто, проблема истории Литвы в советской исторической науке стала самостоятельным исследовательским направлением. Кроме всего прочего, он

³²⁴ Nolte H.-H. Drang nach Osten. Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. - Köln: Europäische Verlags-Anstalt, 1976. S. 214; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. С. 26; 23; Мельникова Е.А. Владимир Терентьевич Пашуто (1918-1983) // Историки России: Послевоенное поколение. М.: АИРО-XX, 2000. С. 180.

был основателем советской историко-филологической школы, внесший важный вклад в изучение прошлого советских народов. Последующие советские авторы в большинстве своем только лишь развивали выводы В.Т. Пашуто, а литовская история освещалась в 1980-х гг. преимущественно в общих изданиях или учебной литературе³²⁵.

После кончины В.Т. Пашуто в 1983 г. за написание разделов в обобщающих изданиях отвечала А.Л. Хорошкевич. Исследовательница придерживалась позиции, согласно которой ВКЛ в форме полиэтничного государственного образования не имело шансов на продолжение развития, и к концу XV в., в эпоху формирования национальных централизованных государств, оказалось анахронизмом³²⁶. В это же время появляется новая плеяда исследователей, среди которых стоит отметить Ф.М. Шабильдо, который специализировался на изучении процесса перехода юго-западных русских территорий из состава Золотой Орды в состав Литвы³²⁷, а также И. П. Старостину, изучавшую правовые аспекты прошлого ВКЛ³²⁸.

Современный российский исследователь В. В. Тихонов проанализировал документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС 1950-х гг., которые показывают, как происходил контроль за “национальными историями” в период оформления советской концепции прошлого. Автор заключает, что “формирование концепций национальных историй не было односторонним процессом”, так как участие в нём принимали в том числе и национальные кадры, которые получали поддержку от местной партийной верхушки, заинтересованной в выгодном для нее отображении прошлого³²⁹.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Хорошкевич А.Л. Великое княжество Литовское // История Европы. Средневековая Европа. Т. 2. М.: Наука, 1992. С. 432-437.

³²⁷ Шабильдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987.

³²⁸ Старостина И. П. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988-1989 гг. М.: Наука, 1991. С. 170-344.

³²⁹ Тихонов В.В. Российский государственный архив новейшей истории: документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР // Вестник архивиста. - 2017. - № 4. – С. 143.

В этой связи возникает вопрос: а какова роль литовских историков в создании советских нарративов литовского Средневековья? Мы приходим к выводу, что их вклад в формирование советской версии истории средневековой Литвы был невелик.

Вот на чём основываются наши утверждения. В 1953 г. на свет появились первые две части книги «Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв.». Именно в этом издании были отчетливо обрисованы основные контуры литовской истории, которые впоследствии, как правило, обязательно встречались в каждом исследовании, связанном с прошлым Литвы. Автор глав по истории Литвы в этом труде — В.Т. Пашуто, который, учитывая основные задачи советского нациестроительства, нарисовал советскую картину Средневековья Литвы. Позднее свои взгляды он развил в докторской диссертации «Образование Литовского государства». Так сложилась советская концепция литовской национальной истории.

Трактовки литовского Средневековья в обобщающих литовских изданиях в большинстве случаев соответствовали тому курсу, который вырабатывал В.Т. Пашуто. Адаптацией этих стандартов к литовским реалиям занимался директор Института истории АН Литовской ССР Ю. Жюгжда. Литовский исследователь А. Шведас показал, что в литовской науке были предприняты (в частности, Ю. Юргинисом)³³⁰ попытки создания альтернативных дискурсов, но эти интерпретации не вышли на всесоюзный уровень, ограничившись масштабом локальных научных баталий внутри Литовской ССР. Как считает один из самых авторитетных литовских медиевистов Э. Гудавичюс, литовские советские историки не смогли совершить качественный прорыв после В. Т. Пашуто, хотя условия для этого были³³¹.

³³⁰ Более подробно: Švedas A. *Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985)*. - Vilnius: aidai, 2009.

³³¹ Gudavičius E. *Ar pasistumeta sovietinėje istoriografijoje po Henriko Lowmiańskio "Studijų apie Lietuvos valstybes ir visuomenės genezę" // Lietuvos sovietinė istoriografija: teoriniai ir ideologiniai kontekstai*. Vilnius: Aidai. P. 132-134.

Вместе с тем альтернативные подходы к прошлому Литвы время от времени возникали в советской науке. Например, советский этнолог Л. Н. Гумилев в контексте пассионарной теории этногенеза рассматривает балтов как захватчиков русских земель, которые стали жертвой литовской агрессии³³². Он указывал на то, что литовские пассионарии Ольгерд и Гедимин нанесли “русичам” больше вреда, чем походы Батые, так как литовцы не просто нападали, но еще и “оккупировали русские земли”. Востоковед удивляется тому, что никто не сравнивал количество татарских и литовских походов на Русь. В условиях «пассионарного толчка», резюмирует Л. Н. Гумилев, литовские князья воспользовались “природной воинственностью” балтов для расширения своего государства. При этом русские князья предпочли “капитуляцию”, в отличие от Ордена и Польши, которые сопротивлялись литовским язычникам. Т.е. древние русские земли выбрали путь подчинения³³³.

Кроме того, в 1960-е гг. была предпринята попытка вернуть в научный оборот дореволюционную концепцию, согласно которой Литва рассматривалась как «Другая Русь». За рамки советских классических сюжетов литовского Средневековья попробовал выйти сотрудник Института славяноведения АН СССР И. Б. Греков, который полагал, что объединение русских земель в конце XIII — XIV в. было связано с тремя центрами: Московским, Литовским и Галицко-Волынским княжествами. Историк вслед за дореволюционными авторами писал о том, что ВКЛ — это русское государство, которое не “формально”, а на практике старалось осуществить программу восстановления целостности Руси. Тем не менее его взгляды не разделял В.Т. Пашуто, который утверждал, что источники не подтверждают

³³² Данный сюжет был характерен для советской историографии 1930–1950-х гг. Впоследствии подобного рода зарисовки исчезли из советского научного дискурса. Л.Н. Гумилев не просто «вернул» эту тему, но еще и развил в рамках своей пассионарной теории этногенеза: Литва не один из ряда иноземных захватчиков, а главный враг!

³³³ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Спб.: Кристалл, 2001. С. 496, 504-505, 509, 511, 560-561, 567.

выводы И.Б. Грекова³³⁴; поэтому неудивительно, что подобного рода идеи появляются вновь только в период распада Советского Союза, когда историк С.В. Думин, реабилитируя восприятие ВКЛ как «Другой Руси», вернулся к дореволюционным оценкам роли Литвы в процессе собирания русских земель. По мнению ученого, многим может показаться удивительным тот факт, что восточнославянское население Литовского княжества считало Русью именно свое государство. Литовцы и жмудины оказались «национальным меньшинством» в «Великом княжестве Литовском и Русском»³³⁵.

Таким образом, версия литовской истории В. Т. Пашуто, которую он оформил в 1950-х гг., используя задел, созданный учеными второй половины 1930-х — 1940-х гг., занимала центральное положение в советской исторической науке до конца существования СССР. В 1960–1980-е гг. эта версия была дополнена частностями, но ее основные утверждения не только не претерпели существенных изменений, но и, за редким исключением, не подвергались сомнению.

3.2. Концепция средневековой литовской истории и политика реконструкции прошлого в советской историографии

В 1940-1950-е гг. были сформированы устойчивые каноны советской исторической науки, в соответствии с которыми возникла классическая система исторических представлений³³⁶. Параллельно с этим сложились ключевые сюжеты, в контексте которых происходила репрезентация литовской истории. Данные сценарии были напрямую взаимосвязаны с

³³⁴ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. С. 18, 38-41; Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. С.28.

³³⁵ Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское). С. 77-79.

³³⁶ Советская историография. С. 159.; 70. Тихонов В.В. Идеологические кампании "позднего сталинизма" и советская историческая наука, середина 1940-х - 1953 г. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 376.

важнейшими событиями в истории СССР, соответствовали парадигме советского партийно-государственного дискурса и отвечали потребностям политических практик. Средневековое прошлое Литвы в советской науке отображалось при помощи четырех базовых сюжетов: становление Литовского раннефеодального государства, образование ВКЛ и генезис феодальных отношений в Литве, глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов, совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток», захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель.

Становление Литовского раннефеодального государства, образование ВКЛ и генезис феодальных отношений в Литве.

Тема «Литва – раннефеодальное государство» — это единственный сюжет, который в советском нарративе посвящен собственно литовской истории. Здесь основной упор делался на исследовании взаимосвязи генезиса феодальных отношений в Литве с началом литовской государственности. Особая заслуга в разработке указанной темы принадлежит В.Т. Пашуто.

Данная проблема привлекала внимание советских историков в связи с тем, что литовцам, в отличие от других балтских народов, удалось создать свое собственное государство. А вопрос образования государства для советской историографии имел существенное значение, так как показывал переход национальной общности из одной формации в другую. Надо также учитывать, что возникновение литовской государственности и история ВКЛ являются для литовцев «сакральными» сюжетами. Как указывает В.В. Тихонов: “именно древнейшие периоды являются важнейшим элементом исторической мифологии, на которой строится этническое самосознание”. По этой причине советское руководство, нуждавшееся в поддержке

населения Литвы, модифицировало набор традиционных символов и образов прошлого³³⁷.

Советские историки схематизировали раннюю историю литовского народа в русле общей концепции истории СССР, марксистско-ленинской теории и формационного подхода к интерпретации исторического процесса, в результате чего литовским племенам в IX-XIII вв. были присвоены в качестве основных характеристик такие процессы как классовое расслоение, развитие частной собственности и производительных сил, становление общественного неравенства, наступление местной знати на права и земли лично свободных общинников т.д.³³⁸.

Интересы знати, по мнению В.Т. Пашуто, в это время требовали создания прочной надстройки единого государства – “аппарата власти, подавляющего сопротивление подвластного крестьянства, за счет которого росло крупное землевладение”. В итоге Литва перешла “от первобытно-общинного строя к феодализму”. Обязательно подчеркивалось, что по сравнению с Русью становление феодальных отношений в Литве шло более медленными темпами. По этой причине только в XIII в. на территории, где проживал литовский этнос, произошло формирование “относительно единого раннефеодального государства”. Примечательно, что фактически в каждом издании Литва XIII-XIV вв. идентифицируется как «Литовское раннефеодальное государство»³³⁹.

³³⁷ Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // *Ab Imperio*. - 2009. - № 3. - С. 8-9; Тихонов В.В. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // *Исторический журнал: научные исследования*. - 2016. - № 2. - С.183-184.

³³⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 672-679, 779.

³³⁹ Там же. Ч. 1. С. 677, 687-688; Ч. 2. С. 478, 482; История Латвийской ССР. Т. 1. С. 80; История Литовской ССР. С. 36-39, 42; История Украинской ССР. Т.1. С. 114; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. С. 173; История СССР: С древнейших времен до 1861 года. Ч. 1. / под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. С. 170; Шаджус Г.А. Литовская Советская Социалистическая Республика С. 710; Батура Р.К., Пашуто В.Т. Культура Великого княжества Литовского. С. 96; Флоря Б.Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовском поле // *Куликовская битва*. М.: Наука, 1980. С. 143; Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Литва. С. 65; Хорошкевич А.Л. Великое княжество Литовское. С. 432.

Впрочем, исключение составляет одна из ранних работ В.Т. Пашуто “Очерки по истории галицко-волынской Руси”, в которой он называет Литву XIII в. «дофеодальным» государством³⁴⁰. Такая точка зрения автора говорит нам о том, что в конце 1940-х гг. в советской науке не сложилось четкой позиции по отношению к той формационной стадии, на которой находится литовский народ. Все точки над «I» были расставлены в 1950-е гг.³⁴¹.

Появление государства в Литве, по мысли В.Т. Пашуто, не было “исторической случайностью”, а явилось закономерным результатом “внутреннего социально-экономического ее развития в предшествующие столетия”. Данный тезис В.Т. Пашуто превратился в клишированное выражение, переходившее из работы в работу, и приводившееся зачастую без какой либо доказательной базы³⁴².

В подобном дискурсе восприятие собственно литовской истории происходило в социально-экономической плоскости сквозь призму основных постулатов марксизма-ленинизма. Образ средневековой Литвы отчасти конструировался за счет применения марксистских категорий, с помощью которых характеризовался уровень общественно-экономического развития литовского народа, благодаря чему история Литвы оказалась включена в советскую систему исторических представлений.

В процессе своего развития литовская государственность, по предположению В.Т. Пашуто, претерпела определенную трансформацию: конфедерация литовских земель сменилась их союзом, возглавляемым

³⁴⁰ Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 93.

³⁴¹ М. Н. Тихомиров в учебнике по истории СССР для вузов (1948 г.) главным фактором образования Литовского государства называет нападение со стороны немецких рыцарей. Никаких рассуждений о том, на какой формационной стадии находились литовцы во время формирования государства, в его учебнике мы не встречаем. (*История СССР. С древнейших времен до 1861 г. Т. I. / Под. ред. М.Н. Тихомирова, Дмитриева С.С. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 78*).

³⁴² Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 2. С. 478; Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 5; Ючас М.А. Изучение истории Литвы периода феодализма в работах советских историков // *Историографические исследования в Советской Прибалтике и Белоруссии. Материалы научной сессии, посвященной 50-летию образования СССР. Рига: 1972. С. 25-26.*

князьями Аукштайтии, после чего в XIII в. образовалось единое раннефеодальное государство, кристаллизирующиеся с присоединением белорусских и украинских территорий в ВКЛ, в котором в середине XIV в. наблюдаются элементы феодальной раздробленности. Литовское княжество не было однородным территориально-этническим образованием, а состояло из трех частей: Аукштайтии, Белоруссии и Жемайтии. Для В.Т. Пашуто, Литовское государство — это неравноправная федерация, в которой в итоге все служило власти “литовского правящего сословия”³⁴³.

Причем, коренные литовские территории в нем составляли “лишь около 1\10 в сравнении” с восточнославянскими землями, которые издревле были связаны с другими русскими землями. Тезис о том, что русские земли в ВКЛ составляли 9/10 от объединенного государства был заимствован из дореволюционной историографии и использовался для того, чтобы показать масштаб влияния русского народа на литовский этнос. Во второй половине 1970-х гг. А.К. Зайцев на основании карт И.А. Голубцова провел подсчет, согласно которому территория самой Литвы соотносилась с украинскими, белорусскими и русскими землями в 1341 г. как 1:2,5, а в 1430 - как 1:12³⁴⁴. Таким образом, представление о территориальном и демографическом превосходстве русского, украинского и белорусского над литовским народом в XV в. экстраполировалась на всю историю ВКЛ.

В этих обстоятельствах для советских историков возрождение «Великороссии» ознаменовало собой начало конца ВКЛ. В Литовском государстве в отличие от “России” процесс централизации так и не совпал “со слиянием отдельных групп в единый господствующий класс”³⁴⁵.

³⁴³ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 2. С. 494; Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 6-7, 339, 364-365; он же. Против буржуазных концепций образования Литовского государства С. 56; он же. Русь. Прибалтика. Папство. С. 374; Всемирная история. Т.Ш. С. 804.

³⁴⁴ Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского. С. 95.

³⁴⁵ Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. С. 27, 52.

Глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов

Осмысления итогов строительства «социализма», укрепление советской власти на местах и ситуация первой половины 1930-х гг. на международной и внутренней арене потребовали разработки новых принципов единства многонационального государства, которые бы упрочивали основы Советского Союза. В декабре 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, отменяющее политику «украинизации» на территории РСФСР. С этим событием американский исследователь, профессора Гарвардского университета Т. Мартин связывает начало формирования новой национальной доктрины в СССР, для которой была характерна рационализация курса по коренизации, реабилитация русской культуры и прекращение кампании против «великодержавного шовинизма»³⁴⁶.

В 1935 г. И.В. Сталин на собрании в честь таджикских и туркменских передовых колхозников употребил метафору «дружба народов», что оказалось важной вехой в оформлении новой национальной концепции. В этом же году он заявил, что «былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет»³⁴⁷.

Определенные результаты перемен в национальной политике в 1938 г. в брошюре «Великий русский народ» подвел главный редактор «Исторического журнала» Б.М. Волин. Партийный публицист указал, что «народы СССР гордятся своим старшим братом, первым среди равных в

³⁴⁶ Мартин Т. Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 422, 541.

³⁴⁷ Там же. С. 600; Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. С. 111.

братской семье народов”, тем самым он продемонстрировал новоиспеченную иерархию народов³⁴⁸.

Так, во второй половине 1930-х гг. закладывается фундамент советской концепции нациестроительства — «дружбы народов», для которой были свойственны следующие идеи: во-первых, русский народ в Советском Союзе является первым среди равных, во-вторых, русский народ регулярно оказывал и оказывает нерусским народам «братскую помощь», в которой они постоянно нуждались и нуждаются, в-третьих, русскому народу принадлежит ключевую объединяющую роль в СССР, в-четвертых, русская культура постоянно позитивно воздействует на народы, входящие в состав СССР³⁴⁹.

Для подкрепления ключевых положений новой национальной доктрины советские идеологи обратились к событиям прошлого. Все это привело к тому, что концепция «дружба народов», заменившая собой доктрину «братство народов», стала постепенно проецироваться на родную историю. Согласно новым концептуальным канонам ученые в своих исследованиях подчеркивали перманентное стремление народов СССР к союзу с русским народом. История народов СССР преподносилась как единый процесс, а конфликты между ними заретушировали. В начале 1950-х гг. в советском историческом нарративе распространение получила установка, в соответствии с которой присоединение каждого народа к России оценивалось как «абсолютное благо»³⁵⁰. Данные тезисы превратились в аксиому как для научной, так и для учебной литературы.

В. В. Тихонов убедительно показал, что Сталинскую премию — высшую советскую награду в области науки и искусства, как правило,

³⁴⁸ Волин Б.М. Великий русский народ. М.: Молодая гвардия, 1938. С. 3.

³⁴⁹ Мартин Т. Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923-1939. С. 617-623.

³⁵⁰ Там же. С. 593; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. С. 538, 596-598; он же. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). С. 437-446; Тихонов В.В. Российский государственный архив новейшей истории: документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР. С. 135-146.

получали те авторы, чьи работы не только «отражали идеологию «дружбы народов», но и являлись ее проводником». Такие историки занимали впоследствии высокие научные и административные посты, а их книги оказывались научным источником для школьных учебников и обобщающих изданий³⁵¹.

В 1940 г. Литва оказалась в составе Советского Союза. В результате назрела необходимость объяснить причины присоединения Литвы и тем самым идеологически легитимировать Советскую власть в глазах литовского населения и других народов СССР. После введения советских войск в Литву, массовых ссылок литовцев в Сибирь, разрушительных последствий Второй мировой войны, активной политики «советизации», проводимой в Юго-Восточной Прибалтике, Советский Союз долгое время в Литве воспринимался в негативном свете. Историческая наука являлась действенным идеологическим орудием, позволяющим на основании исторических прецедентов продемонстрировать predetermined закономерность вхождения Литвы в СССР и сформировать позитивное отношение литовцев к новой власти. Таким образом, при конструировании новой советской концепции литовской истории ученые-марксисты исходили из основных положений доктрины «дружбы народов». События 1940 г. трактовались как освобождение от «империалистической каббалы» и возвращение Литвы в семью братских республик, в которой литовский народ обретает «свою подлинную свободу и независимость»³⁵².

В советском историческом дискурсе принципиальное значение придавалось анализу исторических фактов, подтверждающих наличие «незыблемой» и «нерушимой дружбы» между русским и литовским народами в далеком прошлом. Важное место отводилось иллюстрации примеров о

³⁵¹ Тихонов В. В. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР. С. 183-184.

³⁵² История Литовской ССР. Часть I. С. 3; Андреев А.М. Борьба литовского народа за Советскую власть 1918–1919. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 163.

прогрессивной роли русского народа в истории Литвы. В этой схеме “великий русский народ” — “старший брат”, “исторический союзник”, “руководитель”, воспитывающий и защищающий своего младшего сородича в лице литовского народа. Несмотря на череду столетий, “переживая сменяющиеся государственные и правовые институты”..., “братская дружба” сохраняла свою силу³⁵³.

Советские историки проводили прямую связь между наследием Древней Руси, русских княжеств, Московского государства и Советским Союзом. Понятие «русский» являлось синонимом слова «советский»³⁵⁴. В данном случае история воспринималась как закономерный поступательный процесс развития, поэтому положительное влияние Руси, Московского княжества, Российской империи на литовский народ в прошлом доказывает, что присоединение Литвы к СССР имеет прогрессивное значение прежде всего для самих балтов. Здесь следует учитывать, что если к СССР присоединялась та или иная народность, бывшая уже в составе «своих» предшествующих политических образований, то тогда для обоснования необходимости присоединения использовалась стратегия преемственности традиций совместной государственности. Исторический прецедент использовался как аргумент для обоснования территориального расширения.

Одно из главных положений концепции «дружба народов», заключалось в том, что исторические судьбы литовского, латышского и эстонского народов “издавна связаны” с судьбами Руси, имевшей “устойчивые позиции в языческой Прибалтике”. Взаимоотношения литовских племен и русских княжеств оценивалось как “тесное

³⁵³ История Литовской ССР. Часть I. С. 4. 88; Андреев А.М. Борьба литовского народа за Советскую власть 1918–1919. С. 9; Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. С. 240.

³⁵⁴ Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. С. 115.

сотрудничество”, которое подразумевало под собой “большое” “прогрессивное” экономическое и культурное воздействие Руси на Литву³⁵⁵.

О “тесной связи” между литовцами и русскими в глубокой древности свидетельствуют археологические источники, показывающие наличие значительного славянского влияния на литовскую материальную культуру. Христианство, по мнению советских ученых, также приходит в Прибалтику из Руси. Создание государственности и переход к стадии раннефеодального государства происходили благодаря взаимодействию литовцев с русскими культурными и социально-правовыми элементами³⁵⁶.

В частности, советские исследователи непременно упоминали, что языческая Литва в общественно-экономическом и культурном отношении “стояла значительно ниже Руси”, подтверждением чего служат множественные литовские заимствования на Руси, которая привносила с собой в Юго-Восточную Балтику более высокую духовную и материальную культуру. Например, литовское государство восприняло русский язык и русское право, а часть литовских феодалов — православие. Начало письменности в Литве напрямую взаимосвязано с русской культурой. Литовский историк И. Ионинас пишет, что исторические знания в ВКЛ “развивались под непосредственным влиянием древнерусской историографии”³⁵⁷.

³⁵⁵ История СССР. С древнейших времен до 1861 г. / Под ред. М.Н. Тихомирова, Дмитриева С. Т. I. С. 86; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 695.; Ч. 2. С. 572.; Пашуто В.Т. Очерки по истории галицко-волинской Руси. С. 242; он же. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 92-95; он же. О политике папской курии на Руси (XIII век). С. 55; История Эстонской ССР (С древнейших времен до наших дней). С. 33.

³⁵⁶ История Литовской ССР. Часть I. С. 53-55; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 695; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 95; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. С. 96; История Литовской ССР. С. 42; Жюгжда Ю.И. Взаимоотношения литовского и русского народов в историческом развитии // Советская Прибалтика в братской семье народов СССР: Материалы межресп. семинара-совещания в г. Риге 6-10 июня 1960 г. [Вып.]. 1. Рига: Латгосиздат, 1960. С. 37-39.

³⁵⁷ Гуслистый К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). С. 30-32; Лочмель И.Ф. Очерк истории

Иную точку зрения представил академик А. Готье, который в 1941 г. на страницах журнала “Историк-марксист” указал, что влияние Руси на Литву до XIII в. “было довольно слабым”³⁵⁸. Такая позиция отчетливо говорит нам о том, что в это время отсутствовала сформированная концепция литовской истории и были возможны вариативные трактовки одних и тех же эпизодов. В связи с этим порой возникали конфликтные ситуации. В частности, на книгу «Ледовое побоище и Раковорская битва» старшего научного сотрудника Института истории АН СССР М. Н. Тихомирова была составлена аналитическая справка о недостатках идеологической работы, которая легла на стол А. С. Щербакову. В ней указывалось: “... впадает в серьезную политическую ошибку, утверждая вслед за немцами, что... отношения русских князей с народами Прибалтики якобы преследовали грабительские цели... Следуя немецким источникам, автор утверждает, что искони русские города... в которых сидели русские удельные князья, являлись якобы лишь аванпостами и свидетельствовали о колонизаторской захватнической политике русских князей... Работа профессора Тихомирова ничего, кроме вреда, принести не может”³⁵⁹.

Согласно советскому подходу, русские земли, выступая в роли «верного союзника» и «соратника», обязательно предоставляли литовцам постоянную военную помощь в общей борьбе с «иноземными захватчиками».

борьбы белорусского народа против польских панов. С. 7; Рубинштейн К.И. Литва. М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. С. 5; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 252; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 513, 573; История Белорусской ССР. Т. 1 / Под ред. действ. чл. АН БССР В. Н. Перцева; Акад. наук Белорус. ССР. Ин-т истории. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1954. С. 65; История Украинской ССР. Т. I. С. 115; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 122, 127; Палецкис Ю. Думы о старшем брате. С. 4; Всемирная история. Т. III. С. 804; Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Литва. С. 67.

³⁵⁸ Готье Ю. Балтийский вопрос в XIII-XVI веках. С. 90.

³⁵⁹ Справка о недостатках идеологической работы на имя А. С. Щербакова // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 684-685.

Благодаря победам, которые одержали русские войска над немецкими крестоносцами в XIII в., Литва смогла отстоять свою независимость. Вследствие борьбы русского народа с татарами литовские земли были спасены от опасности монгольского нашествия. Триумф русских войск в Куликовской битве продемонстрировал балтским народам пример “освободительной борьбы”. Кроме того, экономическая связь Литвы с русским, украинским и белорусским народом предоставила литовцам возможность нанести захватчикам решительный удар при Грюнвальде. Планы польских панов и католической церкви уничтожить литовскую культуру и литовский язык оказались не реализованы по причине культурного взаимодействия восточнославянских народов с Литвой³⁶⁰. Таким образом, в данной схеме Русь выступала как активный субъект, положительно воздействующий на Литву, которая в свою очередь являлась объектом, закономерно вбирающим в себя «прогрессивные» элементы русской цивилизации.

Русские земли и братские народы в окружении врагов

Тезис о постоянной обороне от «иноземного захватчика» был актуализирован партийно-государственным руководством в переломный момент советской истории. В 1930-е гг. на международной арене складывалась напряженная внешнеполитическая обстановка. Угроза СССР со стороны национал-социалистической Германии принимала реальные очертания. Отсутствие надежных союзников и постоянное давление, оказываемое западными державами, поставило перед Советской властью задачу мобилизовать патриотические настроения в стране. По этой причине

³⁶⁰ История Литовской ССР. Ч. I. С. 56, 87; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 336, 468, 574, 688; Ч. 2. С. 574; 282. Lietuvos TSR istorija: Nuo seniausią laikų iki 1861 metų. T. 1. Vilnius: Politines ir Mokslines Literatūros Leidykla, 1957. P. 71; Палецкис Ю. Думы о старшем брате. С. 11; Латвийская ССР. С. 4; Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 375; он же. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV веках. С. 126-127; Жюжда Ю.И. Взаимоотношения литовского и русского народов в историческом развитии. С. 38.

положение о непрекращающейся борьбе с внешним противником было внесено в научный дискурс.

Освещение литовской истории также происходило в рамках сюжета о перманентных попытках врагов захватить русские земли и поработить русский народ. Как заметил А.И. Филлюшкин, “временная победа не идет поработителям впрок. Оккупация русских земель может означать лишь краткое торжество неприятеля; и является точкой отсчета обратного процесса, освободительного движения, неизбежно ведущего супостатов к гибели”³⁶¹.

Советскими учеными формировалось представление о том, что русский народ постоянно находится в кольце врагов, которые в силу различных причин время от времени оккупируют русские территории. Например, история XIII в. рассматривается как напряженный и наполненный героизмом период борьбы русского народа за свою “независимость”, за свою “землю и свободу от многочисленных врагов”. «Враги» классифицируются как по национальному, так и по классовому признаку. С точки зрения национальных критериев, в средневековье врагами русского народа являлись половцы, монголы, немцы, шведы, датчане, венгры, поляки, литовцы, папская курия, т.е. “полчища иноземных захватчиков” и “чужеземцев”. В свою очередь, классовыми «врагами» были “феодалы”³⁶².

«Враги», нанося удар за ударом, наступая на Русь с Востока и нападая с Запада, расшатывали целостность русских земель. Потеря русских территорий обязательно оказывалась временным явлением. Могучая русская держава, несмотря на все сложности, неизменно “возрождалась из пепла”, сбрасывала с себя “многовековое иноземное иго” и “сплывала” вокруг себя

³⁶¹ Филлюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала. С. 568-569.

³⁶² Лурье А.Я. Александр Невский. С. 5; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 776; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 3, 138, 255; История Украинской ССР. Т.1. С. 105; Всемирная история. Т.III. С. 591; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. С. 178; История СССР: С древнейших времен до 1861 года / под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. Ч. 1. С. 174-175.

«братские народы», выступая в роли “объединителя”. Иными словами, русское централизованное государство восстанавливало свои исторические права на захваченные врагами земли, а «братские народы» находили “опору” в русском народе и возвращались в родную стихию³⁶³.

Литовские земли в советской историографии воспринимались как «наши». Например, присоединение литовских территорий к Российской империи после разделов Речи Посполитой, включение Литвы в состав СССР в 1940 г. оценивалось как «реституция» потерянных земель. Советские историки характеризовали итоги разделов Речи Посполитой как “воссоединение” литовского народа с “великим русским народом”. Включение Литвы в 1940 г. в состав Советского Союза интерпретировалась как «возвращение» Литвы в “семью советских республик”, как законное «восстановление» советской власти, которое имело прогрессивное значение, прежде всего, для литовской истории³⁶⁴.

Отметим, что в означенном дискурсе Литва предстала, с одной стороны, «другом», «своим» в совместной борьбе с «Drang nach Osten» и «жертвой» немецкой агрессии, с другой стороны, — «захватчиком» русских, белорусских и украинских земель в XIII-XV вв. Первая репрезентация служила подтверждением догмы «дружба народов», наличия общих интересов в далеком прошлом. Идея «Литвы-жертвы» использовалась для создания образа «воинственной Германии», постоянно пытающейся завладеть восточными территориями. Восприятия Литвы как «захватчика» происходило в рамках сюжета о перманентной оккупации русских земель и их обязательном последующем возвращении.

³⁶³ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 791; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 3, 138, 240, 254; он же. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV веках. С. 126; История СССР. С древнейших времен до наших дней: борьба народов нашей страны за независимость в XIII-XVII вв. Образование единого Русского государства. Т. 2. С.7.

³⁶⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 252; Всемирная история. Т. X. М.: Мысль, 1965. С.13, 99.

Совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток»

Концепция «Натиска на Восток» — один из примеров, когда историческая наука была мобилизована на службу интересам государства. Напряженная обстановка между национал-социалистической Германией и СССР вылилась в информационную и идеологическую войну, которая велась в том числе и историками 1930—1940-х гг. В этой войне советские исследователи должны были отвечать за идейную оборону родной страны. А. Свешников считает, что «скорость реакции стала важным принципом научной деятельности историков»³⁶⁵.

Во время «холодной» войны СССР борется с «тлетворным» влиянием капиталистического мира, на горизонте появляются новые враги. Медиевисты обновляют содержание концепции и концентрируются на новых объектах исследования. И хотя после окончания Второй мировой войны тема «Натиска на Восток» становится не столь актуальной, «Drang nach Osten» находит свою нишу, надолго закрепившись в советском историческом дискурсе. Концепция «Drang nach Osten», возникшая в 1930-е гг. и получившая распространение прежде всего в 1940-1950-х гг., в последующем обрастает новыми подробностями. Впрочем, в советское время существовало и другое понимание концепции «Drang nach Osten». Например, коллектив авторов во главе с В.Д. Королюком исследовал немецкий внешнеполитический курс, именуемый «восточной политикой» и проводимой с момента образования Германской империи в 1871 г. до конца Первой мировой войны³⁶⁶.

³⁶⁵ Свешников А. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х годов. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/cv8-pr.html> (дата обращения 16.07.2011).

³⁶⁶ См. Исследования по славяно-германским отношениям: [сб. материалов симпозиума "Дранг нах Остен" и ист. развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы"] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; ред. В. Д. Королук. М.: Наука, 1971; "Дранг нах Остен" и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной

Один из центральных моментов концепции «Натиска на Восток» касается причин, побудивших крестоносцев вторгнуться в пределы Юго-Восточной Балтики и восточнославянских земель. Так, согласно советским историкам, после ряда крупных неудач на Ближнем Востоке вектор агрессии крестоносцев в начале XIII в. смещался в сторону Европейского континента. Несмотря на это, мотивы, которые заставляли рыцарей покидать свои дома и отправляться в дальние походы, остаются прежними. Здесь они, осуществляя «Drang nach Osten», намеревались захватить территории балтских племен и коренные русские земли, которые в их глазах были «более соблазнительными, чем далекая Сирия и Палестина»³⁶⁷.

Облик «врага» в концепции «Натиска на Восток» соотносится с инициаторами и участниками крестовых походов на Русь и Юго-Восточную Балтику. Большинство авторов 1930-1950-х гг. идентифицируют виновников «Drang nach Osten» по национальному признаку; движущая сила здесь — немецкие рыцари-феодалы. После окончания Второй мировой войны фабула концепции несколько меняется, появляются другие инициаторы агрессии на балтские и русские земли. Наряду с милитаризмом «германских рыцарей» исследуется и роль шведских и датских рыцарей в крестовых походах в Юго-Восточную Балтику³⁶⁸.

Образ Литвы в концепции «Drang nach Osten» занимает особое место. Литовцы успешно противостояли наступлению западноевропейских рыцарей, что связано, главным образом, с «героической борьбой» русского

Европы, 1871-1918 гг. / [И. И. Астафьев [и др.]; ред. В. К. Волков [и др.]; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1977.

³⁶⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 694, 777-778; Заборов М. А. Папство и крестовые походы. С. 209-210.

³⁶⁸ Рубинштейн К.И. Литва. С. 3; Грацианский Н.П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. С. 87-111; Жюгжда Ю. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII – XV веках. С. 33; История Латвийской ССР. Т. 1. 1952. С. 86, 89; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 781; История Эстонской ССР. С древнейших времен до наших дней / Под ред. Г.И.Наана. Таллин: Эстонское гос. изд. 1952. С. 34-35; История Эстонской ССР (С древнейших времен до наших дней). 1958. С. 37-57; Заборов М. А. Папство и крестовые походы. С. 209-210.

народа против агрессии с Запада. Кроме того, военные столкновения литовцев с крестоносцами удачно вписывались в советский историографический ландшафт, повествующий о единой борьбе балтских племён и русского народа против «Натиска на Восток». Французский историк М. Ферро, проанализировав школьные учебники в СССР, пришел к выводу, что одним из главных лейтмотивов толкования прошлого России для советских учащихся была «солидарность предков» прибалтийских народов «с их «русскими братьями» в борьбе против пришедших с Запада захватчиков»³⁶⁹.

Советские авторы непременно приводили факты, которые показывали, что взаимодействие с русскими всегда спасало литовцев. К примеру, балтские народы сложились в ходе контактов с древнерусским государством в такой степени, что устояли перед ассимиляцией со стороны немецких рыцарей, задержавших историческое развитие местных автохтонных племен³⁷⁰.

Немецкое наступление, как указывают историки, замедлило «культурный рост», «производственные и общественные отношения» литовского народа³⁷¹. Из всего этого явственно следует, что приход западноевропейских крестоносцев в Юго-Восточную Балтику рассматривался исследователями как начала периода упадка для местного населения, который сменяет стадию подъема в составе Киевской Руси.

Историки утверждали, что первостепенное значение в литовско-крестоносном противостоянии имело «Ледовое побоище», «дотоле невиданная» и «крупнейшая битва раннего Средневековья»³⁷².

³⁶⁹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. С. 175.

³⁷⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 572, 683; Пашуто В. Т. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV веках С. 126.

³⁷¹ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 2. С. 572.

³⁷² Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 851; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. С. 77; он же. О политике папской курии на Руси (XIII век). С. 56.

Однако в исторической литературе встречаются противоречащие устоявшемуся научному дискурсу трактовки итогов средневековых баталий. Например, оценка битвы при Сауле является более высокой, чем оценка «ледового побоища». По мнению старшего научного сотрудника Института истории и материальной культуры Академии наук ЛатССР Т.Я. Зейда, именно она “на длительное время” отвела “угрозу немецкого нападения” от литовских земель³⁷³.

В.Т. Пашуто писал, что Шауляйская битва является “крупной вехой в борьбе литовского народа за независимость”, по итогам которой “ливонцы оказались отброшены к западу от Двины, едва ли не к границам 1208 г., а литовский великий князь Миндовг восстановил свое влияние в земле куршей и земгалов... возросла мощь Литвы”. Как подметил И.Н. Данилевский, “по мнению В.Т. Пашуто, продвижение немецких рыцарей на восток за шесть лет до Ледового побоища было не просто остановлено – они были отброшены на запад!”³⁷⁴.

И все же, большинство советских ученых считало, что после поражения рыцарей на льду Чудского озера «Натиску на Восток» впервые был положен предел, “немецко-католическое продвижение” на Восток было остановлено. Т.е. эта победа “одновременно спасла русский и связанные с ним народы от рабства” и оказала “могучее воздействие на усиление национально-освободительной борьбы прибалтийских народностей”. В частности, успех русских сил в «Ледовом побоище» сыграл решающую роль в борьбе литовского народа за независимость, так как подчинение Новгородско-Псковской Руси Немецким Орденом грозило Литве еще большей опасностью³⁷⁵.

³⁷³ История Латвийской ССР. Т. 1. С. 100.

³⁷⁴ Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 371; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. С. 196

³⁷⁵ Пашуто В.Т. Очерки по истории галицко-волынской Руси. С. 244; он же. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 190, 231; он же. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в

Так, историки создали схему, в соответствии с которой, победы русского народа, одержанные на ратных полях в сражениях с западноевропейскими крестоносцами, определили направление развития Литовского государства.

Примечательно, что советские историки, за исключением В.Т. Пашуто, редко упоминали о том, что в битве при Шауляе (в литовской традиции — Битва при Сауле — *прим. автора*) в 1236 г. на стороне рыцарей Ливонского ордена против жемайтов сражались 200 представителей псковского князя. Оценивая победу при Шауляй, как крупную веху в борьбе литовского народа за независимость, ученые, тем не менее, уделяют данному происшествию обычно не более одного абзаца. Идентификация псковской дружины, участвовавшей в битве при Сауле, в историческом дискурсе обязательно происходит только в соответствии с их региональной принадлежностью — псковичи, а не русские. Между тем, описывая события, происходившие во время «Ледового побоища» или «Невской битвы» историки часто указывают на то, что победы одержали не новгородцы, а русские.

Отметим, что в советском нарративе литовцы в схватке с крестоносцами, как правило, выступают единым фронтом, как один народ. Например, ученые пишут, что в битве при Шауляй западноевропейским рыцарям противостояли не жемайты, а литовцы. Как заметил клайпедский исследователь В. Сафроновас, советские литовские историки в своих произведениях избегали упоминаний о культурных различиях,

XIII— XV веках. С. 116; он же. Александр Невский. С. 79; История Латвийской ССР. Т. 1. С. 104; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 15, 851-852; История Украинской ССР. Т. I. С. 104.; История Литовской ССР. С. 34; История Белорусской ССР. Т. I. С. 55; Всемирная история. Т. III. С. 596-597; История Эстонской ССР (С древнейших времен до наших дней). С. 62; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X — XV веках. С. 133.

существовавших между литовцами в прошлом. Литовский народ репрезентовался как «единое целое»³⁷⁶.

Русские княжества в концепции «Натиска на Восток» также выступают как одно целое. Понятие «единая Русь» доминирует над понятием «независимые княжества». Новгородская и Псковская республики рассматриваются только в контексте совместной борьбы, а не как отдельные государственные образования, имевшие собственные интересы³⁷⁷. Согласно В.Т. Пашуто, в Ледовом побоище новгородцы — это, прежде всего, русские люди, которые сражаются “за правое дело, за родину”³⁷⁸.

Еще один факт. Советские исследователи зачастую анализировали прошлое Литвы сквозь призму истории всей Прибалтики. Так, в частности, описывая ход «Натиска на Восток», советские историки использовали концепт «Прибалтика», подчеркивая, что Немецкий орден препятствовал экономическому сплочению всех прибалтийских земель. Демонстрируя позитивное влияние Руси на балтские племена и их давние связи, медиевисты объединяли народы Юго-Восточной Балтии в одну категорию — Прибалтику, которая на советской ментальной карте являлась единым целым. Следовательно, представления тех лет о Прибалтике как нераздельной общности эстонского, латышского и литовского народов экстраполировались на средневековую историю. В данном случае речь идет о «воображаемой географии», в рамках которой конструировалась карта Юго-Восточной Балтики эпохи Средневековья³⁷⁹.

³⁷⁶ Сафроновас В. Идентичность литовскоязычного населения Восточной Пруссии: интерпретации на переломе XX и XXI столетий // Исследования Балтийского региона. 2011. № 2. С. 4-27. С. 6

³⁷⁷ Отметим, что в 1940–1950 е гг., в период оформления концепции советского прошлого, в советской литературе встречались отдельные упоминания о том, что именно новгородцы и псковичи спасли русские земли от агрессии с Запада (*История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. / Под. ред. Панкратовой А.М. 1943. С. 84*).

³⁷⁸ Пашуто В. Т. Александр Невский. С. 77.

³⁷⁹ Дефиниция «воображаемая география» введена в научный оборот американским исследователем Эдвардом Саидом и обозначает восприятие какой-либо территории, возникшее не в результате личного опыта, а сформированное дискурсом, в котором

В свою очередь, на дореволюционной ментальной карте Литва включалась в территориальное пространство, именовавшееся Западной Россией. Помимо литовских земель в этот концепт входили белорусские и отчасти северные малороссийские области, т.е. Западная Россия фактически представляла собой ядро ВКЛ. Получается, что на дореволюционной ментальной карте просматривается отчетливая связь с великокняжеским литовским наследием, тогда как советская преемственность базируется на географической близости и традициях государственной межвоенной независимости Литвы, Латвии и Эстонии.

Захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель

Присоединение русских территорий к Литве в XIII-XIV вв. — еще один пример, наглядно иллюстрирующий постоянное стремление «врагов» завладеть русскими землями. Образ «Литвы-захватчика» позволял советским медиэвистам ответить на вопрос, почему белорусские, русские и украинские земли оказались в составе ВКЛ.

Сюжет, в котором Литва представлена как захватчик, вырисовывается во второй половине 1930-х гг. Важную роль здесь сыграли высказывания И.Ф. Сталина, в которых он упоминал о Литве как об агрессивном соседе: Русь постоянно “били польско-литовские паны”. Как заметил В.В. Тихонов, И.Ф. Сталин являлся “главным историком (да и вообще ученым) страны”, а профессиональные историки пристально следили за его трактовками прошлого. Неудивительно, что в первом школьном учебнике по истории СССР 1937 г. Литва описывалась в роли захватчика белорусских, украинских, русских территорий и как враг Москвы. С позиции «Литвы-захватчика» историю Украины, Белоруссии и Смоленска в этот период характеризуют В.И. Пичета, К. Гуслистый, И.Ф. Лочмель, В. Мальцев. По

находится познающий пространство субъект. См. Ориентализм. Западные концепции Востока/ Э. В. Саид; пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Рус. Мирь, 2006.

мысли члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина, отношения Северо-Восточной Руси и Литвы определялись только необходимостью защитить русские территории от нападений литовцев. В 1941 г. историк М.В. Нечкина подготовила вызвавший бурную дискуссию доклад на тему причин отсталости России. Среди множества факторов она выделила “активное сопротивление западноевропейских государств росту могущества России”, в том числе “тормозящее значение” Литвы³⁸⁰.

В советской литературе присутствовали факты, свидетельствующие о “постоянной” угрозе со стороны Литвы, о литовской “агрессии” и литовских разорительных набегах, донимавших русские земли, о “натиске” и “напоре” со стороны складывающегося Литовского государства, о “литовской экспансии” в русские земли, об “иноземном ярме”, о “насильственном отторжении” русских территорий, о “грабежах”, об “ударах”, о литовских “захватнических притязаниях”, о завоеваниях и захватах, о “дерзких” нападениях и “опустошительных налетах”³⁸¹.

³⁸⁰ Гуслистый К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст.. по 1569 р.). С. 7; Мальцев В. Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). Смоленск: ОГИЗ-Смогиз, 1940. С. 19-21; Лочмель И. Ф. Борьба белорусского народа против литовского и польского ига. (Дата обращения: 04.02.2013); Записка В.И. Пичеты «К вопросу о южной границе БССР». 18 ноября 1939 г. // ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933-1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 489; Пичета В.И. Основные моменты в исторических судьбах народов западной Украины и западной Белоруссии//Историк-марксист.1939. № 5-6. С. 67-98. С. 77; он же. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Соцэкгиз. 1940. С. 20-22; История дипломатии. Т. 1. / Под ред. В.П. Потемкина. М., ОГИЗ, 1941. С. 128; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. С. 367,383. Более подробнее о докладе М.В. Нечкиной: Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). С. 290-327.

³⁸¹ Мальцев В. Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). С. 19; Лурье А.Я. Александр Невский. С. 38; Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). С. 377; Пичета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. С. 21; Готье Ю. Балтийский вопрос в XIII-XVI веках. С. 88; Пьянков А.П. Происхождение белорусского народа. Минск: Государственное издательство БССР, 1948. С. 11-12; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 387, 539, 542, 582; Ч. 2. С. 210; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 226, 250; он же. Образование литовского государства. С. 399; он же. Против буржуазных концепций образования Литовского государства. С. 48; он же. Александр Невский. С. 56; Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.) М.: Изд-во Акад. наук

Каждое историческое событие в советской науке имело свое конкретное объяснение. В частности, завоевание русских земель Литвой, по мнению советских историков, произошло в связи с тем, что литовцы воспользовались слабостью Руси из-за «татаро-монгольского нашествия» и немецкого «Drang nach Osten». Потеря независимости русскими княжествами происходит либо в итоге “открытого завоевания”, либо в результате того, что русский народ сам искал защиту “в подчинении литовским феодалам”, власть которых оценивалась в 1940-е гг. «как наименьшее зло» в сравнение с татаро-монгольским, польским и немецким господством³⁸².

В конце 1930-х гг. в исторической науке получила распространение формула «наименьшее зло», согласно которой присоединение различных народов к России трактовалось как «меньшее зло» по сравнению с возможностью аннексии со стороны других государств. В нашем случае эта схема была применена при объяснении причин вхождения русских земель в состав Литвы. В начале 1950-х гг. с осуждением формулы «наименьшее зло» выступила одна из виднейших историков М.В. Нечкина, после чего это

СССР, 1960. С. 390; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. С. 540, 542, 582; История СССР: С древнейших времен до 1861 года / под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. Ч. 1. С. 170; Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. С. 28; Флоря Б.Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовском поле. С. 142-145; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского. С.45, 52, 60; Литва. Краткая энциклопедия. С. 23.

³⁸² Гуслистый К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). С. 4; Лочмель И.Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов. С. 5-6; он же. Борьба белорусского народа против литовского и польского ига. (Дата обращения: 04.02.2013); Пичета В.И. Основные моменты в исторических судьбах народов западной Украины и западной Белоруссии. С. 77; История СССР. С древнейших времен до 1861 г. Т. I. / Под. ред. М.Н. Тихомирова. С. 79; История Литовской ССР. Ч. I. С. 90; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 838, 890-891, 899; Ч. 2. С. 498, 512; История Украинской ССР. Т. I. С. 114; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 173, 239, 249, 253; он же. Образование литовского государства. С. 389; История Белорусской ССР. Т. I. С. 56-58; Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т. 1. С. 6-7.

объяснение исчезает из обихода исследователей, а включение нерусских народов характеризуется как «абсолютное благо»³⁸³.

Опасность, исходившая от татаро-монгол и немецких феодалов, “принуждала” местное население мириться с зависимостью от литовцев и нести “бремя эксплуатации”. После 1950-х гг. в советской литературе овладения Литвой русскими территориями уже рассматривается не как «наименьшее зло», а как «вынужденное объединение»³⁸⁴. Тем более что данный тезис, соответствовал взглядам теоретика марксизма Ф. Энгельса, который считал, что “Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству”³⁸⁵.

Помимо внешнеполитических причин, приведших к литовским захватам белорусских, украинских и русских территорий, советские медиевисты также называют феодальную раздробленность, отсутствие единства на Руси и личную выгоду русских князей и феодалов, сохранивших после присоединения к Литве большую часть своих прав. Советская исследовательская мысль всячески подчеркивала классовую природу завоевательной политики Литвы. Именно литовские феодалы подчиняли себе территории русских княжеств, а русские феодалы, сохраняя свои иммунные права, заключали с ними соглашения. В то же самое время простой народ нес “дополнительное бремя господства”³⁸⁶.

³⁸³ Гуслистый К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст.. по 1569 р.). С. 4; Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44-48.

³⁸⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 2. С. 498, 512; История СССР. С древнейших времен до наших дней: борьба народов нашей страны за независимость в XIII-XVII вв. Образование единого Русского государства. Т. 2. С. 8; Хорошкевич А.Л. Великое княжество Литовское. С. 432.

³⁸⁵ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. Издание второе. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 18-19.

³⁸⁶ Лурье А.Я. Александр Невский. С. 38; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 388, 421, 905-907; Ч. 2. С. 497; История Украинской ССР. Т. I. С. 115; История Литовской ССР. С. 34, 41; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской

Территориальный рост Литовского государства, происходивший за счет русских земель, в глазах ученых представлял собой временное явление, возможное только в “пору слабости Московского княжества, которое на тот момент “еще не имело сил отстоять независимость” земель от притязаний захватчиков. В.Т. Пашуто утверждает, что русские, белорусские и украинские земли были частью ВКЛ исключительно до тех пор, пока “Русское централизованное государство не поставило вопроса о восстановлении своих исторических прав на захваченные врагами земли”. Как указывает ученый А.А. Хлевов, “Объединение русских земель (по этой «классической» версии) могло осуществляться только вокруг ее сердца – Москвы, и никоим образом иначе”³⁸⁷.

Советские авторы уверены, что на стороне Москвы, возглавлявшей борьбу русского народа с “литовским нашествием”, стояли “все прогрессивные общественные силы”. В свой черед, Литва, захватывая русские земли, согласно И.У. Будовницу, “не могла пользоваться сочувствием русского народа и в первую очередь демократических элементов города”³⁸⁸. Литовские походы на Москву вызывали у В.Т. Пашуто аналогию с татаро-монгольским нашествием: “Современники могли сравнивать «зло» причиненное Литвой только с татарскими погромами”.

В довершение всего медиевисты обращают внимание, что наступление литовских феодалов на Русь ослабляло позиции Литвы в борьбе с Немецким орденом, сопротивление которому, согласно выводам советских

Руси. С. 279-280; он же Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). С. 241-255; он же. Образование литовского государства. С. 6, 364-365; он же. Александр Невский. С. 134; История Белорусской ССР. Т. I. С. 57; Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т. 1. С. 6-7; Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. С. 29; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. С. 539; Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Литва. С. 66-67.

³⁸⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 1. С. 421, 899; Ч.2 512, 528; Хлевов А.А. Предисловие // Иванов Н.М. История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей). Книга 1. Спб.: Книга, 2003. С. 8.

³⁸⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв. Ч. 2. С. 217, 218; Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). С.389.

исследователей, имело первостепенное значение для литовского народа. Поражение Тверского княжества в соперничестве с усиливающейся Москвой ученые объясняют тем, что Тверь в своей политике опиралась на внешние силы, т.е. главным образом на Литву. Для советских историков литовская «чужеродная» помощь Твери была еще одним фактором, который свидетельствовал о правомерности победы Московского государства³⁸⁹.

Историки признают, что в московско-литовском противоборстве у Литвы не было шансов на успех: во-первых, Москва, к которой тяготели русские земли, являлась законным наследником Киевской Руси и «народным» политическим центром, во-вторых, у Литовского княжества отсутствовали какие-либо перспективы государственного строительства в силу неравномерности социально-экономического развития, неоднородности состава населения, конфессиональных расхождений и слабой централизации. В.Т. Пашуто оценил сложившуюся ситуацию следующим образом: «Заря национального государства в России возвестила начало заката экономически и политически, культурно и этнически разнородного Литовского великого княжества». Идея о том, что Литва является собирателем Руси, продолжает он, устарела, так как источники «против такого отождествления». Академик А.Л. Нарочницкий называет данную концепцию «необоснованной», поскольку Литва «не поддерживала централизаторских тенденций Москвы». К концу XV в. Литовское княжество, по мнению А.Л. Хорошкевич, было «анахронизм». Иллюзию русских феодалов о том, что Литовское княжество может стать центром объединения русских территорий «развевал стремительный взлет Московского княжества»³⁹⁰.

³⁸⁹ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. С. 352, 389; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. С. 582.

³⁹⁰ История Литовской ССР. С. 48-49; История Украинской ССР. Т. I. С. 116; История Белорусской ССР. Т. I. С. 58-59; Пашуто В.Т. Образование литовского государства. С. 398; Шаджюс Г.А. Литовская Советская Социалистическая Республика. С. 710; Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. С. 27-28; 50, 138; Нарочницкий А.Л. Вопросы внешней политики Древней Руси в научном наследии В.Т. Пашуто // Древнейшие

Подводя итоги, отметим, что на формирование тезиса о Литве, захватываемой в Средние века русские территории, оказали влияние недружественные советско-литовские отношения в 1930-е гг. и советский сюжет о постоянной обороне от внешнего врага. Во второй половине 1950-х гг. партийно-государственный аппарат обратил внимание историков на необходимость завуалировать конфликты, происходившие между народами СССР. В итоге многие моменты означенного подхода были пересмотрены. Например, в 1960-1970-е гг. появляются исследования, в которых содержится информация о том, что западнорусские земли были включены в состав ВКЛ. В работе «История Белорусской ССР» (1977 г.) встречаем следующий пассаж: «Включение западных земель Руси в состав Великого княжества Литовского явилось итогом глубоких социально-экономических и политических процессов, происходивших на территории Белоруссии и Литвы»³⁹¹.

Трансформацию подходов к литовскому Средневековью убедительно демонстрируют школьные учебники по истории СССР. Смена курса в трактовках литовского прошлого обязательно отражалась на содержании учебной литературы. И особенно хорошо это заметно на примере сюжета о Литве, оккупирующей русские земли. Так, в одном из самых первых учебников по истории СССР (1937 г.), написанном авторским коллективом во главе с А. В. Шестаковым, Литва представлена как один из врагов, захватывающих «наши» пределы. В 1955 г. этот учебник был переиздан без внесения каких-либо правок в содержание параграфа по истории Литвы. Единственное изменение коснулось названия раздела. Если раньше оно

государства на территории СССР: материалы и исследования. 1985. М.: Издательство «Наука», 1986. С. 14; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского. С. 53-54, 92, 103; Ловмянский Х. Владимир Терентьевич Пашуто как историк-медиевист // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1987. М.: Наука. 1989. С. 9; Хорошкевич А.Л. Великое княжество Литовское// История Европы. С. 436-437.

³⁹¹ Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой орды (на рубеже XIV-XV вв.). С. 47; Он же. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. С. 38-41; История Белорусской ССР. С. 34-37.

звучало как “Литва и Польша — враги Московского государства”, то теперь изменилось на “Литовское государство и его отношение к Москве”. Схожие послы мы обнаруживаем в одном из самых популярных учебников по истории СССР, вышедших под редакцией А. М. Панкратовой и выдержавших 22 редакции³⁹².

Образовательная литература для школьников 1940–1950-х гг., пестревшая упоминаниями о захватнической деятельности Литвы, сменилась учебниками 1960–1980-х гг., в которых вообще отсутствует какая-либо информация об агрессивной политике литовцев в отношении русских земель. Т. е. в этот период данный сюжет исчезает из учебных трудов. В «Хрестоматии по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века» (1989 г.) мы можем найти лишь факты, свидетельствующие о совместной борьбе русского и литовского народов против «натиска на Восток», а также их «вековой дружбе»: “Вместе с укреплением и расширением княжества при князьях Миндовге, Витене и особенно Гедимине литовские дружины с участием украинских и белорусских воинов вели непрестанную борьбу с рыцарями Ливонского и Тевтонского орденов, нанеся им крупные поражения...”³⁹³. Так происходила деактуализация конфронтационного восприятия совместной русско-литовской истории и сглаживание неудобных страниц родной истории. Исследования с подобным идейным вектором, по

³⁹² Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. 1937. С. 29; История СССР. Краткий курс: Учеб. для 4-го кл./ под ред. проф. А.В. Шестакова.1955. С. 36; История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. / Под. ред. Панкратовой А.М. 1943. С. 87-89; История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. / Под. ред. Панкратовой А.М. 1953. С. 94-95; Краснова Ю.В. Учебник по истории СССР для VIII - IX классов средней школы авторского коллектива под руководством А.М. Панкратовой // Историк и время. 20-50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН, «Мосгорархив», 2000. – С. 141.

³⁹³ Алексеев С.П., Карцов. В.Г. История СССР. Учебная книга для 4-го класса. 1961. С. 20; Lietuvos TSR istorijos chrestomatija. Kaunas: Sbiesa, 1972; Голубева Т.С. Рассказы по истории СССР для 4 класса, 1978; Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: книга для учителя.1989. С. 81,85; Голубева Т.С. Рассказы по истории СССР для 5 класса, 1990.

словам советского литовского ученого К. Струмскиса, играли важную роль в «интернациональном воспитании советского народа»³⁹⁴.

В заключение отметим, что советская версия средневековой литовской истории являлась взглядом на настоящее, опрокинутым в прошлое. По сути, ученые провели селекцию литовского средневековья, отобрав из богатой событиями литовской истории факты, не противоречившие ключевым положениям официального нарратива. Краеугольные образы прошлого ВКЛ были переосмыслены в новых контекстах. Важнейшие внутри- и внешнеполитические события советского периода опосредованно влияли на проектирование ключевых эпизодов литовской истории. Советская концепция нациестроительства вкупе с процессом включения территории Литвы в состав СССР предопределили появление сюжета, повествующего о давних и крепких семейных узах русского и литовского народов. В этой семье русский народ — старший брат, первый среди равных, воспитывающий и защищающий своего младшего балтского собрата. Непрерывное внешнеполитическое давление извне, связанное с Великой Отечественной и «Холодными» войнами обусловили формирование системы представлений, согласно которой русский и братские ему народы постоянно находятся в окружение врагов. Так, Литва была одновременно включена в два взаимосвязанных между собой сюжета. С одной стороны, история Литвы являлась частью нарратива, рассказывающего о совместной борьбе русского и балтских народов с крестоносным «Натиском на Восток», с другой стороны, литовское прошлое оказывалась частью дискурса, иллюстрирующего регулярные попытки иноземных супостатов завладеть, оккупировать русские земли.

³⁹⁴ Струмскис К.Ю. Советские историки о сотрудничестве Литовской ССР с другими советскими республиками // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР. Вильнюс: Институт истории АН Литовской ССР, 1978. С. 123.

Еще одним фактором, определявшим параметры реконструкции литовской истории, было марксистско-ленинское понимание исторического процесса. Согласно советским исследователям, литовцы, как и большинство других народов, проходили одни и те же этапы эволюции. Все данные, которые соответствовали такой трактовке исторического процесса, обобщались в единую схему. Не удивительно, что образование балтами государства было выделено в самостоятельный сюжет, рассказывающий о становлении Литовского раннефеодального государства и генезисе феодальных отношений в Литве.

Так, литовское средневековье советскими исследователями интегрировалось в общую концепцию советской истории. Этот процесс имел объективный подтекст. В непростых внутри- и внешнеполитических обстоятельствах перед советским руководством стояла задача отстаивать свою независимость, утвердиться на международной арене и инкорпорировать большое количество вновь присоединенных территорий. В этих сложных условиях, согласно единой схеме, были сформированы практически все ключевые сюжеты истории братских народов. Прошлое Литвы не стало исключением. С течением времени из литовской истории уходила идеологическая ангажированность, продиктованная милитаристским контекстом предвоенных, военных и послевоенных лет. Кроме того, деактуализировались, заретушировались эпизоды, связанные с конфронтационной составляющей русско-литовской истории. Тем не менее, ключевые сюжеты литовской истории надолго и прочно закрепились в советской историографии. Альтернативные версии литовского прошлого, время от времени появлявшиеся в советской исторической литературе, не находили поддержки в кругу научного сообщества.

В 1960-е гг. была предпринята попытка вернуть в научный оборот дореволюционную концепцию, согласно которой Литва рассматривалась как «Другая Русь». За рамки советских классических версий литовского

средневековья попробовал выйти сотрудник Института славяноведения АН СССР И.Б. Греков, который полагал, что объединение русских земель в конце XIII-XIV вв. было связано с тремя центрами — Московским, Литовским и Галицко-Волынским княжествами. Историк вслед за дореволюционными авторами писал о том, что ВКЛ — это русское государство, которое не “формально”, а на практике старалось осуществить программу восстановления целостности Руси. Тем не менее его взгляды не разделял ключевой теоретик литовской старины В.Т. Пашуто, который утверждал, что источники не подтверждают выводы И.Б. Грекова³⁹⁵, поэтому неудивительно, что подобного рода идеи появляются вновь только в период распада Советского Союза, когда историк С.В. Думин, реабилитируя восприятие ВКЛ как «Другой Руси», вернулся к дореволюционным оценкам роли Литвы на процессе собирания русских земель. По мнению ученого, для многих может быть удивителен тот факт, что восточнославянское население Литовского княжества считало Русью именно свое государство. Литовцы и жмудины оказались “национальным меньшинством” в “Великом княжестве Литовском и Русском”³⁹⁶.

³⁹⁵ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. С. 18, 38-41; Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. С.28.

³⁹⁶ Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское). С. 77-79.

Заключение

В дореволюционной отечественной и советской историографии интерес к литовскому прошлому, как правило, предопределяла внутри- и внешнеполитическая конъюнктура. Именно идеологическая составляющая, до революции связанная с двумя польскими восстаниями (1830-1831 и 1863-1864 гг.), а в советское время — с присоединением Литвы к СССР в 1940 г., оказалась спусковым механизмом начала процесса присвоения литовского средневековья, которое являлась наиболее «героическим» периодом истории Литвы. В данном случае историческая наука в широком спектре идеологических практик объясняла и обосновывала закономерность, неизбежность вхождения Литвы в состав Российской империи/СССР, а также легитимировала власть Центра, как в глазах собственно населения, так и в глазах литовского народа.

В 1860-е и 1940-1950-е гг. происходит планомерный процесс присвоения литовской старины, в ходе которого разрабатываются единые, универсальные схемы литовского прошлого, являющиеся своего рода маяком для интерпретации основополагающих моментов ее истории³⁹⁷. Если в XIX в. на создание картины литовской истории влияла антипольскость общественно-политического и научного дискурса вкупе с новыми веяниями в методологии исследования, то в Советском Союзе — антинемецкость и антизападность официального нарратива, а также оформление общей концепции истории СССР. При интеграции литовского средневековья до революции главным ориентиром служил подход, свидетельствующий о том, что история Литвы «наша». После «Октября», помимо вышеуказанного фактора, исследователи равным образом должны были учитывать, что советская версия литовского прошлого не должна идти вразрез с основными постулатами советской марксистской исторической науки.

³⁹⁷ См. приложение №1, № 2.

Примечательно, что до революции между созданием официальной версии истории Литвы в конце 1830-х гг. и началом ее интеграцией в 1860-е гг. прошло более 20 лет, тогда как в советский период эти две интеллектуальные операции проходили параллельно в 1940-1950-е гг.

Авторство ключевых сюжетов литовского средневековья принадлежит главному российскому историографу николаевской эпохи Н.Г. Устрялову и одному из ведущих советских медиевистов В.Т. Пашуто, которые, принимая во внимание основные аспекты политики имперского и советского националстроительства, проложили фарватер изложения истории Литвы. Последующие историки взяли на себя бремя нанесения координат на карту литовского средневековья.

Изучение и изложение литовской истории, ее интеграция в дореволюционную российскую и советскую историографию происходила сквозь призму определенного набора сюжетов, являющихся составными элементами единой концепции. Каждый из сюжетов в этой схеме играл свою роль и имел обусловленное концепцией функциональное значение. При этом сюжеты литовского средневековья были взаимосвязаны друг с другом и, как правило, шли в строгой хронологической последовательности, образуя в итоге целостную панораму «нашей» русской истории ВКЛ.

1. Образование Литовского государства

В дореволюционной историографии вопрос основания Литовского государства был важен в связи с тем, что рассказывал читателям, как литовскому племени — покорителю русских земель — с довольно «примитивным» набором характеристик удалось создать свой собственный политический организм. В советское время актуальность этого сюжета, являвшегося единственной темой, посвященной собственно литовской истории, была вызвана тем, что литовцы оказались единственным в прибалтийском регионе народом, оформившим свои государственные институты. А вопрос учреждения государства имел для советской

историографии принципиальное значение, поскольку наглядно выказывал верность формационному подходу.

Основное внимание дореволюционных и советских историков в рамках этого сюжета было сфокусировано на изложении причин, приведших к образованию литовской государственности. Дореволюционные ученые не утруждали себя всесторонним и глубоким погружением в исследование этого вопроса и делали акцент на внешнеполитическом факторе, который, по их мнению, побудил «разрозненные» литовские племена к совместным действиям ради создания своего собственного государства. В большинстве своем исследователи полагали, что Литовское государство было основано по причине того, что балтские племена оказались перед угрозой потери независимости из-за появления в Юго-Восточной Балтике рыцарских орденов, обративших свой взор после покорения пруссов и других балтских племен на литовские территории.

В советском дискурсе интерпретация данного эпизода, в отличие от дореволюционного нарратива, осуществлялось в социально-экономическом измерении с учетом основных концептов марксизма-ленинизма. По мысли советских исследователей, в стане литовских племен сложились такие условия, которые позволили Литве перейти от первобытно-общинного строя к феодализму. Так, развитие литовской национальной общности соответствовало марксистско-ленинскому пониманию истории.

2. Присоединение/включение/захват восточнославянских территорий Литвой/литовскими феодалами

Проблема присоединения русских территорий к Литовскому княжеству – одна из центральных тем дореволюционной литуанистики. В контексте этого сюжета, прежде всего, анализировались факторы, повлиявшие на присоединение/включение/захват восточнославянских территорий Литвой, а также механизмы осуществления этого процесса.

В XVIII - первой половине XIX в. к литовскому прошлому обращались через призму внешнеполитической плоскости: в этом нарративе литовцы оказывались в роли завоевателей, посягнувших на русские земли по причине их слабости из-за раздробленности и татаро-монгольского нашествия. Во второй половине XIX в., в связи с изменением отношения к литовской истории, такой подход претерпел трансформацию. «Другая Русь» не могла быть создана только в результате захвата русских территорий. Русская концепция истории Литвы предполагала, в том числе, бесконфликтный формат взаимоотношений. Так, появился тезис о том, что Литовско-Русское государство было создано «не одной силой оружия». Историки, как и прежде, упоминали о сложном положении русских земель в XII-XIV вв, но теперь такая репрезентация использовалась в связке с постулатом, свидетельствующим о том, что литовцы — это не захватчики, а защитники русских княжеств, оказавшихся в силу объективных причин в бедственном положении.

В 1860-е гг. в ряде работ литовцы оказываются в качестве «варягов», призванных в западнорусские земли для наведения порядка, а после выполнения задания ассимилировавшихся в местной среде. Позднее эта интерпретация была немного модифицирована: литовцы получили статус активного субъекта, которого не звали, а он пришел. При этом его появление однозначно является благом для русских территорий, так как сравнительно лёгкое литовское главенство было предпочтительнее татарского гнета. Согласно такой картине независимость была не потеряна, а по своему собственному желанию отдана (при этом отдана была исключительно до поры до времени, пока не окрепнет набирающее на Востоке силу Московское государство). В данном случае Литва выступала тем консолидирующим организмом, который объединял русские земли, позволяя им справиться со свалившимися на них внутренними усобицами и экспансионистским давлением.

Для советской историографии были характерны те же, что были свойственны дореволюционной литуанистике. Сначала в советской исторической науке о Литве писали как о «враге», оккупировавшем русские земли. В первую очередь этот сюжет был востребован в «милитаризированный» период советской историографии с конца 1930-х по первую половину 1950-х гг., в том числе в связи с необходимостью объяснить, как молодому Литовскому государству удалось присоединить огромные просторы русских княжеств. Для обоснования этого факта использовался классический, характерный еще для дореволюционных исследователей, набор интерпретаций, указывающий на временную слабость Руси. Ключевая идея данного нарратива проста: экспансия литовских феодалов в пределы нашего Отечества возможна только в период слабости Московского княжества. Как только Русское централизованное государство окрепло, оно сразу поставило вопрос о восстановлении исторических прав на захваченные врагами русские, украинские и белорусские территории.

Деактуализация конфронтационного вектора русско-литовского прошлого была сопряжена с появлением в научном дискурсе концепции «Дружбы народов»: историки в своих работах были вынуждены затенять конфликты, происходившие между народами СССР.

В последующем в советской историографии данная тема не пользовалась большим спросом со стороны научного сообщества, но при этом требовалось какое-то классическое объяснение произошедших событий. Так, появилась еще одна формула, которая зиждилась на связанных между собой утверждениях: присоединение/захват русских территорий совершалось/совершался в результате сговора русских и литовских феодалов, а простой русский и литовский народы всегда тянулись друг к другу, испытывая постоянное неискоренимое стремление быть вместе. Поэтому у знающих историю читателей не должно возникнуть сомнений насчет небезосновательности включения Прибалтики в состав СССР в 1940 г. При этом характер присоединения (мирное включение или захватнические

действия) – вторичный вопрос по сравнению с предпосылками, а именно — с желанием народов проживать сообща.

3. «Наша Литва»: «Другая Русь» vs «Дружбы народов».

Ключевое положение дореволюционной и советской концепций прошлого ВКЛ заключалось в том, что молодое и сильное Литовское княжество во второй половине XIV в. становится русским, т.е. «нашим». Несмотря на то, что доказательная база дореволюционных и советских историков была схожа, сами сюжеты о «нашем» Литовском государстве в дореволюционной и советской версиях различались.

В дореволюционной науке для обоснования русской природы ВКЛ эпизоды литовской истории выстраивались в определенной хронологической логике. Свое повествование историки всенепременно начинали с упоминаний о том, что даже первые свидетельства выявляют значительное воздействие восточнославянской культуры на балтские сообщества. После присоединения русских территорий Литвой происходит существенная интенсификация влияния русской народности: в итоге победители-литовцы покоряются «русской цивилизации», поскольку понимают ее превосходство.

Для того чтобы убедить себя и читателя в том, что ВКЛ являлось русским государством, применялась четкая система аргументации, опиравшаяся на тезис о господстве «русской цивилизации» в Литовско-Русском княжестве (при этом топоним Литва, как правило, в названии находится на первом месте, т.е. исследователи в некоторой степени отдавали дань уважения литовцам, поскольку именно балты оказались тем активным субъектом, который сцементировал вокруг себя русские области). С одной стороны, отмечалось территориальное и численное преобладание русской народности в Литовско-Русском государстве. С другой стороны, рисовалась картина, показывающая, что политический, общественный строй, организация войска Литовского княжества формировались и основывались на русских традициях. Т.е. сюжет о русской природе ВКЛ представлял собой

комплекс доказательств русского фундамента, основы и обличовки Литовско-Русского государства.

Приведенные выше доказательства развеивали все сомнения относительно русской природы ВКЛ. А раз княжество по своей сущности являлось русским, то и относиться к нему следует как к своему государству, «Другой Руси», которая вместе с Москвой занимается общим делом: объединяет раздробленную Русь.

В ходе притяжения русских земель Москва и Вильно, централизаторский курс которых идентичен, вступают в схватку друг с другом. В конечном счете это противоборство должно завершиться их слиянием, потому что самой историей предначертано существование объединенного Русского государства. При этом именно Москва из этого соперничества должна выйти победителем, так как она имеет больше шансов на успех, являясь более правильным претендентом на наследство Киевской Руси.

Если во второй половине XIX в. Литовско-Русское государство преподносится как брат, соперник-родственник, который в процессе собирания Руси в силу исторической логики должен уступить своему старшему собрату Московскому княжеству, то в начале XX в. в трудах М.К. Любавского возникает трактовка, согласно которой ВКЛ истолковывается как демократическая альтернатива московскому монархическому абсолютизму и административной централизации. Можно предположить, что из-за революционных преобразований такая интерпретация так и не успела выкристаллизоваться в самостоятельный эпизод.

Советская историография с большой долей критики относилась к дореволюционной концепции ВКЛ как «Другой Руси». Для советского нарратива, касающегося прошлого ВКЛ, не была свойственна альтернативность: Московское государство является единственным законным прямым наследником Киевской Руси, а никакой «Другой Руси» вообще не существовало.

В советский период присвоение литовского прошлого осуществлялось с учетом основных положений концепции «Дружбы народов», являвшейся одной из центральных советских мировоззренческих доктрин, объяснявшей бытие СССР и фатальную неотвратимость вхождения в него братских республик. Искомая концепция, вплетенная в историю СССР и союзных республик, применялась как для интеграции новоприобретенных территорий, так и для поддержания идеологического фундамента советской власти.

В случае литовской истории особое внимание акцентировалась на ряде основополагающих и взаимосвязанных между собой тезисов. Во-первых, утверждалось, что незыблемая и нерушимая дружба между русским и литовским народами существует с давних пор. Сообразно данной логике эта дружба перманента. Временный уход с правильной орбиты развития литовской народности, т.е. самостоятельность Литвы или ее попадание в состав другого государства, объяснялся происками чужеземцев или антагонистически настроенных классовых элементов. Во-вторых, в этой дружбе именно русский народ оказывается выразителем прогрессивных явлений, первым среди равных, старшим братом, постоянно защищающим, позитивно влияющим и развивающим своего младшего сородича в лице литовского народа. Соответственно, эта прогрессивная роль исторического союзника великого русского народа просматривается испокон веков.

Если в дореволюционной историографии литовцы часто выступали в качестве внешнеполитических доминантов, защитников русских территорий, то в советских эпизодах, эта роль принадлежала исключительно русскому народу, который постоянно подставлял плечо помощи своим младшим братьям.

В данной схеме «настоящая» Русь была активным субъектом, положительно воздействующим на Литву, которая в свою очередь являлась объектом, закономерно вбирающим в себя «прогрессивные» элементы русской цивилизации. В подобного рода трактовках советская историография во многом пересекалась с дореволюционным нарративом: их историческое

основание зиждилось на идее об особой значимости русской истории, истории русского народа, оказывающейся генеральной линией, притягивающей, как магнит, прошлое братских народов.

4. «Натиск на Восток»: Польша и Германия предпринимают попытки забрать «наши» земли

Когда речь заходит о «наших» территориях, то в рассказе неизменно должен присутствовать отрицательный персонаж, «враг», который пытается незаконно завладеть по праву принадлежащими нам территориями. В дореволюционном варианте в отношении литовского прошлого такими ключевыми «врагами» оказывались поляки, в советской вариации — немецкие рыцари. При этом в дореволюционной историографии образ «врага» замыкался на конкретном событии — Кревской унии, в советской науке — концентрировался на длительном процессе «Натиска на Восток» западноевропейских феодалов.

Дореволюционный нарратив второй половины XIX в. под влиянием Польского восстания 1863-1864 гг. был выстроен таким образом, чтобы подвести читателя к эпилогу, заключительному сюжету русской версии литовского средневековья. Кревская уния — это финальный эпизод, который имеет цель, с одной стороны объяснить, почему «Другая Русь» несмотря на всю логику исторического развития в итоге стала Польско-Литовским государством, не «нашим», а «чужим», с другой стороны — идеологически легитимировать присоединение территорий, полученных в ходе разделов Речи Посполитой. В конце XIX - начале XX в. этот сюжет постепенно стал исчезать из работ ученых в связи с уходом «антипольскости» из общественно-политического дискурса.

Сообразно этой сюжетной линии в Литовско-Русском государстве господствует русская цивилизация, практически полностью переварившая самобытную языческую литовскую культуру. Но происходит событие — Кревская уния, и Литва, без пяти минут русское государство, становится польской. Суд из историков второй половины XIX в. выносит приговор:

виновной в краже Литвы признается Польша, которая хладнокровно пошла на преступление, нарушив «правильный» ход исторического процесса. Следовательно, разделы Речи Посполитой не что иное как «Отторженная возвратих», законное возвращение похищенных земель. В советском дискурсе отрицательное отношение к Польше во временном диапазоне сместилось с XIV-XV вв., т.е. литовского периода, на XVII-XVIII вв. и происходило в русле тематики объединения русского с украинским и белорусским народами. В этой связи события, сопряженные с договором в Крево, не вызывали такого бурного интереса, как в дореволюционной науке, а основной акцент делался на Люблинской унии.

После «Октября» на фоне литовской истории образ «врага» был сюжетообразующим элементом темы, повествующей о «Натиске на Восток» и являющейся исключительно продуктом советской эпохи. До революции подобного рода представления не имели популярность в научном дискурсе, а само крестоносное наступление рассматривалось только на фоне проблемы образования Литовского государства.

Концепция «Натиск на Восток», согласно которой Германия, в различных ее ипостасях, сиздавна стремилась завладеть «нашими» землями, была сформирована для мобилизации советского общества в преддверии и в ходе Великой Отечественной войны. Позднее под влиянием Холодной войны эта концепция была несколько модифицирована. На олимпе врагов, помимо немецких крестоносцев, оказались датские и шведские рыцари, олицетворявшие собой «агрессивные» силы Запада.

Литовская история, как и прошлое других балтских народов, удачно вписывалась в советский исторический ландшафт, свидетельствующий о единой всенародной борьбе русского и других братских народов с «Drang nach Osten». При этом национальный конфликт литовцев перекалифицировался в конфликт национально-социальный, так как в ходе него было не только противоборство с немцами, но и схватка с реакционными классами, которые предательски поддерживали иноземных

злодеев. Конечно же, в этом кровопролитном противостоянии не на жизнь, а на смерть, Русь выступала и как единственная сила, которая может остановить немецкое продвижение на Восток, и как верный союзник, регулярно протягивающий руку помощи нуждающимся братским народам. Именно благодаря Руси, которой принадлежит решающая роль в борьбе с крестоносной агрессией, литовцы смогли отстоять свою независимость.

Таким образом, если в советском дискурсе на фоне литовской истории нашим «врагом» была Германия, то до революции в этом амплуа оказывалась Польша. Но, в отличие от Польши, Германия была не просто «чуждой», «иной» или «менее перспективной», немецкие рыцари – это высшая степень «врага». Помимо этого, надо учитывать, что для дореволюционной историографии противоборство с поляками выступало сюжетом собственно литовского прошлого, в послеоктябрьский период сражение с немецкими оккупантами — нарратив общесоюзной истории, в контексте которого эпизоды литовского средневековья являлись не более чем одним из сегментов. Это связано с тем, что в XIX в. проблематика, касающаяся борьбы против Польши, разрабатывалась для интеграции литовской истории, а в XX в. тематика, относящаяся к противостоянию Германии, несла в себе, прежде всего, мобилизационную функцию.

До революции Литва, лишенная статуса активного субъекта, — это поле битвы русской и польской цивилизации, после — деятельный сподвижник русского народа в борьбе с германской агрессией. В первом случае взаимодействие с врагом происходило в бескровном формате и закончилось поражением, т.е. потерей Литвы, во втором — в славных баталиях, завершившихся тем, что враг был остановлен. При этом русский и литовский народы исключительно защищали «свои» земли, не выступая как «захватчики» по отношению к другим территориям. Кульминация сценария — в дореволюционной историографии возврат «наших» земель в ходе трех разделов Речи Посполитой (в досоветской науке обязательно сооружался мостик между эпизодами литовского средневековья и проблемой разделов

Речи Посполитой), в советской историографии — победа «своих» над «врагами», одержанная вопреки всем трудностям и благодаря «праведности» общего дела.

Важно отметить, что дореволюционная версия литовского прошлого выглядит более системной и целостной, чем советская. Такое положение дел связано с тем, что во второй половине XIX в. исследователи целенаправленно выстраивали концепцию русской истории литовского средневековья, в советский же период полотно литовского прошлого рисовалось параллельно с определением содержания и границ общей концепции истории СССР, для которой история Литвы выступала, прежде всего, материалом для ее наполнения. При этом дореволюционная историография, несмотря на свою целостность, была менее регламентирована и более вариативна, чем послеоктябрьская, также для нее свойственен более богатый и разнообразный институциональный пейзаж, где значимую роль играла преемственность между поколениями ученых (так, в XIX-начале XX вв. в Московском и Киевском университетах существовали два поколения ученых, занимающихся западнорусский и в ее контексте литовской историей, в Санкт-Петербургском университете и в Санкт-Петербургской духовной академии – три³⁹⁸, в свою очередь, в советской исторической науке можно вести речь о существовании всего двух поколений литуанистов).

Таким образом, история Литвы в дореволюционной и советской историографии излагалась сквозь призму межкультурного взаимодействия, социально-экономических и внешнеполитических проблема, в рамках определенного структурированного набора сюжетов. В результате утверждения системы интерпретаций образов и символов прошлого Литвы произошла инструментализация исторических представлений о литовском народе.

³⁹⁸ См. приложение № 3.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Александров Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII-XIV вв. и образование Литовского государства. - М.: Интеллектуально-деловой центр "Гармония", 1994. - 269, [2] с.
2. Алексеев С.П., Карцов В.Г. История СССР. Учебная книга для 4-го класса. - М.: Учпедгиз, 1961. - 160с.
3. Андреев А.М. Борьба литовского народа за Советскую власть 1918-1919. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. - 164с.
4. Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли. - Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира, 1887. - 239с.
5. Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т.1. - Киев: Типография Е.Я. Федорова, 1885. - 351с.
6. Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып.1. - Киев: университетская типография, 1878. - 156с.
7. Багалея Д.И. История Северной земли до половины XIV столетия. - Киев: Университетская типография И.И. Завадского, 1882. - 310с.
8. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Ч.1. - М.: Типография Николая Степанова, 1842. - 432с.
9. Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410). - СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1885. - 165 с.
10. Барбашев А.И. Витовт последние двадцать лет княжения 1410-1430 . - СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1891. - VIII, 340, [1]с.
11. Барбашев А.И. Таненбергская битва 1410 г. // Журнал Министерства народного просвещения. - 1887. - №12. - С. 151–193
12. Барбашев А.И. Торнский мир // Журнал Министерства народного просвещения. - 1890. - №11. - С. 80-106

13. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. - М.: Московский рабочий, 1993. - 160с.
14. Батура Р.К., Пашуто В.Т. Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории. - 1977. - № 4. - С. 110-120
15. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т.1. / Под ред. А. И. Азаров и др. - Минск: издательство АН БССР, 1959. - 516с.
16. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. - СПб.: Тип. Тов. "Общественная польза", 1890. - XXIV, 376, 183с.
17. Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. - Вильна: тип. А. Сыркина, 1867. - 123с.
18. Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Кн. IV. История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. - М.: Синод. тип, 1872. - 456с.
19. Бестужев-Рюмин К.Н. Рец. на кн. Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времен // Журнал министерства народного просвещения. - 1889. - № 5. С. 492-505
20. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т.1. - СПб: Типография А. Траншеля, 1872. - 246, 480, II с.; Т. 2. - СПб: Типография А. Траншеля, 1885, 320с.
21. Бершадский С.А. Литовские евреи: История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388-1569 г. - СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. - [8], 432с.
22. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). – СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 384 с.
23. Брачев В.С. Яковенко С. Г. Евгений Францевич Шмурло // История. - 2003. - № 22. URL: <http://his.1september.ru/article.php?ID=20030220> (дата обращения: 12.11. 2013)
24. Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. - Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1889. - 659с.

- 25.Брянцев П.Д. Очерк древней Литвы и Западной России. - Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1891. - 150с.
- 26.Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.) - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. - 488с.
27. Васильевский В.Г. Очерк истории города Вильны // Памятники русской старины в западных губерниях империи, издаваемые по Высочайшему повелению П.Н. Батюшковым. Вып.5. - СПб: Типография А.Траншеля, 1872. - С. 9 -81
- 28.Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805-1870 гг.). - Орел: Картуш, 2005. - 200с.
- 29.Викс Т.Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863-1914 // Российская империя в зарубежной историографии. М: Новое издательство, 2005. - С. 589-610
- 30.Владимирский-Буданов М.Ф. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. // Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. I. - Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1886. - С. 1-85
31. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. - СПб., 1868. - 302с.
32. Владимирский-Буданов М.В. Очерки из истории литовско-русского права. Ч.1. Поместья Литовского государства. - Киев: тип. В.И. Завадского, 1889. - 25с.
- 33.Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т.IX. Ч.1. Ковенская губерния. - СПб.: Департамент Генерального Штаба, 1848 г. - 48с.
- 34.Волин Б.М. Великий русский народ. - М.: Молодая гвардия, 1938. - 47с.
- 35.Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. - 2004. - № 2. С. - 116-127

36. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Россия/Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII - начало XX века. - М.: О.Г.И., 1999. - С. 233-244
37. Всемирная история / Ред. А.Белявский, Л.Лазаревич, А.Монгайт. Т. III. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. - 895 с.; Т. X. - М.: Мысль, 1965. - 726 с.
38. Гильфердинг А. Литва и Жмудь // Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 2. - СПб.: Печатня В.Головина, 1868. С. 363-385
39. Гильфердинг А. Россия и ее инородческие окраины на западе. // Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 2 - СПб.: Печатня В.Головина, 1868. С. 389-404
40. Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах российской империи // Ab Imperio. - 2005. - № 2. - С. 135-167
41. Голубева Т.С. Рассказы по истории СССР для 4 класса: учебная книга. - 8-е изд. - М.: Просвещение, 1978. - 208 с.
42. Голубева Т.С. Рассказы по истории СССР для 5 класса: учебная книга. - 16-е изд. - М.: Просвещение, 1990. - 255 с.
43. Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV столетия. - Киев: Университетская типография, 1881. - 201 с.
44. Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Под научной ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. - М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 513 с. - С. 129-150
45. Грацианский Н.П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. // Историк-марксист. - 1938. - № 6. - С. 87-111
46. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. - 531 с.

47. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). - М.: Наука, 1975. - 519с.
48. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. - М.: Издательство восточной литературы, 1963. - 376с.
49. Грушевский А.С. Пинское полесье: Исторические очерки. Ч. 1-[2]. Очерк истории Турово Пинского княжества. XI-XIII вв. - Киев: типография Императорского университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901. - 80с.
50. Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. - Донецк: БАО, 2006. - 766с.
51. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. - СПб.: Типография товарищества "Общественная польза", 1906. - 544с.
52. Гудавичюс Э. История Литвы. Т.1. - М.: Фонд им. И. Д. Сытина: VALTRUS.: С древнейших времен до 1569 года. 2005. - 679[2]с.
53. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. - СПб. Кристалл, 2001. - 767с.
54. Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. - Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В.И. Завадского, 1896. - 260с.
55. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). - М.: Аспект Пресс, 2001. - 390с.
56. Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1885. - VI, [2], 192с.
57. Дашкевич Н.П. Историческая записка о возникновении и деятельности Исторического Общества Нестора-летописца по январь 1898 // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. XIII. - Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1899. - С. 17-98.
58. Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. - Киев: университетская типография, 1973. - 159с.

59. Дворниченко А. Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского // Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства. - СПб.: Издательство «Наука», 2004. - С.14—30
60. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. - СПб.: Изд-во С. Петерб. гос. ун-та, 1993. - 240с.
61. Дзярнович О.И. «Литва» и «Русь» XIII—XVI вв. как концепты белорусской историографии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. - 2009. - № 1-2. - С. 234-249.
62. Длугош Я. Грюнвальдская битва. - М.-Л.: Наука, 1962. - 214с.
63. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904 архивно-библиографические разыскания. М.: Всесоюзная книжная палата, 1962. 253с.
64. Добрянский Ф. Старая и новая Вильна. - Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1904. - VIII, 286с.
65. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. - Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира Акционерного общества печатного и издательского дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901. - 932с.
66. Довнар-Запольский М.В. Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.: исторический очерк. - М.: тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1897. - 28с.
67. Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и к Польше. - СПб: в типографии Эдуарда Праца, 1865. - 862с.
68. Долбилов М, Миллер А. Западные окраины российской империи. - М.: Новое литературное обозрение, 2006. - 608с.

69. Долбилов М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. // *Ab Imperio*. - 2001. - № 1-2. - С. 227-269
70. Долбилов М. Полонофобия и русификация Северо-Западного края (1860-е гг.): Метаморфозы этностереотипов // *Образ врага*. - М: ОГИО, 2005. - С. 127-174
71. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киев. Русь и ист. судьбы вост. славян / В.Т. Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич. - М.: Наука, 1982. - 263с.
72. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). – М.: политическая энциклопедия, 2017. - 622с.
73. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. - Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. - 800с.
74. Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX в.* - М.: Политиздат, 1991. - С.76 -125
75. Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). - СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1901. - XXII, 610с.
76. Жюгжда Ю. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII – XV веках // *Исторический журнал*. - 1943. - №8-9. - С. 27-33
77. Жюгжда Ю.И. Взаимоотношения литовского и русского народов в историческом развитии // *Советская Прибалтика в братской семье народов СССР: Материалы межресп. семинара-совещания в г. Риге 6-10 июня 1960 г.* [Вып.]. 1. - Рига: Латгосиздат, 1960. - С. 37-63.
78. Заборов М.А. Папство и крестовые походы. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 263с.

79. Записка В.И. Пичеты «К вопросу о южной границе БССР». 18 ноября 1939 г. // ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933-1945. - М.: РОССПЭН, 2009. – С. 488-496
80. Записка окружного инспектора Виленского Учебного Округа В.П. Кулина о народном образовании на Литве и Жмуди, по поводу статьи Гильфердинга: «Несколько замечаний о литовском и жмудском племени» (январь 1864 г.) // Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. - С.117-123
81. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII-первой трети XIX века. - М.: Новое лит. обозрение, 2001. - 415с.
82. Зорин А.Л. Уваровская триада и самосознание русского интеллигента // Россия/Russia. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. - М.: О.Г.И., 1999. - С. 33-43
83. Иванов Ю.Ф. М.К. Любавский — выдающийся ученый и педагог // Вопросы истории. - 2001. - №10. - С. 150-161
84. Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обрешая лица // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1996. С. 162-190
85. Иловайский Д. И. История России. Т. 1-5. - М.: Типография Т. Лебедева, 1880 – 1905.
86. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Изд. 9-е. - М.: тип. Грачева и К, 1868. - 396с.
87. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории, приспособленные к курсу средних учебных заведений. Изд. 2-е. - М.: тип. Грачева и К, 1861. - 300, IIIс.
88. Иловайский И.Д. Сокращенное руководство к всеобщей и русской истории: Курс младшего возраста. - М.: тип. В. Грачева и К°, 1869. - 368 с.

89. Иловайский И.Д. Сокращенное руководство к русской истории: Для мл. возраста. - М.: тип. В. Грачева и К, 1865. - 132с.
90. Историки России XVIII – начало XX века. - М.: Скрипторий, 1996. - 688 с.
91. Историки России. Биографии / [Редкол.: А. А. Чернобаев, д. ист. н. (отв. ред.) и др.]. М.: Росспэн, 2001. - 911с.
92. Историография истории России до 1917 г. Т. 1. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. - М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003. - 384с.
93. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Т. III. Ч. I – СПб.: Канцелярия Комитета Министров, 1902. - 358с.
94. История Белорусской ССР. Т. 1 / Под ред. В.Н. Перцева. - Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1954. - 504с.
95. История Белорусской ССР. - Минск: Наука и техника, 1977. - 632с.
96. История дипломатии. Т.1. / Под ред. В.П. Потемкина. - М.: ОГИЗ, 1941. - 566с.
97. История Латвийской ССР: С древнейших времен до 1860 года. Т. 1. - Рига: Ин-т истории и материал. культуры, 1952. - 661с.
98. История Литовской ССР: С древнейших времен до 1861 года Ч. 1. / под ред. Ю.Жюгжды. - Вильнюс: Государственное издательство политической и научной литературы, 1953. - 490с.
99. История Русов или малой России. Сочинение Георгия Кониского архиепископа белорусского. - М.: Университетская Типография, 1846. - 261с.
100. История СССР. Краткий курс: Учеб. для 4-го кл. / под ред. проф. А.В. Шестакова. - М.: Учпедгиз, 1955. - 288с.
101. История СССР. С древнейших времен до 1861 г. Т. I. / Под. ред. М.Н. Тихомирова, С.С. Дмитриева. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. - 416с.
102. История СССР. С древнейших времен до 1861 года. Ч. 1. / под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. 3-е изд., испр. - М.: Просвещение, 1974. - 606с.

103. История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Т.1. / под ред. акад. Б. Д. Грекова и др. - М.: Госполитиздат, 1947. - 744с.
104. История СССР. С древнейших времен до наших дней: борьба народов нашей страны за независимость в XIII-XVII вв. Образование единого Русского государства Т. 2. / Под ред. М.Н. Тихомиров и др. - М.: Наука, 1966. - 631с.
105. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. / Под. ред. Панкратовой А.М. Издание третье. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1943. – 224с.
106. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. / Под. ред. Панкратовой А.М. Издание 12-е. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерство просвещения РСФСР, 1953. – 240с.
107. История Украинской ССР. Т.1. - Киев: АН УССР, 1953. - 838с.
108. История Эстонской ССР. С древнейших времен до наших дней / Под ред. Г.И.Наана. - Таллин: Эстонское гос. изд. 1952. - 556с.
109. История Эстонской ССР: (с древнейших времен до наших дней) / под ред. Г.И. Наана. - Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958. - 748с.
110. Каганович Б.С. А.Е. Пресняков, петербургская школа и марксизм. URL: <http://monderusse.revues.org/pdf/81> (дата обращения 11.03.2013)
111. Каппелер А. Образование наций и национального движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. - М: Новое издательство, 2005. - С. 395-436
112. Каппелер А. Россия многонациональная империя. - М.: Традиция Прогресс-Традиция, 2000. - 344с.
113. Каппелер А. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700-1918 гг.)// Ab Imperio. - 2007. - № 2. - С. 17-59
114. Карамзин Н.М. История государства Российского. - М.: Эксмо, 2003. - 1024с.

115. Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462-1503. Ч. 1. - М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1867. [2], - 140с.
116. Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. - М.: Наука, 1990. - 264с.
117. Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Т. I. - Одесса: тип. "Техник", 1912. - XLIV, 599 с.
118. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. - М: Соцэкгиз, 1937. - 395с.
119. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. Т. 2. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. - 466с.
120. Ковалев М.В. «Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно...»: Письма профессора И.И. Лаппо С.Г. Пушкареву (1920–1940-х гг.) // Россия и Балтия. - М.: Наука, 2014. - Вып. 7. - С. 138–164.
121. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. - М.: Наука, 1981. - 168с.
122. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. - М.: Наука, 2005. - 383с.
123. Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. - 530с.
124. Костомаров Николай Иванович. Автобиография Н. И. Костомарова / под ред. [и с предисл.] В. Котельникова. - М: Задруга, 1922. URL: <http://bookre.org/reader?file=535525&pg=31> (дата обращения: 30.05.2013)
125. Костомаров Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории // Русское слово. - 1860. - № 5. - С. 1-100
126. Коялович М. О. Литовская церковная уния. Т. I. - СПб.: Типография Николая Тихменева, 1859. - 316с.
127. Коялович М.О. Люблинская уния, или Последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. - СПб: Газ. «Русский инвалид», 1863. - 87с.

128. Коялович М.О. О расселении племен западного края России. - М.: Типография Бахметева, 1863. - 36с.
129. Коялович М. О. Чтения по истории западной России. - Минск: Беларус. Энцыкл., 2006. - 476с.
130. Краснова Ю.В. Учебник по истории СССР для VIII - IX классов средней школы авторского коллектива под руководством А.М. Панкратовой // Историк и время. 20-50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН, «Мосгорархив», 2000. – С. 139-149
131. Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А.В. Шестакова. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. - 223с.
132. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. - М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010. - 320с.
133. Лабынцев Ю.А. Письменное наследие Великого княжества Литовского в глазах первенцев польской и русской гуманитарной науки: Виленская школа и профессор И.Н. Данилович // Россия-Польша. Образы и стереотипа в литературе и культуре. - М.: "Индрик", 2002. - С. 321-331
134. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик. - Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. - 192с.
135. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569-1586): Опыт исслед. полит. и обществ. строя. Т. 1. - СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1901. - [2], XVI, 780 с.
136. Лаппо И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. - Прага: Пламя, 1924. - 229с.
137. Ласинкас П. И.И. Лаппо в Литве // Новый исторический вестник. - 2005. - № 1. - URL: http://www.nivestnik.ru/2005_1/13.shtml (дата обращения 04.04.2014)

138. Лебедин М.О. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал. - 1862. - Октябрь. - С. 1-33
139. Леонтович Ф.И. Источники русско-литовского права: общий обзор источников. Договоры. Земские и областные привилеи. - Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1894. - [2],71с.
140. Леонтович Ф.И. К истории административного строя Литовского государства. - Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр., 1899. - 104с.
141. Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права: Образование территории Литовского государства. - СПб.: Типография В. С. Балашев, 1894. - 393с.
142. Липранди А.П. «Отторженная возвратих»: Падение Польши и воссоединение Западно-Русского Края. – СПб.: типография А.Л. Трунова, 1893. – 80с.
143. Литва в отношении к России и Польше // Вестник Юго-западной и Западной России. Историко-литературный журнал/ К.Гаворский. - 1862. - Июль. - С. 1–16; август. - С. 17–32; сентябрь. - С. 114–135; октябрь. - С. 177–189; ноябрь. - С. 203–219; декабрь. - С. 241–260.
144. Литва: Краткая энциклопедия / Редкол.: Й. Зинкус. Вильнюс: Гл. ред. энцикл., 1989. – 672 с
145. Литвак Б.Г. Николай Иванович Костомаров // Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992. - С. 5-107
146. Ловмянский Х. Владимир Терентьевич Пашуто как историк-медиевист // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1987. - М.: Наука, 1989. - С. 5-10
147. Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года. - СПб. Тип. Императорской Академии Наук, 1766. – 126с.

148. Лочмель И.Ф. Борьба белорусского народа против литовского и польского ига // Исторический журнал. - 1938. - № 7. URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/7971131> (дата обращения: 04.02.2013)
149. Лочмель И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. - М.: Воениздат, 1940. - 167с.
150. Лурье А.Я. Александр Невский. - М.: Воениздат, 1939. - 56с.
151. Любавский. М.К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутр. строем и внеш. жизнью государства. - М.: Университетская типография, 1900. - 850, 232, LXXII, [1]с.
152. Любавский М.К. Новый труд по внутренней истории Литовской Руси // Журнал министерства народного просвещения. - 1898. - № 8. - С 174-215
153. Любавский. М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания литовского статута. - М.: Университетская типография, 1892. - 998с.
154. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. - М.: Московская художественная печатня, 1915. - 402, III с.
155. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). - СПб.: Наука, 2002. - 416с.
156. Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. - Харьков: тип. А. Дарре, 1902. - 205с.
157. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. - М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1788-1789. - 292, CXXVIс.
158. Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. 2: Рада Великого княжества Литовского. Вып. I. - Томск: типография. П.И. Макушина, 1904. - 132с.
159. Мальшевский И.И. Западная Русь в борьбе за веру и народность в двух частях. - СПб: Синодальная тип., 1897. - 402, IXс.

160. Мальцев В. Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). - Смоленск: ОГИЗ-Смолгиз, 1940. - 424с.
161. Маркевич Н. История Малороссии. Т.І. - М.: Типография Августа Семена, 1842. - 388, Хс.
162. Мартин Т. Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923-1939. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. - 666с.
163. Мельникова Е.А. Владимир Терентьевич Пашуто (1918-1983) // Историки России: Послевоенное поколение. - М.: АИРО-XX, 2000. - С. 177-184.
164. Мельникова Е.А., Юрасовский А.В. Сектор истории древнейших государства на территории СССР Института истории СССР АН СССР в 1969-1978 гг. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1979 год. - М.: Наука, 1980. - С. 219-234
165. Миллер А.И. Восток Европы или к востоку от Европы? // Pro et Contra. - 1998. - №3. - С. 5-17
166. Миллер А. Империя и нация в воображение русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина) // Российская империя в сравнительной перспективе. - М: Новое издательство, 2004. - С. 263-285
167. Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. - 2002. - №2. - С. 133-148
168. Миллер. А. Формирование наций у восточных славян в XIX в. – проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста. URL: www.timeandspace.lviv.ua/files/library/miller45507ceddf9bc.doc (дата обращения: 14.01.2012)
169. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии. - М.: Брянск: Прометей Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996. - 186с.
170. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). - М.: Прометей; Брянск: Издательство БГПУ, 1997. - 228с.

171. Михальченко С.И. Киевская школа: очерки об историках. - Брянск: Изд-во Брянск.гос.пед.ин-та, 1994. - 76с.
172. Михальченко С.И. Неопубликованная "История Белоруссии" М.В. Довнар-Запольского // Археографический ежегодник за 1992 год. - М.: Наука, 1994. - С. 254-258
173. Михальченко С.И. Письма М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича и их учеников в архивах России // Харківський історіографічний збірник: збірник. Вип. 8. Харків: [б. и.], 2006. С. 180-189
174. Михальченко С.И. Ф.В. Тарановский. К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. М.: Российский институт культурологии, 1999. - С.115-118
175. Муравьев М.Н. Записки о мятеже в Западной России. Глава II // Русская старина. - 1882. - Т. 36. - С. 623-644
176. Назарова Е.Л. А.Ф.Гильфердинг и литовская кириллица: о роли ученого в русификации балтийских языков // Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sankirtos / Балты и славяне: пересечения духовных культур, sudarė ir redagavo Tatjana Civiņan, Marija Zavjalova ir Artūras Judžentis. - Vilnius: Versmė, 2014. - С.142-161
177. Назарова Е.Л. Формирование исторической памяти в Северо-Западном крае в представлениях генерал-губернатора М. Н. Муравьева // Россия и Балтия. - М.: «Наука», 2015. - Вып. 7. - С. 314—330
178. Назимов В.Н. Очерк из новейшей летописи северо-западной России // Русская Старина. - 1885. - Т. XLV. - С. 555-580
179. Нарочницкий А.Л. Вопросы внешней политики Древней Руси в научном наследии В.Т. Пашуто // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1985. - М.: Издательство «Наука», 1986. - С. 8-14
180. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. - М.: Академия, 2008. - 480с.

181. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. - 1951. - № 4. - С. 44-48
182. Новосельцев А.П. Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. - М.: Наука, 1972. - 340с.
183. Новосельцев А. П., В.Т. Пашуто, Щапов Я.Н., Чичуров И.С. Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны // ИСССР. - 1974. - №2. - С. 71-93
184. Ответное письмо И.П. Корнилова к И.Д. Беляеву (июнь, 1867г.) // Корнилов И.П. Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. - С. 287
185. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1-3. - М.: Академия наук СССР, 1955-1963
186. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX-XV вв.: в 2 ч. - М.: Изд-во АН СССР, 1953
187. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. - СПб.: Типография М.Меркушева, 1905. - 340с.
188. Палецкис Ю. Думы о старшем брате. - М.: Госполитиздат, 1959. - 69с.
189. Пальмов И.С. Памяти Михаила Осиповича Кояловича // Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. - СПб: Синодальная типография, 1893. - С. XI-XXXVI
190. Пашуто В.Т. Александр Невский. - М.: Молодая гвардия, 1974. - 160 с.
191. Пашуто В.Т. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII— XV веках // Вопросы истории. - 1969. - № 7. - С. 109–128
192. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). - М.: Госполитиздат, 1956. - 279с.
193. Пашуто В.Т. О политике папской курии на Руси (XIII в.) // Вопросы истории. - 1949. - № 5. - С. 52–76

194. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 532с.
195. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М.: Изд-во АН СССР, 1950. - 327с.
196. Пашуто В.Т. Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства // Вопросы истории. - 1958. - № 8. - С. 42–62
197. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. - М.: Наука. 1991. - 400с.
198. Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 г.). - М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науки, 2011. - 688с.
199. Пашуто В.Т. Хозяйство и техника средневековой Литвы // Вопросы истории. - 1947. - № 8. - С. 74-81
200. Петраускас Р. Тевтонский орден в литовской историографии: стабильные образы и меняющаяся перспектива // Studia Teutonica. Исследования по истории Немецкого ордена: сб. науч. тр. - Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. - С. 104-123
201. Пионтковский С. Рец. на кн. Шмурло Е. Курс русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Москва и Литва (1462-1613). Прага: б.и., 1933 // Историк-Марксист. - 1935. - № 12. - С. 142-144
202. Письмо Попечителя Виленского Учебного Округа И.П. Корнилова к М.П. Погдину, от 28 января 1866 г., о необходимости усилить научную деятельность Округа // Корнилов И. П. Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. - С.351-352
203. Письмо профессора Московского университета И.Д. Беляева к Попечителю Виленского Учебного Округа И.П. Корнилову, по поводу составленного им «Очерка истории Северо-Западного края» (1867г.) // Корнилов И. П. Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для

- истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. - С.286-287
204. Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). - М.: Академия наук СССР, 1961. - С. 413-455
205. Пичета В.И. Введение в русскую историю: (источники и историография). - М.: Госиздат, 1922. - 205с.
206. Пичета В.И. Воспоминание о Московском университете (1897-1901 гг.) // Славяне в эпоху феодализма: к столетию академика В. И. Пичеты. - М.: Наука, 1978. - С. 52-66
207. Пичета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. - М.: Соцэкгиз. 1940. - 136с.
208. Пичета В.И. Основные моменты в исторических судьбах народов западной Украины и западной Белоруссии // Историк-марксист. - 1939. - № 5-6. - С. 67-98
209. Пичета В. Рец. на кн. Авижонис К. Шляхта в государственной жизни Литвы во времена дома Вазы // Историк-марксист. - 1941. - №6. - С. 121-122
210. Пичета В.И. Рец. на кн. В.И. А.Е. Прясняков. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Западная Русь и Литовско-русское государство, Москва, 1939 // Историк-марксист. - 1940. - № 3. - С. 138-140
211. Пичета В.И. Рец. на кн. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV-XVI вв. Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1936. - XII, 152, [3] с. // Историк-марксист. - 1937. - №3. - С. 184-187
212. Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. - СПб.: журнал «Нева», 2000. - 416с.
213. Платонов С.Ф. Учебник русской истории. - СПб.: Наука, 1993. - 428 с.
214. Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831-1867. - М.: типография газеты "Русский", 1867. - 240с.

215. Погодин. М.П. Начертание русской истории. Для гимназий. - М.: Университетская типография, 1837. - 408с.
216. Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1: Русская история с древнейших времен. Т. 1. Т. 2. - М.: Мысль, 1966. - 725с.
217. Полевой Н.А. История русского народа. Т 1-6. - М.: В типографии Августа Семена, 1829-1833.
218. Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. - М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. - 431с.
219. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. - М.: Соцэкгиз, 1939. - 245с.
220. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3, кн. 2. Стихотворения, 1826-1836. Сказки. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - 273с.
221. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. - СПб., типография М.М. Стасюлевича, 1892. - 488с.
222. Пьянков А.П. Происхождение белорусского народа. - Минск: Государственное издательство БССР, 1948. - 21с.
223. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. - М.; Л.: АН СССР, 1959. - 283с.
224. Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. - 3-е изд. - М.: Дрофа, 2008. - 288 с.
225. Рубинштейн К.И. Литва. - М.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. - 106с.
226. Рубинштейн Н.Л. От редакции // Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. - М., 1939. - 245с.
227. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. - М.: ОГИЗ, ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. - 659с
228. Русские в истории и культуре Литвы. Историко-биографический очерк. - Вильнюс: Vaga, 2008. - 520с.

229. Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса. URL: http://dugward.ru/library/alexandr2/samarin_polskiy_vop.html (дата обращения: 28.06.2013)
230. Сафроновас В. Идентичность литовскоязычного населения Восточной Пруссии: интерпретации на переломе XX и XXI столетий // Исследования Балтийского региона. - 2011. - № 2. - С. 4-27
231. Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // *Ab Imperio*. - 2009. - № 3. - С. 424-459
232. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. -М.: Высшая школа, 1978. - 256с.
233. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. / Сост. А.В.Белецкий. Т. 1 - Вильна: Русский Почин, 1906. - 232с.
234. Свешников А. Советская медиэвистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х годов. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/cv8-pr.html> (дата обращения 16.07.2011)
235. Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов (из путешествий Павла Петровича Свиньи́на). Ч. I. - СПб., 1839. - 436с.
236. Сидеравичюс Р. Письма русских литераторов профессору И. Н. Лобойко // *Literatūra: Rusistica Vilnensis*. - 2008. - № 50. - С. 90-96
237. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. - Одесса: Городская типография, 1841. - 440с.
238. Смирнов М.П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшей (1387 г.). - СПб: Типография Лермантова и К, 1860. - 157с.
239. Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. II. - Одесса: типография П.Францева, 1868. - С.1-259
240. Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Литва / Под ред. С.С. Тарвидас, А.Б. Басаликас. - М.: Мысль, 1967. - 286с.
241. Соколов А. Литовско-русское государство. - Горький: Политотдел ВВП, 1935. - 13с.

242. Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. - М.: Республика, 1992. - 349с.
243. Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времён. Т. 3-4. - М.: Мысль, 1988. - 765с.
244. Справка о недостатках идеологической работы на имя А. С. Щербакова // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 683-689
245. Сталюнас Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Российская империя в зарубежной историографии. М: Новое издательство, 2005. - С. 570-589
246. Старостина И.П. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988-1989 гг. М.: Наука, 1991. С. 170-344
247. Стороста В. (Видунас). Литва в ее прошлом и настоящем. - Вильно: Изд-во газеты "Литва", 1921. - 49с.
248. Струмскис К.Ю. Советские историки о сотрудничестве Литовской ССР с другими советскими республиками // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР. - Вильнюс: Институт истории АН Литовской ССР, 1978. - С. 122–127
249. Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-и томах. - М.: Ладомир, 1994.
250. Тихонов В.В. Идеологические кампании "позднего сталинизма" и советская историческая наука, середина 1940-х - 1953 г. - СПб.: Нестор-История, 2016. - 424с.
251. Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. – М.: ИРИ РАН, 2014. – 218с.
252. Тихонов В.В. Российский государственный архив новейшей истории: документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь

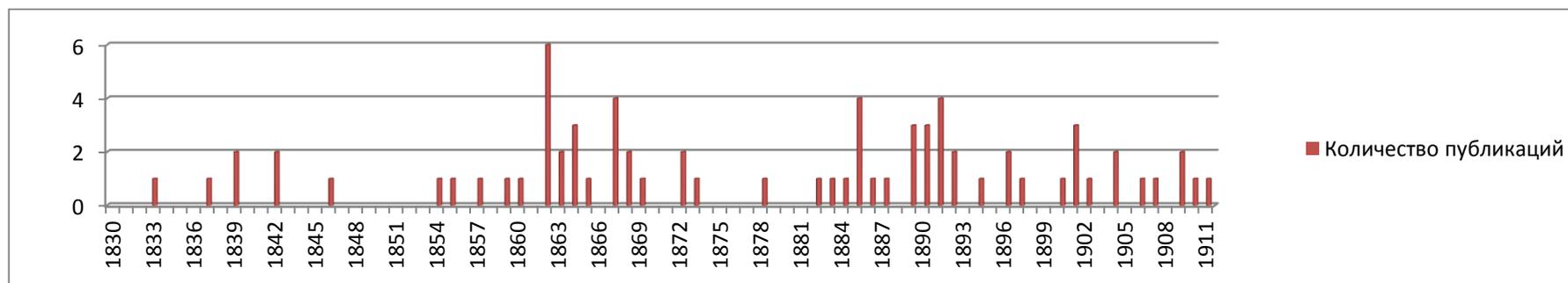
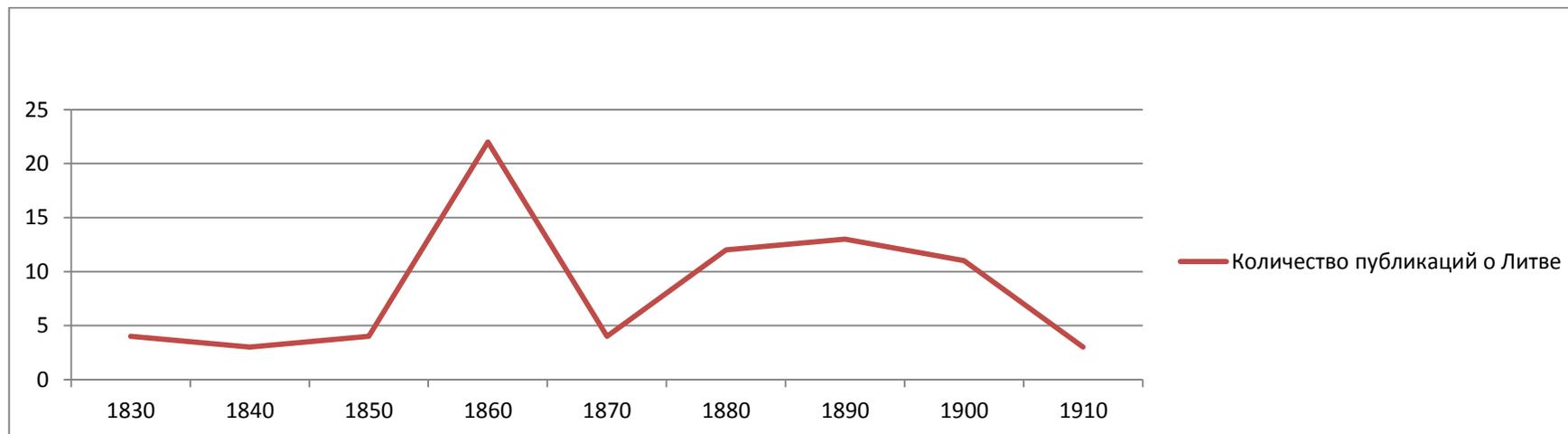
- 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР // Вестник архивиста. - 2017. - № 4. – С. 135-146
253. Тихонов В.В. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал: научные исследования. - 2016. - № 2. - С.177-185.
254. Турчинович И.В. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. - СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. - 303с.
255. Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. - СПб.: Типография Ф. Дрекслера, 1813. - 31с.
256. Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. - М.: Наука, 1985. - 261с.
257. Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. - М.: Наука, 1973. - 303с.
258. Ульянов Н.И. Происхождение украинского национализма. - М.: Индрик, 1996. - 299с.
259. Устрялов Н.Г. Исследование вопроса какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. - СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. - 42с.
260. Устрялов Н.Г. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. - СПб.: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1842. – 218с.
261. Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1. - СПб.: Типография Аполлона Фридрихсона, 1855. - 446, Vc.
262. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. - М.: Высшая школа, 1992. - 350с.
263. Филатова Е.Н. Латышские уезды Витебской губернии в восстании 1830-1831 гг. // Россия и Балтия. - М.: «Наука», 2008. - Вып. 5. - С. 40-47
264. Филюшкин А.И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. - 2004. - № 4. - С.561-601

265. Филюшкин А.И. «Другая Русь» в русской историографии // Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“. - Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008. - P. 94-113
266. Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. - СПб: тип. В.С. Балашева, 1890. - X, 233с.
267. Филевич И.П. История древней Руси: Территория и население. Т.1. - Варшава: тип. Ф. Чернака, 1896-1897. - XII, 384 с.
268. Флоря Б.Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовском поле// Куликовская битва. - М.: Наука, 1980. С. 142-173
269. Фукс А.Н. Федорович Платонов. Краткий историко-биографический очерк // С.Ф. Платонов. Лекции по русской истории. - М.: Высш. шк., 1993. - С. 12-13
270. Хлевов А.А. Предисловие // Иванов Н.М. История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей). Книга 1. - Спб.: Книга, 2003. - 300с.
271. Хорошкевич А.Л. Великое княжество Литовское // История Европы. Средневековая Европа. Т. 2. М.: Наука, 1992. - С. 432-437
272. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: книга для учителя / Сост. П.П. Епифанов, Сост. О.П. Епифанова. - М.: Просвещение, 1989. - 287, 1с.
273. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. - М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. - 898с.
274. Четыре статьи И.П. Корнилова о введении русского алфавита в литовский язык (1900-1901 гг.) // Корнилов И. П. Русское дело в Северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. - С. 446-460
275. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. - Киев: Наукова думка, 1987. - 181с.

276. Шаджюс Г.А. Литовская Советская Социалистическая Республика // Советская историческая энциклопедия. Т.8. - М.: Государственное научное издательство "Советская энциклопедия", 1965. - С. 733-734
277. Шмурло Е.Ф. История России. - Мюнхен: Град Китеж, 1922. - 566с.
278. Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т.1-2. - СПб.: Алетейя, 1999.
279. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 1-7. – СПб.: Императорская академия наук, 1770-1791.
280. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. Издание второе. Т. 22. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. - С. 11-52
281. Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографии западных губерний России. - СПб: В типографии Дома Призрения Малолетних Бедных, 1864. - 72с.
282. Ючас М.А. Изучение истории Литвы периода феодализма в работах советских историков // Историографические исследования в Советской Прибалтике и Белоруссии. Материалы научной сессии, посвященной 50-летию образования СССР. - Рига: 1972. - С. 25-27
283. Ярушевич А.В. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. - Смоленск: типо-лит. инж.-мех. С. Гуревич, 1896. - 50, XVIII, Пс.
284. Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. - Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В. И. Завадского, 1889. - 210с.
285. Buchowski K. Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. - Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. - 430p.
286. Гуслистый К. Нариси з історії України. Вип. II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). - Київ: Видавництво Академії наук УРСР, 1939. - 195с.

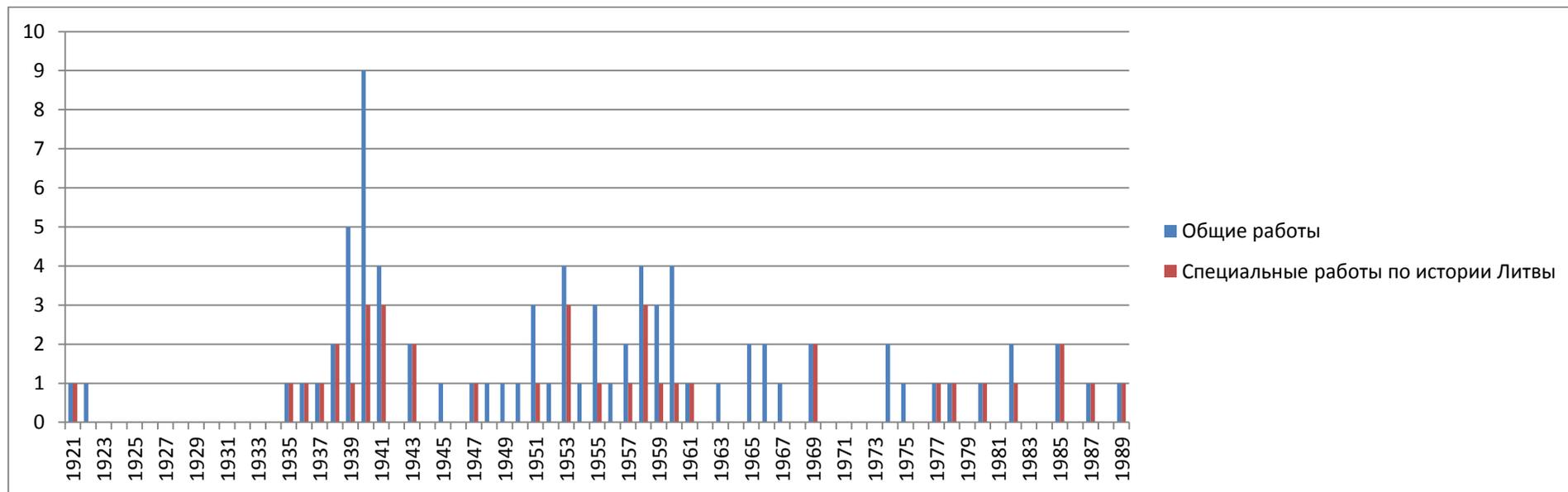
287. Gudavičius E. Ar pasistumeta sovietineje istoriografijoje po Henriko Łowmiańskio "Studijų apie Lietuvos valstybes ir visuomenes genezę" // Lietuvos sovietinė istoriografija: teoriniai ir ideologiniai kontekstai. Vilnius: Aidai. P. 121-139.
288. Дорошенко Д. Володимир Антонович. Його життя й наукова та громадська діяльність. - Прага: Видавництво Юрія Тищенка, 1942. - 163 с.
289. Jakštas J. Russian historiography on the origin of the Lithuanian state. Some Critical Remarks on V. T. Pashuto's Study // Lituanus. Lithuanian quarterly journal of arts and sciences. - 1965. - Vol. 11, No.4. - P. 25-46.
290. Lietuvos TSR istorija: Nuo seniausių laikų iki 1861 metų. T. 1. - Vilnius: Politines ir Mokslines Literatūros Leidykla, 1957. - 447 p.
291. Lietuvos TSR istorijos chrestomatija. - Kaunas: Sbiesa, 1972. - 319 p.
292. Nolte H-H. Drang nach Osten. Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. - Köln: Europäische Verlags-Anstalt, 1976. - 270p.
293. Staliūnas D. Imperial Nationality Policy and the Russian Version of the History of the Grand Duchy of Lithuania in the Mid-Nineteenth Century // Central Europe. - 2010. - Vol. 8 №. 2. November. - P. 146–57
294. Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. – Warszawa: Nakł. G.L. Glucksberga, 1846. – 572s.
295. Švedas A. Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985). - Vilnius: aidai, 2009. - 335p.
296. Totoraitis J. Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. - Freiburg: 1905. - 155p.
297. Шевчук В. Нерозгадані таємниці “Історії русів” // Історія Русів. Український переклад Івана Драча. - Київ: Веселка, 2003. - С. 7-51

Приложение 1. Количество публикаций дореволюционных историков, которые связаны с литовским прошлым, по годам³⁹⁹.

³⁹⁹ В приложении представлен график, показывающий общее количество научных трудов по годам, вышедших до революции и связанных с литовской историей.

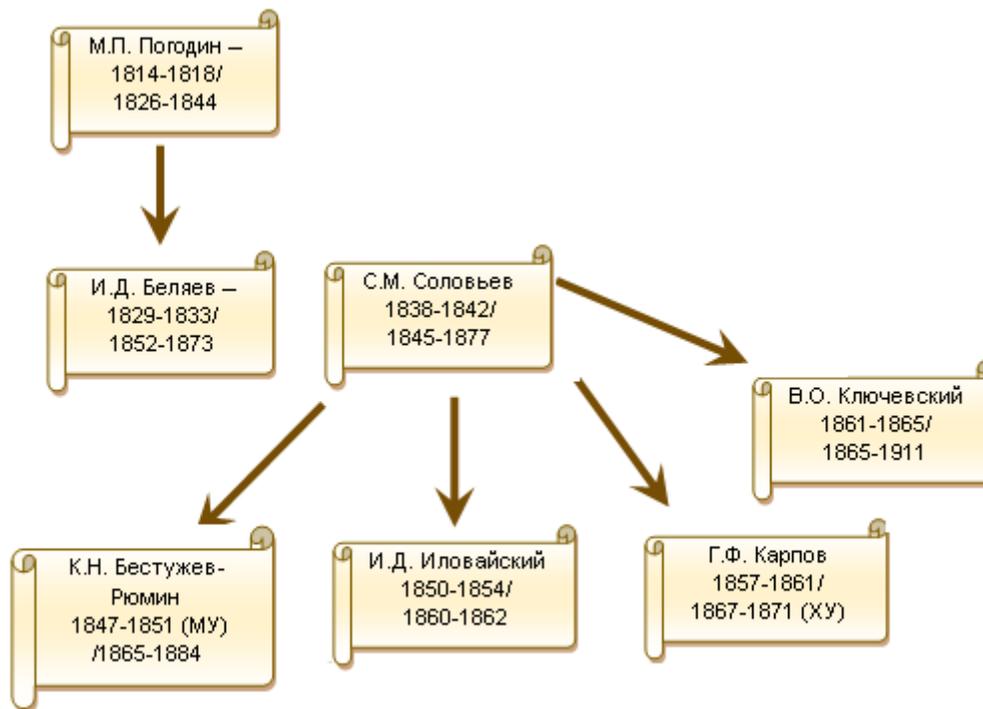
Приложение 2. Количество публикаций советских историков, которые связаны с литовским прошлым, по годам⁴⁰⁰.

⁴⁰⁰ В приложении представлен график, показывающий количество общих работ (в которых история Литвы является фоном основному предмету исследования) и количество специальных исследований по годам, посвященных литовскому прошлому и опубликованных в советское время.

Приложение 3. Институциональное древо дореволюционных ученых, занимавшихся литовской историей⁴⁰¹

Московский университет

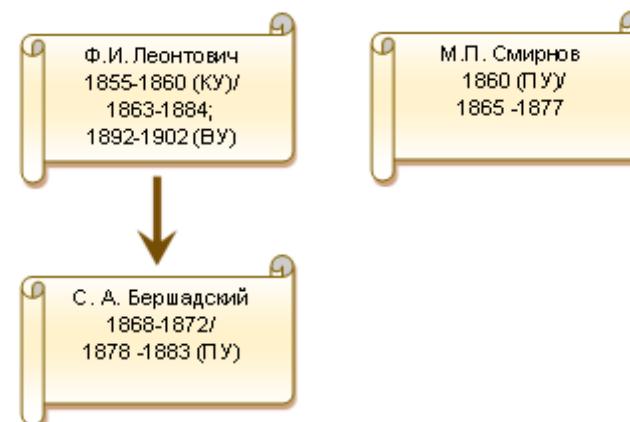

⁴⁰¹ В скобках указывается научная институция, в которой ученый либо учился, либо преподавал. Примечания: ВДУ – Виленское духовное училище; ВРУ – Виленское реальное училище; КУ – Киевский университет; ЛУ – Львовский университет; МУ – Московский университет; НУ – Новороссийский университет; ПУ – Петербургский университет; ТУ – Томский университет; ХУ – Харьковский университет; ЮУ – Юрьевский университет.

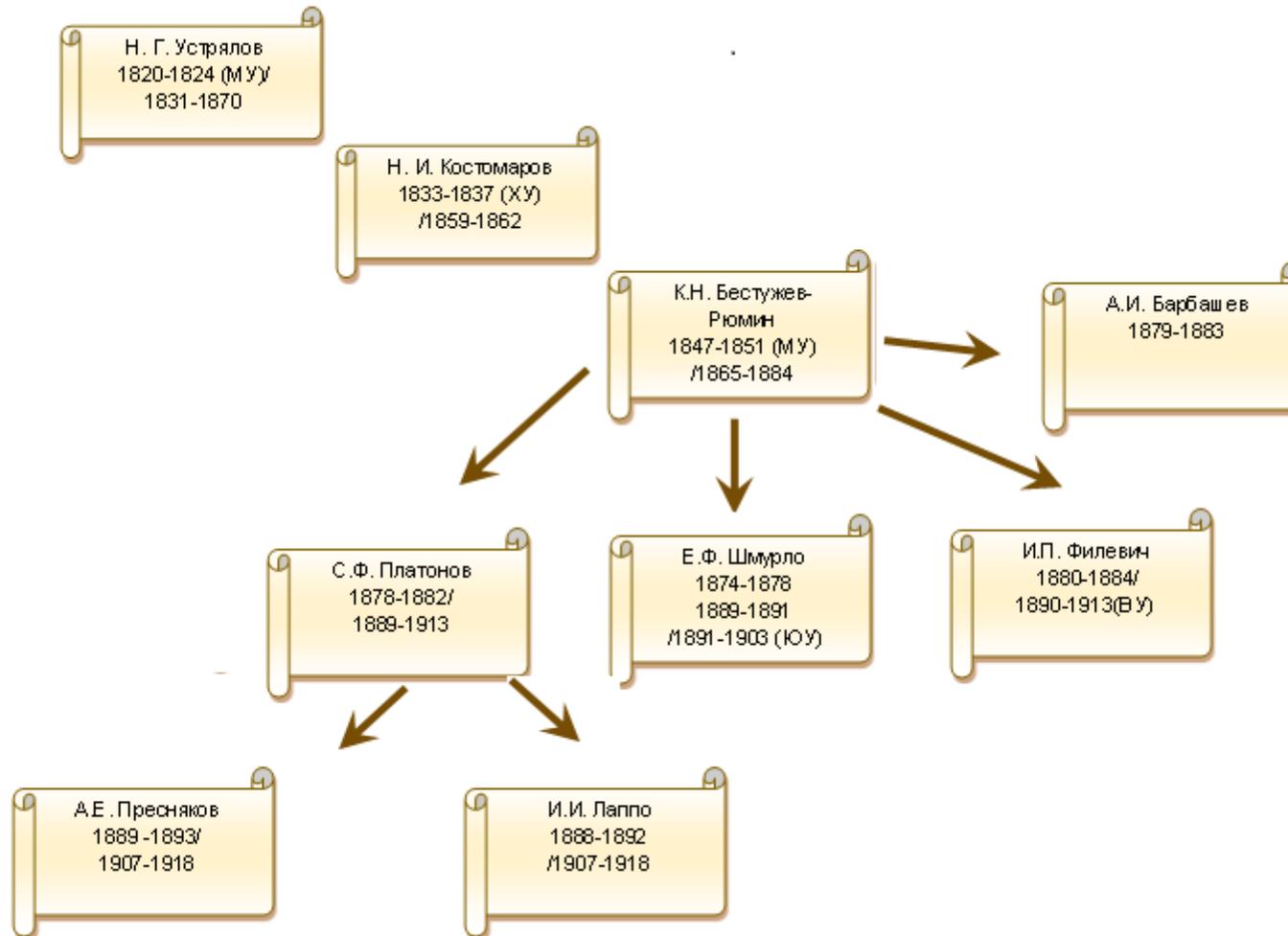
Санкт-Петербургская духовная академия

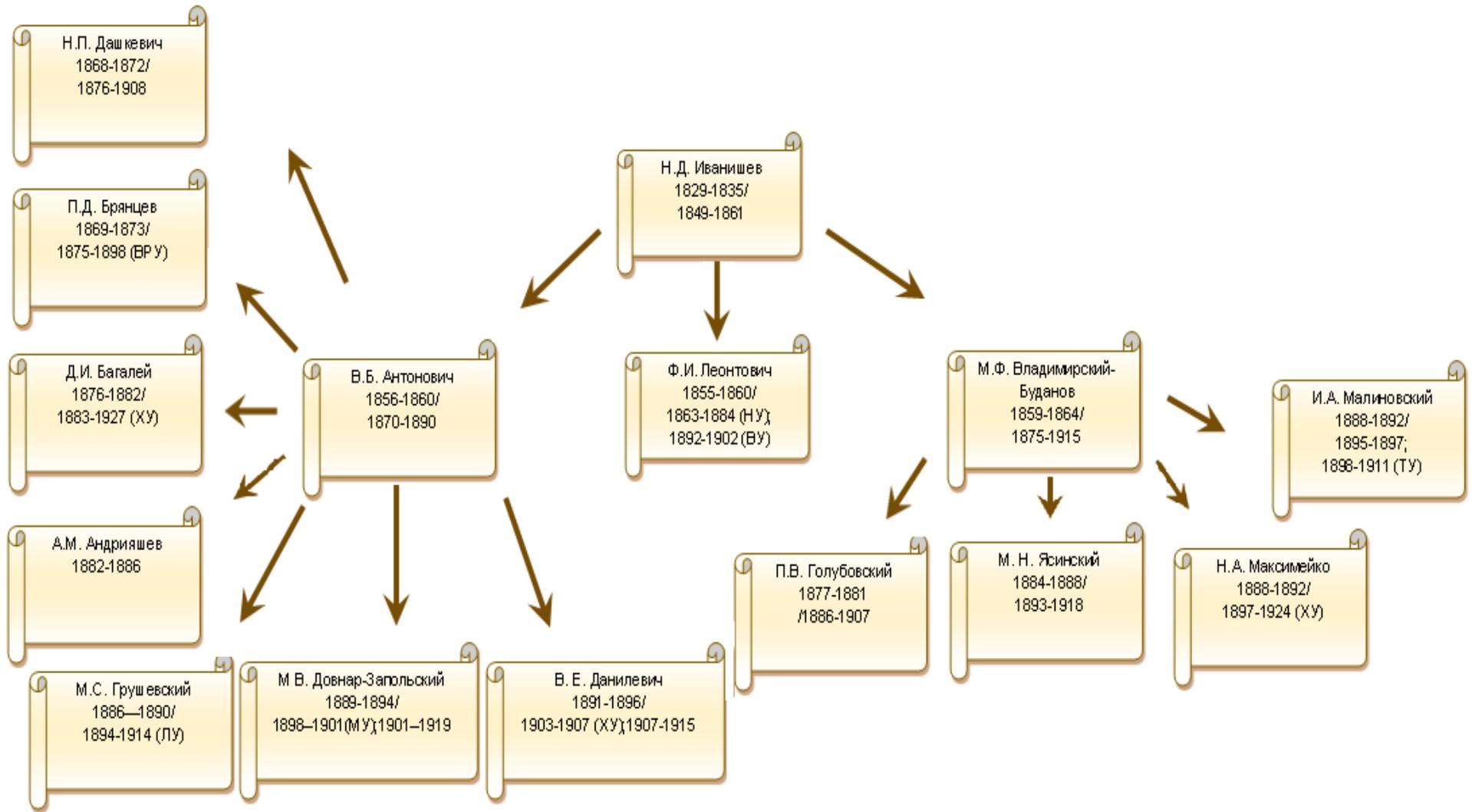
Новороссийский университет

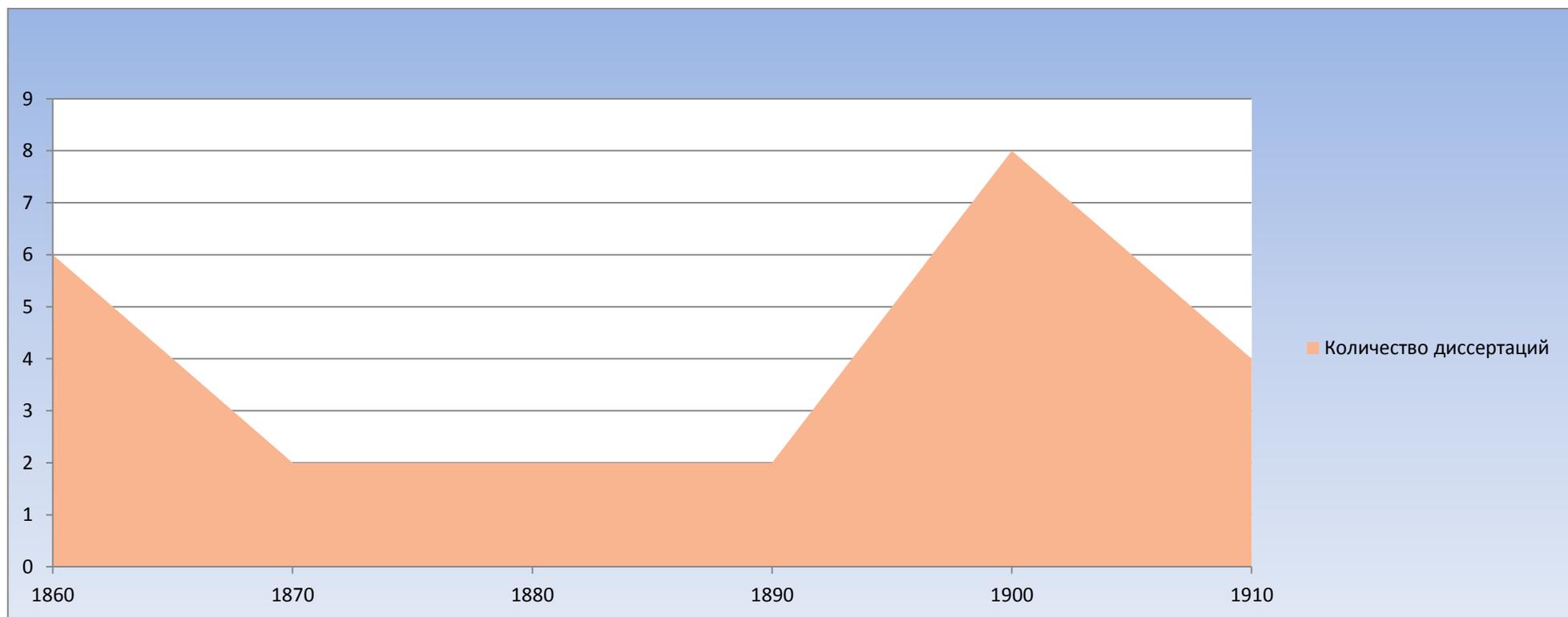
Петербургский университет

Киевский университет

Приложение 4. Количество магистерских и докторских диссертаций по литовской истории по годам, защищенных до революции.

Приложение 5. Количество магистерских и докторских диссертаций по литовской истории по научным институтам, защищенных до революции.

